This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 829,555

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

П. 7498

Bibliothèque Russe
Tourgueneff.
328, Rue St.-Jacques, 328
Русская Тургеневская библиотека

Peshekhonov, Alekseĭ Vasil'evich
ДУБЛЕТНЫ ФОНД
Урядової бібліотеки
імя Горкага
Аддзел № 41314

А. В. Пѣшехоновъ.

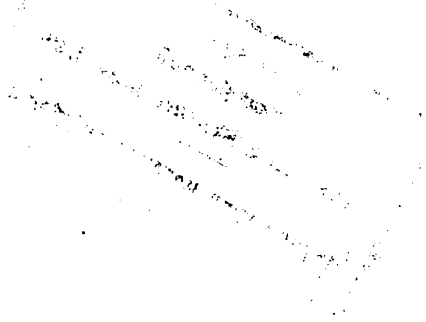
НАКАНУНѢ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО"

Bibliothéque Russe
Tourguenef.
328, Rue St.-Jacques, 328
Русская Торг. Народная Библиотека

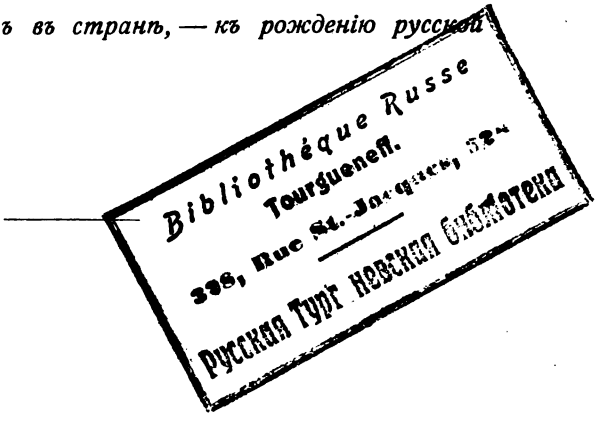
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

DK
263
.P46



Stacks
Exchange
All-Union St. Lib
of Foreign Lit
12-13-71
902053-293

*Вошедшія въ настоящее изданіе статьи написаны въ 1905 г. въ качествѣ внутреннихъ обозрѣній для журнала „Русское Богатство“ *). Съ внѣшней стороны между ними во многихъ случаяхъ нѣтъ видимой связи. Писавшіяся въ теченіе цѣлаго года, при крайне различныхъ общественныхъ и журнальныхъ условіяхъ, онѣ и по настроенію представляются далеко не однотонными. Однако, и за всѣмъ тѣмъ, я счелъ возможнымъ не только объединить ихъ въ одной книгѣ, но и обобщить однимъ названіемъ. Всѣ онѣ написаны накануне великаго перелома въ русской жизни, всѣ онѣ имѣютъ то или иное отношеніе къ великому событію, какое происходитъ въ странѣ, — къ рожденію русской демократіи.*



*) Исключеніемъ въ данномъ случаѣ является первая статья: „Война и отечество“. Она была написана еще въ 1904 г. и, хотя предназначалась тоже для „Русскаго Богатства“, но по цензурнымъ условіямъ не могла въ немъ появиться и первоначально была напечатана въ „Правѣ“. Изъ внутреннихъ обозрѣній 1905 г. въ настоящее изданіе не вошли тѣ, которыя были посвящены крестьянскому движенію и аграрному вопросу. Онѣ выпущены отдѣльнымъ изданіемъ („Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ“).

I. Война и отечество.

Ноябрь 1904 г.

I.

Девять уже мѣсяцевъ длится война. Чѣмъ дальше, тѣмъ ожесточеннѣе и кровопролитнѣе она остановится. Сердце содрогается отъ ужаса, когда читаешь объ этихъ потокахъ крови, которыми заливаются доселѣ безвѣстныя и никому ненужныя сопки. Всю картину ожесточенной,—то замирающей, то съ новою силою разгорающейся бойни трудно себѣ и представить. Намъ извѣстны лишь кое-какія ея детали и; нѣкоторыя изъ нихъ прямо рѣжутъ сердце. Развѣ можно когда-нибудь забыть хотя бы этотъ разсказъ о раненыхъ, которые въ теченіе недѣли оставались между вражескихъ позицій не подобранными. Тщетно они, собираясь съ послѣдними силами, поднимались на ноги и знаками умоляли о помощи. Они должны были умереть, истекая кровью и задыхаясь отъ разлагающихся вокругъ нихъ труповъ: ни та, ни другая сторона не рѣшилась выслать къ нимъ санитаровъ. Ожесточеніе воюющихъ доходитъ временами прямо до какого-то озвѣрѣнія. На трупѣ одного японца, павшаго на знаменитой сопкѣ съ деревомъ, насчитано, по словамъ корреспондента, свыше сорока штыковыхъ ранъ. Въ смертномъ боѣ враги душатъ другъ друга руками, выдавливаютъ одинъ другому глаза, перегрызаютъ другъ другу горло...

И это только часть,—можетъ быть, даже не главная часть, — тѣхъ ужасовъ, какіе таитъ въ себѣ война. Когда я пишу эти строки, русскіе и японцы стоятъ на соприкасающихся позиціяхъ, готовые каждую минуту ринуться другъ на друга. Полмилліона людей живутъ въ непрестанной тревогѣ, спятъ на голой землѣ, въ лучшихъ случаяхъ въ палаткахъ, въ которыя можно пробраться

только ползкомъ, на передовыхъ же позиціяхъ—прямо въ окопахъ. Морозы доходятъ уже до 20-ти градусовъ, дуютъ безпрестанные вѣтры, проносятся уже снѣжныя бури. Нерѣдко войска не смѣютъ даже развести костры, чтобы обсушиться и обогрѣться. Да и нечего уже жечь въ этой разворенной странѣ. Даже знаменитая сопка стоитъ теперь безъ дерева: «солдаты—читаемъ мы въ одной изъ телеграммъ—давно срубили его на дрова». Пища на нѣкоторыя позиціи подвозится только ночью, воду нерѣдко приходится добывать подъ выстрѣлами. Не досыпая, не доѣдая, дрожа отъ холода и сырости, эти люди ждутъ своей смерти. Къ тѣмъ изъ нихъ, которыхъ пощадила и пощадитъ вражеская шрапнель, быть можетъ, уже подбираются тифъ и другія болѣзни. Кто же не знаетъ, что въ каждой войнѣ, особенно если она сопряжена съ зимней кампаніей, отъ всяческихъ болѣзней умираетъ гораздо больше людей, чѣмъ отъ непріятеля.

Раненыхъ и больныхъ нужно еще эвакуировать за сотни и тысячи верстъ, пока для нихъ найдутся мѣста въ госпиталяхъ. Нужно ли говорить объ этихъ двухколескахъ и арбахъ, на которыхъ ихъ трясутъ по взрытымъ дорогамъ? Но и этихъ, единственно возможныхъ въ такой некультурной странѣ, какъ Манчжурія, повозокъ раненымъ приходится ждать иной разъ по нѣсколько сутокъ. Нужно ли говорить о скотскихъ вагонахъ, въ которыхъ подстилкою подчасъ служитъ пометъ, который некогда вычистить? Вѣдь даже «теплушекъ» — тѣхъ же товарныхъ вагоновъ только съ наскоро поставленными желѣзными печами — послѣ большихъ сраженій не хватаетъ. Нужно ли говорить о баржахъ, въ которыхъ, не смотря на заморозки, все еще «приходится» эвакуировать больныхъ и раненыхъ?

Между тѣмъ ужасны вѣдь не только физическія лишенія, не только физическая боль. Несравненно, быть можетъ, ужаснѣе, то, что происходитъ въ душѣ у приговоренныхъ къ смерти, — хуже того, у приговоренныхъ постоянно видѣть и сѣять смерть. Заглянуть въ эту душу мы не можемъ. Но вѣдь не напрасно и въ русской и въ японской арміяхъ такъ много заболѣвающихъ душевнымъ разстройствомъ. Въ газетахъ недавно появилось письмо одного портъ-артурскаго офицера. Отецъ пишетъ сыну: убиты такіе-то, ранены такіе-то, сошли съ ума такіе-то, застрѣлились такіе-то. Застрѣлились... Какую душевную муку должны были пе-

режить эти люди, если они не смогли дождаться вражеской пули, которыхъ такъ много рѣетъ около нихъ, и сами поспѣшили покончить съ собой!

Дѣло не въ военныхъ только людяхъ. На гибель и муки обречены вѣдь не только тѣ сотни тысячъ и, быть можетъ, милліоны, которые обернутся въ той и другой арміяхъ. Подумайте хотя бы о несчастномъ населеніи Манчжуріи. Раненаго врага лѣчатъ, но кто же будетъ лѣчить китайца? Къ военноплѣнному относятся съ уваженіемъ, проштрафившагося же китайца просто на просто разстрѣливаютъ. Достаточно съ его стороны неловкаго движенія, чтобы быть заподозрѣннымъ. Чтобы не попасть подъ выстрѣлы, онъ бросаетъ свою фанзу и бѣжитъ безъ оглядки. Дороги къ Мукдену усыпаны несчастными бѣглецами. Скотъ и арбы у нихъ уже отобраны и они на себѣ тащутъ свои пожитки, своихъ дѣтей, своихъ стариковъ, больныхъ и калѣкъ. Когда они опять вернутся на родину, то поля ихъ будутъ уже потоптаны и жилища разрушены. Долгіе годы пройдутъ, прежде чѣмъ они оправятся; внуки и правнуки ихъ будутъ вспоминать всѣ пережитые ими въ эту злую годину ужасы.

Наши нервы притупились или наше нравственное чувство подавлено,—я не знаю, но только о китайцахъ, которымъ въ чужомъ пиру приходится терпѣть похмелье, мы мало даже думаемъ. Слезъ ихъ, конечно, мы не видимъ и рыданій не слышимъ. Но вѣдь нѣтъ надобности отправляться въ Манчжурію, чтобы понять весь ужасъ войны. Правда, есть люди, которые ея «почти не чувствуютъ». Таковъ, напримѣръ, г. Плевако.

— Много-ли силъ беретъ у насъ война?—говоритъ онъ.—Можетъ быть по одному человѣку изъ каждой деревни взято въ Манчжурію. Это совсѣмъ незамѣтная убыль для народа. Россія даже не всколыхнулась. Война чисто колоніальная и имѣетъ частное значеніе...

Но вѣдь эти толстокожіе люди не почувствуютъ, можетъ быть, и того, если вся Россія истечетъ кровью. Имъ нѣтъ дѣла до рыданій, какія раздаются въ странѣ, и до раздирающихъ душу сценъ, какія происходятъ въ мобилизуемыхъ уѣздахъ. Отцы кончаютъ съ собою, не имѣя силы бросить на произволъ судьбы свои семьи, жены цѣпляются за колеса вагоновъ, матери кладутъ дѣтей на рельсы, лишь бы удержать поѣздъ, въ которомъ увозятъ запас-

ныхъ. Это острое горе скроется съ нашихъ глазъ; оно разойдется по деревнямъ и избамъ, но не исчезнетъ. Еще долго будутъ литься слезы. Онѣ будутъ литься не только пока длится война, но и много лѣтъ послѣ. Еще долго заплаканные глаза будутъ высматривать безъ вѣсти пропавшихъ, еще долго будутъ болѣть простуженныя кости и вскрываться плохо зажившія раны, еще не скоро вымрутъ калѣки, которыхъ наплодитъ намъ война, и не скоро еще вырастутъ осиротѣвшія дѣти. Да, не скоро еще высохнетъ эта «горя рѣченька бездонная».

Девять уже мѣсяцевъ длится война и съ каждымъ днемъ эта рѣченька становится все шире и глубже.

II.

Газеты полны сейчасъ извѣстіями о выносливости, стойкости и беззавѣтной храбрости русскихъ войскъ. Тысячи людей безропотно переносятъ всѣ выпадающія на ихъ долю лишенія, безмолвно идутъ на вѣрную смерть, не дрогнувъ проходятъ подъ разрывающимися надъ ними ядрами, не задумываясь лѣзутъ на ощетинившіеся и извергающіе огонь вражескіе окопы. «Войска рвутся въ бой» — чуть не ежедневно читаемъ мы въ телеграммахъ.

Я не знаю, можно ли въ данномъ случаѣ говорить о храбрости и другихъ военныхъ доблестяхъ. Среди сражающихся, несомнѣнно, очень много храбрыхъ воиновъ; есть, конечно, и «лодыри», какъ называетъ ихъ генералъ-лейтенантъ Сухотинъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ. Но было бы странно, какъ мнѣ кажется, движенія массъ объяснять личными свойствами составляющихъ ихъ единицъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели корпусъ генерала Штакельберга подъ Вафангоу состоялъ цѣликомъ изъ трусовъ? Почему же эти трусы, когда они дошли до Ляояна, превратились въ героевъ? Неужели и въ дивизіи Орлова были только «лодыри»?

Въ нашихъ представленіяхъ о войнѣ, несомнѣнно, имѣется много пережитковъ стараго, очень давняго времени. Для рыцаря или дружинника война была дѣломъ жизни, любимымъ занятіемъ: онъ тосковалъ о битвахъ, гордился каждымъ шрамомъ, мечталъ о томъ, что его имя будетъ воспѣто бардомъ. И войны тогда были другія: было въ чемъ проявить себя храбрости, удали, молодечеству.

Теперешняя война имѣетъ совсѣмъ иной характеръ. «Она, — пишетъ М. А. Стаховичъ изъ Мукдена, — потеряла прежній размахъ удали, величіе смѣлости и твердости. До послѣдней минуты всѣ—подъ землей, всѣ укрыты, всѣ спрятаны, дѣйствуютъ только снаряды, электричество, злодѣйство и коварство. И эта бездушная армія не только безпощаднѣе, но и гибельнѣе, сильнѣе человѣческой». «Огонь падалъ съ неба» — говорили раненые дагестанцы послѣ Ляоянской битвы, и этотъ огонь уничтожилъ весь ихъ отрядъ, прежде чѣмъ онъ показалъ свою удаль. Теперь люди нерѣдко умираютъ, не видавъ даже врага, и самые храбрые воины погибаютъ также, какъ должны гибнуть «лодыри».

Главное же, и люди, которые теперь сражаются, совсѣмъ иные. Дагестанцевъ, всегда готовыхъ ринуться въ бой, теперь уже немного на свѣтѣ осталось. И въ арміи, нужно думать, такихъ любителей войны немного найдется. Можетъ быть, это только добровольцы, если они еще не успѣли разочароваться. Вѣдь даже офицерство идетъ на Дальній Востокъ не столько по призванію, не столько изъ-за славы и наградъ, сколько по велѣнію суроваго и, главное, неизбѣжнаго долга. Нужно ли говорить про сѣрую солдатскую массу? Вѣдь не храбрость и желаніе показать свою удаль, даже не сознаніе своего долга привели эти сотни тысячъ людей на поля Манчжуріи. Вѣдь они насильно, подъ страхомъ всяческихъ каръ, были вырваны изъ мирной жизни и брошены подъ жерла вражескихъ орудій. И это нравственное насиліе, лежащее въ корнѣ современной войны, кладетъ особо страшный отпечатокъ на тѣ ужасы, которыми полна она.

Войска рвутся въ бой... Я не сомнѣваюсь въ этомъ фактѣ, но онъ для меня имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ какой дается ему въ реляціяхъ.

Я служилъ въ солдатахъ и прошелъ въ свое время солдатскую науку. Я помню, какъ отъ насъ добивались сознательнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ и заставляли учить «словесность». Многія статьи этого солдатскаго кодекса я и до сихъ поръ знаю наизусть. Я помню, напримѣръ, что «солдатъ есть слуга государя и отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ». Я знаю, что «внѣшними врагами называются тѣ иностранныя государства, съ которыми намъ приходится вести войну». Я знаю, что «знамя есть священно-военная хоругвь, подъ которую

собираются воины, вѣрные своему государю, чтобы идти въ бой со врагомъ», и что это «знамя состоитъ изъ полотна, прикрѣпленнаго къ древку»... Что такое «отечество», намъ не объясняли, но вѣдь это мы знали и такъ, своимъ сердцемъ.

Многимъ изъ насъ не легко было усвоить эти заповѣди. Я помню товарища-поляка, прибывшаго въ роту ни слова не зная по-русски. Онъ долго не могъ осилить этой массы новыхъ, совершенно не употреблявшихся въ обычномъ обиходѣ словъ и постоянно выводилъ дядьку изъ себя самымъ несообразнымъ ихъ сочетаніемъ. Иной разъ получались какъ бы преднамѣренные каламбуры. «Что такое солдатъ?» спрашивалъ дядька.

— Солдатъ есть отечество, прикрѣпленное къ древку...

Едва ли нужно говорить, что не только такія, но и еще болѣе безсмысленныя сочетанія не оставались безнаказанными... Какъ бы то ни было, за годы службы словесность мы усвоили.

Обучали насъ и многимъ другимъ доблестямъ. Насъ учили, напримѣръ, носить фуражки на бекрень, не моргая глядѣть на начальство и вообще смотрѣть «героями» или «ироями», какъ выговаривалъ нашъ фельдфебель. Цѣлыми часами насъ выдерживали на повѣркѣ, въ мучительной позѣ: «смирно», добиваясь этого молодцоватаго вида. Насъ учили кричать: «ура» и «рады стараться».

— Отвѣчай, какъ ротному командиру! какъ баталіонному!—покрикивалъ фельдфебель.

Мы превзошли и эту науку. Главное же, насъ учили дисциплинѣ. О, я хорошо знаю, какъ трудно повернуться направо, когда командуютъ: «налѣво». Для этого мало сокращенія нѣкоторыхъ мускуловъ и той нервной силы, которая нужна, чтобы привести ихъ въ движеніе; нужно обречь себя еще на ругань и, быть можетъ, на еще болѣе тяжкія оскорбленія.

Я думаю, что въ концѣ концовъ мы были не дурными солдатами. Мы «ѣли глазами начальство» и смотрѣли «героями»; въ то же время мы готовы были вынести всякую несправедливость и боялись пожаловаться даже на отдѣленнаго начальника, хотя изъ «словесности» хорошо знали, когда и кому нужно жаловаться даже на ротнаго. Были, конечно, между нами и «лодыри», примирившіеся уже со всякимъ униженіемъ, но въ общемъ, я думаю, мы были бы храбрые солдаты, хотя и трусы, большіе трусы передъ начальствомъ.

Войска рвутся въ бой... Мы знаемъ, какимъ образомъ эти сотни

тысячъ попали на Дальній Востокъ. Стихійная сила, представшая передъ ними въ видѣ волостного старшины, который уже задолго до мобилизаціи не давалъ паспорта, и сельскаго старосты, который въ первый же день «представилъ» запасныхъ своего села по начальству, передвинула эти массы на многія тысячи верстъ. Я могу себѣ представить ихъ и въ боевой обстановкѣ. И тамъ ими движетъ та же стихійная сила, доходящая до нихъ въ формѣ приказа, команды и даже сигнала:

— «Разсыпься по кустамъ!» «Въ колонну соберись!»

И они разсыпаются, собираются, безропотно терпятъ лишенія, безмолвно идутъ на вѣрную смерть...

Не идти они не могутъ. И не только потому, что позади у нихъ униженіе и всѣ тѣ муки, которыми сильна военная дисциплина. Тамъ командуетъ ими еще болѣе грозная сила. Если я не успѣю убить врага, то онъ убьетъ меня; если я не выдавлю ему глаза, то онъ перегрызетъ мнѣ горло—вотъ мысль, которая въ «послѣднюю минуту» царитъ, конечно, надъ всѣми другими соображеніями и которая изъ человѣка дѣлаетъ звѣря.

Войска рвутся въ бой... Но какъ же имъ не рваться, если въ побѣдѣ, какъ имъ говорятъ, всѣ ихъ надежды на спасеніе, если въ смерти—и имъ нечего это говорить—они, во всякомъ случаѣ, найдутъ конецъ своимъ мукамъ. Если люди готовы застрѣлиться, то имъ нечего бояться и штыковаго удара.

Я не знаю, какую роль заповѣди «словесности» играютъ на Дальнемъ Востокѣ. Но я былъ бы несказанно радъ, если бы этими массами, идущими на вѣрную смерть, двигали не только стихійныя силы, но и сознаніе... хотя бы солдатскаго долга. Смерть все-таки была бы легче.

Войска рвутся въ бой... Но это не значитъ, что они сплошь состоятъ изъ героевъ, изъ тѣхъ красавцевъ-героевъ, которыхъ многимъ рисуетъ, быть можетъ, живущее старыми преданіями воображеніе. Не вѣрьте картинкамъ, которыя печатаются въ газетахъ и на которыхъ сражающіеся солдаты обуты въ столь ярко вычищенные сапоги, что въ нихъ даже солнце играетъ. Присмотритесь къ фотографіямъ и вы увидите, что это даже не «ирои».

Если это и герои, то совсѣмъ иного рода. Это жертвы, это мученики.

Мученики еще нужны міру. Но и мученикамъ нужна идея,

чтобы всходить на костры. Какая же идея имѣется у этой жестокой войны? Ради чего происходятъ эти ужасы и за что тысячи, многія тысячи идутъ на смерть и многіе милліоны обречены на страданія?

Въ солдатскомъ учебникѣ имѣется, какъ мы видѣли, готовый отвѣтъ:

— За отечество!

Хорошо умереть за отечество. Но что если въ данномъ случаѣ учебникъ ошибается, если вкралось недоразумѣніе? Что если отечество нуждается не въ этихъ жертвахъ, не въ этихъ мученикахъ? Понимаете ли вы весь ужасъ этого вопроса, даже только сомнѣнія? Сознаете ли вы всю тяжесть лежащей на васъ отвѣтственности? Отечество въ данный моментъ—это вы и вы не смѣете прятаться за внуковъ, которые еще не родились. Нѣтъ! вы, вы сами должны отвѣтить, нужны ли эти жертвы.

III.

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ недавно было помѣщено письмо «тяжело раненаго на родинѣ». Это добровольцъ, въ самомъ началѣ войны отправившійся на Дальній Востокъ и уже вернувшійся оттуда раненымъ. Но онъ говоритъ не о той ранѣ, которую нанесли ему японцы; онъ пишетъ о другой, несравненно болѣе тяжкой ранѣ, которую получилъ уже здѣсь, на родинѣ.

Онъ ѣхалъ на Дальній Востокъ сражаться за отечество. «Что-то дрогнуло въ моемъ сердцѣ,—разсказываютъ онъ,—пробудилось все чистое, хорошее, и меня потянуло слиться съ народомъ, пережить вмѣстѣ съ нимъ общее національное горе». «Часто,—говоритъ онъ дальше,—въ минуту безконечныхъ лишеній, въ ужасныя минуты, когда кругомъ меня падали товарищи (офицеры и солдаты), я не слышалъ ни отъ кого ни жалобъ, ни упрековъ на судьбу. Люди умирали съ твердымъ сознаніемъ, что они свято исполнили свой долгъ по отношенію родины». Онъ тоже рвался въ бой и выполнилъ свой долгъ по совѣсти. Теперь онъ вернулся на родину и что же видитъ и слышитъ? Война не популярна, она раззоряетъ народъ. Въ побѣду никто не вѣритъ, нѣкоторые даже рады пораженіямъ. «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше—говорятъ они,—такъ какъ наше

пораженіе докажетъ несостоятельность бюрократизма и потому наступитъ новая эпоха реформъ».

Думалъ ли я и другіе мои товарищи,—восклицаетъ доброволецъ: —что наши неудачи будутъ радовать часть русскаго общества? Наоборотъ, мы были увѣрены въ противномъ; малѣйшія непріятныя вѣсти насъ тревожили, мучили вдвойнѣ, и за себя и за общество—„какъ-то тамъ это перенесутъ".

Но оказывается, мы напрасно волновались, безпокоились за часть русскихъ людей.

Это какое-то роковое недоразумѣніе...

Это значитъ въ послѣднюю, предсмертную минуту вырвать у человѣка единственное утѣшеніе, что онъ гибнетъ за родину, за народъ.

Это безчеловѣчно, это ужасно.

Если бы вы знали, какъ безконечно тоскливо, мучительно ноетъ сердце отъ полученной раны здѣсь, на родинѣ...

Да, это ужасно... Но напрасно, я думаю, раненый доброволецъ полемизируетъ и взываетъ къ объединенію. Война дѣйствительно не популярна, и этотъ фактъ не смѣютъ оспаривать даже самые ярые шовинисты. Я не знаю, что сказало бы общество въ цѣломъ, но несомнѣнно, что многіе и многіе, если бы ихъ спросили, должны были бы вырвать у солдата «единственное утѣшеніе». Сказать по совѣсти, что сражающіеся гибнутъ «за родину, за народъ» они не могутъ.

Какъ это ни странно, но вѣдь мы до сихъ поръ не знаемъ, изъ-за чего ведется война. Мы слышали, что были какіе-то переговоры, были какія-то разногласія. По слухамъ мы знаемъ, что рѣчь шла о Манчжуріи, о Кореѣ, о какихъ-то лѣсныхъ концессіяхъ. Но въ чемъ были разногласія и почему переговоры разразились войной, объ этомъ русскій народъ до сихъ поръ не освѣдомленъ.

Во всякомъ случаѣ эти разногласія были не таковы, чтобы изъза нихъ можно было объявить отечество въ опасности. По Манчжурскому вопросу общественное мнѣніе страны задолго до войны сложилось прочно и совершенно опредѣленно. Это былъ единственный, быть можетъ, вопросъ, на которомъ сходились самыя непримиримыя фракціи. Даже «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости» не разъ высказывались противъ Манчжурской «авантюры». Почему переговоры были прерваны и загрохотали пушки — это тоже теперь уже не тайна. Все дѣло въ «отпискахъ», которыми русская бюрократія по свойственному ей обычаю пыталась разрѣшить до нельзя обостренный вопросъ.

Какъ бы то ни было, эти первоначальныя причины войны теперь мало кого уже интересуютъ. Одна сторона стыдливо о нихъ умалчиваетъ, другая—русскій народъ—даже не спрашиваетъ. Единственный, сколько-нибудь серьезный резонъ, какой могутъ привести сейчасъ сторонники войны, это наши пораженія. Говорятъ, что честь и достоинство Россіи требуютъ, чтобы война была не иначе, какъ побѣдоносно, закончена. Что касается первоначальной причины войны, то развѣ г. Суворинъ изрѣдка еще пытается пустить въ оборотъ туманный образъ русскаго богатыря, который-де ѣхалъ къ теплому морю и спросонокъ невзначай наткнулся на японскаго «чорта». Эти видѣнія старца мы, конечно, можемъ отбросить. Но вотъ честь, достоинство...

Въ чемъ же однако заключаются они? Если я сдѣлалъ ошибку, то неужели мое достоинство требуетъ, чтобы я громоздилъ на нее новыя и новыя? Въ вопросѣ о Дальнемъ Востокѣ русская бюрократія, несомнѣнно, допустила крупную ошибку. Оставимъ даже въ сторонѣ всѣ имѣвшіеся у нея планы и всѣ пункты разногласія ея съ японцами. Фактъ тотъ, что она не уберегла страну отъ бѣдствій тяжелой и несчастной войны, она ввергла ее въ нихъ «неподготовленной», не соразмѣривъ ея силъ и силъ непріятельскихъ. Разъ эта ошибка обнаружилась, то не слѣдовало ли ее немедленно ликвидировать, употребивъ всѣ усилія, чтобы расплата за нее обошлась для народа возможно дешевле?

Этого, однако, не произошло. Не было сдѣлано ни одного усилія, чтобы прекратить войну въ самомъ началѣ. Напротивъ, явилась мысль спасти свой престижъ разгромомъ Японіи: вѣдь собирались же люди подписывать миръ не иначе, какъ въ Токіо. Ошибки стали громоздиться одна на другую и результаты ихъ теперь очевидны. Самые ярые шовинисты перестали уже собираться въ гости къ микадо и мечтаютъ лишь о Ляоянѣ, Дашицяо и другихъ еще недавно занимавшихся русскими войсками мѣстахъ. Выручить Портъ-Артуръ—это самый отдаленный сейчасъ предѣлъ для подобныхъ мечтаній. «Почетный» миръ—это все, на что можно теперь надѣяться. Никакихъ реальныхъ выгодъ война странѣ доставить не можетъ.

Честь, достоинство... Но чьи же? Прислушиваясь къ своему національному чувству, я не могу сказать, чтобы оно было задѣто тѣми пораженіями, которыя русскія войска терпятъ на Дальнемъ

Востокѣ. И я не выродокъ въ этомъ случаѣ. Вокругъ я вижу много людей, которые думаютъ и чувствуютъ также. Больше того: надо признать, что правъ добровольцъ, котораго я цитировалъ. Часть русскаго общества—какъ это ни невѣроятно, какъ это ни противоестественно,—дѣйствительно думаетъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Камнемъ бросить не трудно, но я думаю, что нужно и можно понять эту психику.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объясняются эти пораженія? Развѣ тѣмъ, что русскій народъ разучился умирать за отечество? Но кто же посмѣетъ это сказать? Этого и не говорятъ; говорятъ, что всѣ неудачи объясняются нашею неподготовленностью. Но развѣ это вина народа? Развѣ я — частица этого народа — могу принять на себя отвѣтственность, за то, что я не дѣлалъ, въ чемъ я не участвовалъ? Если хотите, я виноватъ въ гораздо большемъ. Я виноватъ въ томъ, что въ самыхъ важныхъ національныхъ вопросахъ я до сихъ поръ остаюсь стороннимъ наблюдателемъ. Избавиться отъ этой вины—вотъ чего требуютъ моя честь и мое достоинство. Но умереть за неподготовленность, въ которой я не виноватъ, какъ хотите, никакой чести для себя я не вижу. И для русскаго народа, какъ я думаю, въ этомъ никакой чести нѣтъ.

Да и что такое наша неподготовленность? Сначала казалось, что вся она заключается лишь въ томъ, что на броненосцахъ, въ моментъ перваго нападенія японцевъ, не были разведены пары и не сверкали прожекторы. Что касается силъ то ихъ на Дальнемъ Востокѣ у насъ имѣется, — думали всѣ, — достаточно. Вѣдь съ 1894 г., съ момента нашего вмѣшательства въ Симоносекскій договоръ, мы стали или, по крайней мѣрѣ, должны были готовиться къ войнѣ съ Японіей. Занявъ Манчжурію и задумавъ присоединить ее, мы стали, конечно, готовиться усиленно. Затягивая переговоры съ японцами, мы, конечно, готовились уже спѣшно. Оказалось, однако, что къ моменту разрыва у насъ не было на Востокѣ ни войскъ достаточно, ни орудій надлежащихъ, ни снарядовъ и другихъ припасовъ въ потребномъ количествѣ. Казалось, что все это будетъ быстро наверстано. Черезъ три мѣсяца наши шовинисты обѣщали подавить японцевъ численностью. Прошло девять мѣсяцевъ и мы по прежнему вездѣ оказываемся въ меньшинствѣ. Наша неподготовленность становится хроническою и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается не мѣстною, а общею и всепроникающею.

Восемь мѣсяцевъ готовилась балтійская эскадра, прежде чѣмъ ей удалось тронуться. Готовилась, вѣдь, она здѣсь и дальность разстоянія тутъ не при чемъ. А эта дальность разстоянія... До послѣднихъ дней въ разныхъ инстанціяхъ все еще обсуждался вопросъ, нужно ли прокладывать второй рельсовый путь или можно ограничиться новыми разъѣздами. Здѣсь, не спѣша, рѣшаютъ ариѳметическую задачу,—а тамъ гибнутъ тысячи. Такова наша неподготовленность даже въ крупныхъ, основныхъ вещахъ; но еще характернѣе она въ мелочахъ, имѣющихъ подчасъ роковое значеніе. Съ 1900 г. мы владѣемъ Манчжуріей—и оказывается, что до сихъ поръ у насъ нѣтъ подробныхъ картъ этой страны. Между тѣмъ японцы такія карты имѣютъ. Даже имѣющимися картами, какъ теперь оказывается, наша армія снабжена въ совершенно недостаточномъ количествѣ и развѣдки приходится производить на угадъ, безъ этого необходимаго пособія. За девять мѣсяцевъ не смогли напечатать карты... Если это неподготовленность, то прямо таки безнадежная.

Надо признать, что наша неподготовленность, — если ужъ сводить вопросъ всецѣло только къ ней, — идетъ еще дальше, еще глубже. Страна дезорганизована: это не живой организмъ, а разбитая храмина, которую нужно еще собрать и возсоздать на совершенно иныхъ началахъ. Война не объединила насъ въ одномъ чувствѣ въ одномъ общемъ національномъ порывѣ. Чтобы достигнуть этого единства, нужно сначала покончить наши внутреннія счеты. Нѣкоторымъ врагъ можетъ быть потому и кажется другомъ, что друзья народа все еще считаются его врагами.

Конечно, «азіатамъ», среди которыхъ будто бы необходимо во что бы то ни стало поддержать престижъ Россіи, до этихъ внутреннихъ нашихъ счетовъ нѣтъ никакого дѣла... Впрочемъ, кто знаетъ? Азіаты оказались, вѣдь, очень освѣдомленными людьми и, быть можетъ, сразу бы измѣнили свое отношеніе, если бы узнали, что они имѣютъ дѣло не съ дезорганизованной страной, а со сплоченнымъ народомъ. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ думать о престижѣ, нужно сдѣлаться достойнымъ его. Жизнь дороже «почета». Страна съ полуторастамилліоннымъ населеніемъ имѣетъ, конечно, право разсчитывать на уваженіе къ себѣ, но для этого она должна одѣлаться культурной страной, а не быть только «дортуаромъ въ участкѣ».

Долженъ ли я возвращаться къ вопросу, который поставилъ и

переживать муку отвѣта, который очевиденъ? Но, вѣдь, этотъ отвѣтъ необходимо не только выстрадать, но и выговорить. И мы должны сказать, что жертвы, которыя приносятся на Дальнемъ Востокѣ, отечеству не нужны. Молчать объ этомъ было бы преступно. Отечество нуждается сейчасъ въ совсѣмъ иныхъ герояхъ и въ совсѣмъ иныхъ доблестяхъ... Больше этого. Я думаю, что эти жертвы никому не нужны, не нужны даже бюрократіи. Почетнаго для себя мира она заключить уже не въ состояніи...

IV.

Надо кончить эту ненужную войну и прекратить эти безцѣльные ужасы.

Мы подошли къ самой цитадели патріотическаго кликушества. Не такъ просто—говорятъ намъ—заключить миръ. Упоенная побѣдами Японія не захочетъ вступить въ переговоры или предъявитъ такія условія, что намъ жутко станетъ. Она потребуетъ всего Приамурья, Забайкалья и Иркутска; она обложитъ насъ громадной контрибуціей; она... Стоитъ ли, впрочемъ, повторять эти застращиванія газетныхъ Іудушекъ? По ихъ словамъ даже за Москву мы бояться должны.

Я не знаю, чего потребуютъ японцы. Думаю, что ихъ требованія будутъ не такъ страшны. Само собою понятно, что не на великодушіе побѣдителей, а на ихъ сознательный разсчетъ я въ данномъ случаѣ полагаюсь. Не только для насъ, но и для Японіи война—бѣдствіе, и въ ней уже слышны — слышнѣе даже, чѣмъ у насъ,—голоса за ея прекращеніе. Кромѣ того, едва ли Японія захочетъ чрезмѣрными требованіями нажить себѣ вѣковѣчнаго врага въ полуторастомилліонной націи. Во всякомъ случаѣ условія мира опредѣлятся не тѣмъ только, что потребуетъ Японія, и не тѣмъ, что захочетъ дать Россія; они опредѣлятся соотношеніемъ реальныхъ силъ той и другой стороны въ моментъ подписанія договора, и при томъ не только тѣхъ силъ, которыя находятся на театрѣ военныхъ дѣйствій, но и всѣхъ тѣхъ, которыя могутъ быть мобилизированы. Въ условіяхъ мира будетъ учтенъ каждый винтикъ общественной организаціи, каждый отзвукъ сочувствія, какое только русскій народъ еще можетъ встрѣтить въ цивилизованномъ мірѣ.

Если силъ у насъ еще много, то и условія мира не могутъ быть и не будутъ тяжкими. Во всякомъ случаѣ надо спѣшить, пока эти силы не растрачены.

Можно ли рисковать интересами народа? А мы, несомнѣнно, рискуемъ. Портъ-Артуръ—вѣдь это предпослѣдняя наша ставка, балтійская эскадра—послѣдняя. Нужно чудо, чтобы Портъ-Артуръ удержался до прибытія эскадры. Будемъ вѣрить въ это чудо. Но что, если эскадра не дойдетъ? Послѣ того, что пережито, каждый согласится, что это не пустое карканіе. Большая или меньшая, но доля вѣроятія въ этомъ есть. Безъ флота же справиться съ островнымъ государствомъ не возможно. Мы попробовали перейти въ наступленіе—и убѣдились, какъ трудно будетъ выбивать японцевъ изъ занятыхъ ими позицій. Допустимъ, что мы добьемся перевѣса въ Манчжуріи. Но вѣдь пока мы будемъ выбивать врага изъ Янтая, Ляояна, Хайчена, Дашицяо, Инкоу и т. д., и т. д., японскій флотъ можетъ появиться подъ Кронштадтомъ. И намъ, вѣдь, нечѣмъ его отразить. Во всякомъ случаѣ, если останемся безъ флота, рѣшительныхъ побѣдъ, хотя бы война длилась долгіе годы, мы не дождемся.

Заключить миръ, конечно, не легко, но не потому, что Японія будто бы не захочетъ начать переговоры. Это вздоръ. Даже тяжесть иниціативы въ этомъ дѣлѣ можетъ быть почти совершенно обойдена — для этого есть форма дружественнаго посредничества. Гораздо труднѣе пережить другой моментъ, чисто психологическій: найти въ себѣ рѣшимость начать мирные переговоры. Когда много проиграно, то трудно отойти отъ стола, особенно если послѣдняя карта еще не убита, если надежда сорвать банкъ еще не вполнѣ потеряна. Но не въ этомъ только заключается трудность. Надо считаться съ той тяжестью отвѣтственности, которая должна сознаваться въ этотъ моментъ правящимъ міромъ Россіи. Начаться войнѣ было легче: тамъ съиграли свою роль случайности. Для того же, чтобы заключить миръ нужна сознательная рѣшимость, такъ какъ никакая случайность въ этомъ дѣлѣ не поможетъ. Взять на себя отвѣтственность въ такомъ дѣлѣ, оцѣнить всѣ жертвы, взвѣсить всѣ силы—не легкая задача, особенно когда страна молчитъ и національное самосознаніе плохо функціонируетъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ, желаетъ страна: побѣдъ или мира? Кому въ этомъ случаѣ слѣдуетъ вѣрить: Суворину ли, владѣющему большой безцензурной

газетой, или мнѣ, пишущему въ скромномъ подцензурномъ журналѣ. Можно ли взвѣсить доводы той и другой стороны, если свобода сужденій одной изъ нихъ ограничена? Главное же: что думаютъ тѣ многіе милліоны, которые не пишутъ и, быть можетъ, не читаютъ, а только несутъ жертвы?

Облегчить эту тяжесть отвѣтственности можетъ только мнѣніе страны, свободно ею высказанное. Оно—это мнѣніе—необходимо и по другой причинѣ. Только въ немъ, въ народномъ сознаніи, можно найти прочную опору для мирныхъ переговоровъ и надежную гарантію отъ возможныхъ ошибокъ. Довѣряться аппарату, который такъ плохо взвѣсилъ силы страны передъ войною, немыслимо. И взвѣшивать на томъ же аппаратѣ народные интересы опасно.

Найти и создать новыя формы національной организаціи — это сейчасъ самое неотложное дѣло. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и великое дѣло. Оно важнѣе всякихъ побѣдъ, ибо только въ новыхъ формахъ можно опять собрать Русь и только съ ихъ созданіемъ кончится тяжкое лихолѣтье.

II. Канунъ рожденія русской демократіи.

Мартъ, 1905 г.

«Основой дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни была его форма,—писалъ въ 1899 году министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ,—есть развитая и окрѣпшая къ самостоятельности личность; выработать въ народѣ способность къ самоустройству и самоопредѣленію можетъ только привычка къ самоуправленію, развитіе же бюрократіи и правительственной опеки создаетъ лишь обезличенныя и безсвязныя толпы населенія, людскую пыль». «Я искренно и глубоко вѣрю, — писалъ тогда же С. Ю. Витте, — что основой дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни было его форма, есть развитая и окрѣпшая къ самодѣятельности личность». «И для меня безспорной, — продолжалъ онъ далѣе,—представляется та истина, что степень развитія личной и общественной самодѣятельности народа опредѣляетъ степень могущества государства и его положеніе среди сосѣдей. Чѣмъ болѣе развита личность, чѣмъ прочнѣе укоренилась въ ней само-

дѣятельность, способность безъ сторонней помощи устраивать свое благосостояніе, тѣмъ болѣе устойчивости имѣетъ весь общественный, а за нимъ и государственный, строй».

Сама по себѣ эта мысль давно уже сдѣлалась трюизмомъ. Въ правящихъ сферахъ она, однако, циркулировала лишь въ качествѣ одного изъ соображеній, къ какимъ любятъ иногда прибѣгать канцеляріи въ междувѣдомственной полемикѣ. Въ дѣйствительности же инстинктъ самосохраненія, какой свойственъ бюрократіи, неизмѣнно оказывался сильнѣе самыхъ безспорныхъ истинъ и самыхъ примитивныхъ заботъ о дѣйствительной силѣ государства. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія наблюдался, въ сущности, одинъ и тотъ же непрерывный и неуклонный процессъ. Все глубже и глубже проникали развѣтвленія бюрократіи, все больше и больше нарушали они общественную связность, все плотнѣе и плотнѣе охватывали своими щупальцами личность. Въ частности, политика И. Л. Горемыкина, какъ извѣстно, рѣзко расходилась съ провозглашеннымъ имъ самимъ принципомъ. Политика его преемниковъ была сплошнымъ и безусловнымъ его отрицаніемъ. Охваченный, очевидно, тѣмъ же инстинктомъ самосохраненія, С. Ю. Витте изъ своей «искренней и глубокой вѣры» дѣлалъ тотъ выводъ, что «земство—непригодное средство управленія» и, ссылаясь на «Московскій Сборникъ», доказывалъ, что «конституція вообще великая ложь нашего времени и что въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности, эта форма правленія не примѣнима безъ разложенія государственнаго режима».

Царившая такъ долго и такъ безраздѣльно система, конечно, дала свойственные ей результаты. Въ Финляндіи, какъ извѣстно, деревья проникая своими корнями въ гранитныя скалы, раздробляютъ ихъ на мелкія части. Русскій народъ далеко еще не пріобрѣлъ гранитной связности, и намъ нечего удивляться, что разросшемуся на немъ бюрократическому древу удалось дѣйствительно обратить его въ концѣ концовъ въ «людскую пыль».

«Безсвязныя толпы населенія» представляютъ изъ себя, конечно, удобный матеріалъ для бюрократическихъ экспериментовъ. По желанію, ихъ такъ же легко перебросить въ несчетномъ числѣ въ Манчжурію, какъ и инсценировать ими въ нужную минуту городскую улицу. «Безвязнымъ толпамъ», казалось бы, нужна лишь

указка, дабы онѣ не ошиблись, кто внутренній врагъ и гдѣ внѣшній. Такъ, вѣроятно, разсуждалъ покойный В. К. Плеве, — этотъ наиболѣе яркій представитель бюрократическаго режима,—считавшій тѣмъ не менѣе необходимымъ появленіе въ нѣкоторые моменты «народа» на политической сценѣ. Едва ли, однако, нужно говорить, какъ эфемерны и опасны даже съ точки зрѣнія полицейскаго государства эти бюрократическіе разсчеты.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно вѣдь предвидѣть, въ чьихъ рукахъ въ концѣ концовъ можетъ оказаться указка. Полиціймейстеры, пристава и даже урядники уже стали по собственному почину выпускать «народъ» на улицу. Между тѣмъ обстоятельства могутъ сложиться и хуже. «Безсвязныя толпы» могутъ вовсе выйти изъ повиновенія и тогда едва ли для какого бы то ни было общественнаго, а за нимъ и государственнаго строя они могутъ служить опорой. Стоитъ только представить себѣ, какія при этомъ могутъ разыграться сцены,—а прологъ къ нимъ мы уже видѣли на улицахъ Кишинева и Баку,—чтобы понять, какая громадная угроза для общественной безопасности таится въ этихъ «обезличенныхъ и безсвязныхъ толпахъ».

Не менѣе важнымъ представляется въ данномъ случаѣ и другое, вполнѣ уже выяснившееся, обстоятельство. Обращенный въ «людскую пыль», народъ при встрѣчѣ съ хорошо съорганизованнымъ противникомъ оказался лишеннымъ своей «дѣйствительной силы». «Нововременцы» это давно уже поняли и чуть ли не съ самаго начала войны взываютъ къ объединенію. Всѣ усилія ихъ вдохнуть душу живу въ «людскую пыль» оказываются, однако, безрезультатными. И это не потому только, что проповѣдь ихъ безъидейна и самое дыханіе ихъ тлетворно. Если бы они нашли идею, то и въ такомъ случаѣ ихъ усилія разбудить и объединить страну, вѣроятно, оказались бы безрезультатными.

Положеніе народа, лишеннаго своей «дѣйствительной силы», было бы, можетъ быть, безнадежно, если бы бюрократія дѣйствительно успѣла сдѣлаться всесильной и созданная ею опека могла быть, — а къ этому она неуклонно стремилась, — всепроникающей. Къ счастью этого не случилось и не могло случиться. Въ своей разрушительной работѣ бюрократія встрѣтила непреодолимое препятствіе въ упругости человѣческой личности и непреоборимой силѣ заложеннаго въ ней чувства общественности.

Какъ ни тѣсны были уголки жизни, остававшіеся внѣ бюрократическаго воздѣйствія, человѣческая личность не только сохранялась, но и росла, развивалась въ нихъ. Какъ ни многочисленны были заставы и шлагбаумы, общественная мысль ухитрялась обходить ихъ. Какъ ни мелочны были предоставленные обществу дѣла и интересы, оно продолжало собираться около нихъ. Періодъ пышнаго расцвѣта бюрократіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ хотя медленнаго, но столь же неуклоннаго наростанія русской общественности. Въ жизни, въ сущности, все время происходила упорная, хотя подчасъ и мелочная, борьба двухъ радикально противоположныхъ началъ — властнаго усмотрѣнія и свободнаго самоопредѣленія. И что удивительнѣе всего, побѣда въ концѣ концовъ останется—и въ этомъ никто уже не сомнѣвается— на сторонѣ не стараго авторитета, а молодой общественности.

Мнѣ невольно вспоминается с.-петербургскій домъ предварительнаго заключенія. Два-три десятка лѣтъ тому назадъ эта тюрьма считалась верхомъ пенитенціарнаго искусства. Назначенная для подслѣдственныхъ арестантовъ, она гордилась тѣмъ, что достигла полной ихъ изолированности. И дѣйствительно: какъ тщательно были обдуманы всѣ мелочи, какъ строго была выдержана вся система! Взять хотя бы окна съ ихъ замысловатымъ устройствомъ: ничего другого, кромѣ маленькаго клочка закопченаго петербургскаго неба, арестантъ, казалось бы, увидѣть не можетъ. Или эта клѣтка, въ которую ежедневно на 20 минутъ сажаютъ арестантовъ, чтобы они могли глотнуть наполненнаго дымомъ и міазмами воздуха, какой скопляется на тѣсномъ, окруженномъ пятиэтажными стѣнами, петербургскомъ дворѣ; кругъ, не болѣе какъ въ 20 — 30 кв. саж., высокими, поставленными по радіусамъ, перегородками раздѣленъ на 12 отдѣленій, въ которыя и разсаживаютъ выведенныхъ на прогулку арестантовъ; въ центрѣ вышка, на которой все время ходятъ два вооруженныхъ надзирателя; третій—остается внизу и такъ же зорко слѣдитъ за заключенными; и все это затѣмъ только, чтобы сгруппированные даже на этомъ тѣсномъ пространствѣ арестанты не могли вступить въ какія-либо сношенія между собою. Или эта, наконецъ, удивительная система внутренняго передвиженія въ тюрьмѣ, наполненной нѣсколькими сотнями заключенныхъ: высокіе, во всю вышину зданія корридоры и открытыя по длинѣ каждаго этажа галлереи устроены такъ, что находящійся въ одномъ

изъ среднихъ этажей старшій надзиратель одновременно видитъ двѣ стороны тюрьмы и двери болѣе, чѣмъ 300 камеръ; по корридорамъ и галлереямъ во всѣхъ направленіяхъ весь день движутся сопровождаемые надзирателями арестанты: приводятъ новыхъ заключенныхъ, выводятъ уже сидящихъ на допросъ, на свиданья, на прогулку; всѣ движенія, однако, такъ разсчитаны, что заключенные даже издали не могутъ увидѣть другъ друга: въ то время, какъ за однимъ захлопывается дверь камеры, другой показывается въ это время только изъ-за поворота, третій—еще поднимается по лѣстницѣ; если произойдетъ какая-либо заминка, то старшій надзиратель дѣлаетъ знакъ, и всѣ останавливаются, какъ вкопанные... Эту тюрьму показывали въ свое время членамъ международнаго конгресса—и тѣ пришли въ восторгъ отъ русскихъ успѣховъ въ тюремномъ искусствѣ. Въ эту тюрьму и до сихъ поръ ѣздятъ профессора со своими слушателями и даютъ въ ней наглядные уроки тюрьмовѣдѣнія. Что же въ настоящее время представляетъ тюрьма? Дѣйствительно ли заключенные въ ней вполнѣ изолированы? Ничего подобнаго. Когда людей лишаютъ возможности разговаривать другъ съ другомъ, они начинаютъ перестукиваться. Чтобы облегчить этотъ трудъ, тюрьма уже давно изобрѣла свою азбуку. И въ домѣ предварительнаго заключенія неумолчный стукъ идетъ во всѣхъ направленіяхъ: перестукиваются съ сидящими рядомъ, съ сидящими вверху и внизу; перестукиваются черезъ камеру и черезъ этажъ; перестукиваются сквозь стѣны и по водопроводнымъ трубамъ. Сидящіе продолжительное время успѣваютъ настолько хорошо изучить законы распространенія звука, что нѣкоторые научаются, въ концѣ концовъ, при помощи тѣхъ же трубъ, разговаривать другъ съ другомъ даже голосомъ. Совершенно изолированные, по видимости, арестанты находятся все время въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ. Всякій фактъ тюремной жизни быстро дѣлается достояніемъ всѣхъ заключенныхъ. Не менѣе оживленныя сношенія,—при помощи, конечно, совершенно иныхъ средствъ,—происходятъ и съ внѣшнимъ міромъ. Тюрьма нерѣдко узнаетъ новости даже раньше, чѣмъ онѣ сдѣлаются извѣстными большой публикѣ.

Тюремная администрація, конечно, все время вела и ведетъ упорную борьбу съ этимъ подрываніемъ основъ тюремнаго строя. Тюремный механизмъ не разъ уже подвергался новымъ и новымъ усовершенствованіямъ. Во главѣ тюремнаго начальства не разъ

уже ставились люди, которые брались подтянуть «развращенную» тюрьму и репрессіями сломить упорство заключенныхъ. Всѣ усилія оказывались, однако, тщетными. На всякое усовершенствованіе заключенные отвѣчали новою и новою выдумкою, на репрессіи—новымъ и новымъ протестомъ.

Домъ предварительнаго заключенія въ этомъ отношеніи не представляетъ, конечно, никакого исключенія. То же самое явленіе наблюдается въ остальныхъ тюрьмахъ не только Россіи, но, вѣроятно, и всего свѣта. Въ данномъ случаѣ интересно впрочемъ то, что здѣсь лицомъ къ лицу встрѣтились доведенная до совершенства бюрократическая изобрѣтательность съ богатымъ запасомъ наиболѣе живой русской мысли. Результаты этого состязанія бюрократическихъ,—хотя и совершенствуемыхъ, но немедленно застывающихъ, — формъ съ неустаннымъ творчествомъ человѣческой личности оказались въ высшей степени любопытны: въ зданіи раздѣленномъ капитальными стѣнами на нѣсколько сотъ почти герметически закупоренныхъ ящичковъ, сложилась всетаки общественная жизнь, функціонируетъ общественное мнѣніе, имѣетъ силу общественная солидарность. Еще любопытнѣе то, что въ нѣкоторые моменты тюремное начальство бываетъ вынуждено считаться съ этою общественностью. Еще недавно одна моя знакомая, вышедшая изъ дома предварительнаго заключенія, разсказывала мнѣ, какъ начальникъ тюрьмы, пришедшій къ ней въ камеру для переговоровъ по поводу объявленнаго заключенными отказа отъ прогулокъ, между прочимъ спросилъ:

— А ваши товарищи какого держатся на этотъ счетъ мнѣнія?

И онъ не сомнѣвался, что его собесѣдница, хотя и огороженная съ четырехъ сторонъ каменными стѣнами, хорошо это мнѣніе знаетъ.

Такова сила свойственной людямъ общественности. Она зарождается и живетъ даже въ «мертвомъ домѣ», даже среди заживо погребенныхъ въ Шлиссельбургѣ. Наростаніе ея представляетъ въ сущности стихійный процессъ и рано или поздно онъ неизбѣжно преодолѣваетъ всѣ преграды.

Въ силу тѣхъ же «имманентныхъ»,—какъ еще недавно любили выражаться у насъ,—законовъ личнаго и общественнаго развитія, наростала и русская общественность. Наростала, однако, она медленно и, главное, неравномѣрно. Въ лучшихъ условіяхъ находи-

лись верхніе этажи соціальнаго зданія. Здѣсь больше было свѣта и меньше давленія; здѣсь тоньше были стѣны и лучше резонировали звуки; здѣсь давно уже установились и никогда не прерывались сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Заносимыя сюда и самопроизвольно зарождавшіяся здѣсь идеи продолжали жить; циркулируя въ разныхъ направленіяхъ, онѣ будили наиболѣе чуткихъ и объединяли наиболѣе отзывчивыхъ. Въ средѣ русской интеллигенціи, выроставшей до сихъ поръ, главнымъ образомъ, въ этихъ верхнихъ этажахъ, никогда не угасала идейная жизнь и не разъ уже вспыхивала она яркимъ пламенемъ...

Внизу же, въ мрачныхъ, душныхъ и тѣсныхъ каморкахъ царилъ все время каторжный режимъ: здѣсь жизнь была полна труда и лишеній, здѣсь некогда было думать о сосѣдяхъ; съ неимовѣрными лишь усиліями здѣсь люди отстаивали свое право на существованіе. Съ верхними этажами сношенія были рѣдки, и сюда глухо лишь доносились звуки тамошней жизни. Немногіе рѣшались спускаться въ это «подполье» и рѣдкимъ удавалось пронести въ него свѣточъ научнаго знанія. Еще рѣже вспыхивалъ здѣсь факелъ сознательнаго протеста. Однако и здѣсь росла личность, и здѣсь формировалась интеллигенція. Главное же, здѣсь никогда не замирало чувство стихійнаго недовольства, безсильнаго въ единицахъ и страшнаго въ массахъ. Этого непосредственнаго чувства мало въ верхнихъ этажахъ, гдѣ люди сжились съ доставшимся на ихъ долю комфортомъ, хотя и жалкимъ комфортомъ несвободной жизни. Внизу же сно залегло мощными пластами. Правда, здѣсь плохо видно, и обреченные жить въ подвалахъ люди не знаютъ, какъ ихъ много, какая въ нихъ сила. Критическая мысль функціонируетъ здѣсь слабо, и массамъ трудно понять истинную причину придавившей ихъ тяжести. Но за то идея очень быстро можетъ охватить тѣхъ, кто уже объединенъ чувствомъ. И мы знаемъ, какъ плодотворны оказались даже тѣ мерцающіе лучи свѣта, какіе проникали въ подполье...

Медленно и неровно наростала русская общественность. Бывали тяжелыя времена, когда казалось, что личность безсильна будетъ порвать сковавшія ее цѣпи и что передъ проголодавшимся народомъ нѣтъ другого пути, кромѣ вымиранія или пугачевщины. Сжималось сердце отъ боли и ужаса. Но эти унылые дни миновали. Общественныя силы выросли, и никакая бюрократія не удержитъ

теперь ихъ въ понастроенныхъ ею каморкахъ. Рабочія массы всколыхнулись и подъ ихъ напоромъ должны будутъ податься самые прочные своды. Пришла пора перестроивать зданіе.

Народъ понялъ свои бѣды и созналъ свои силы—въ этомъ главный смыслъ развертывающихся передъ нами событій. Отнынѣ онъ самъ будетъ ковать свое счастье.

Да! Въ великіе дни мы живемъ. Съ какимъ тщаніемъ будущіе историки станутъ изучать переживаемую нами эпоху! Вѣдь это канунъ рожденія русской демократіи. Роды въ сущности уже начались и какіе трудные роды! Исторія на этотъ разъ оказывается особенно безжалостнымъ хирургомъ. Какія тяжкія боли переживаетъ страна! Какіе потоки крови льются на Дальнемъ Востокѣ! Какая масса внутреннихъ кровоизліяній! Вѣдь эти муки были бы нестерпимы, если бы не ожидающій насъ радостный день творчества новыхъ формъ, и эти раны могли бы быть смертельны, если бы не новая свободная жизнь, какую дадутъ онѣ родинѣ.

Радостный день, свободная жизнь... Но это не значитъ, что насъ ждетъ сплошной праздникъ. Бюрократическій строй—не Юпитеръ и демократія—не Минерва. Не готовую она появится передъ нами. Уже теперь, не переживъ еще всѣхъ болей, въ какихъ рождается «усовершенствованный государственный порядокъ», мы полны мучительной тревоги, какъ бы онъ не оказался жалкимъ уродцемъ. И послѣ того, какъ рѣшительный моментъ будетъ пережитъ, борьба не прекратится, заботы и тревоги насъ не оставятъ. Политическая свобода еще не синонимъ демократическаго режима. Легко сказать: народъ самъ будетъ ковать свое счастье. Но вѣдь этотъ народъ въ массѣ своей—«людская пыль», «безсвязныя толпы». Онъ долженъ съорганизоваться. Предстоитъ упорная борьба за внѣшнія формы государственной организаціи, предстоитъ громадная работа надъ сплоченіемъ «безсвязныхъ толпъ» въ политическія партіи.

Домъ предварительнаго заключенія, конечно, не сразу удастся превратить въ величественный храмъ народнаго счастія. Но и для того, чтобы сломать перегородки и пробить своды, нужды съорганизованныя массы. Иначе народъ по прежнему останется въ подвалахъ... Борьба со старымъ уже переплелась съ борьбою за новое.

Нѣтъ, не праздникъ насъ ждетъ. Настало время неустаннаго

труда и напряженной борьбы. Но эта жизнь... Да! «жизнь — это дѣятельность и борьба, а не праздныя грезы».

III. Шагъ на мѣстѣ.

Мартъ.

Говорятъ, что «радостный день» мы уже пережили. Указываютъ и точную дату — 18 февраля, день опубликованія высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Большинство газетъ привѣтствовало этотъ актъ, какъ «поворотный пунктъ въ нашей исторіи» («Право»), какъ «начало новой эры въ нашей государственной жизни» («Русскія Вѣдомости«), какъ «радостную зарю политическаго обновленія страны» («Слово»), какъ «дуновеніе новой жизни» («С.-Петербургскія Вѣдомости»). «Рубиконъ перейденъ—писала одна изъ газетъ—и нѣтъ возврата къ мрачному прошлому». Особенно же экспансивную восторженность проявило въ этомъ случаѣ «Новое Время». «Сегодя—писалъ г. Суворинъ—счастливѣйшій день въ моей жизни... Сегодня цѣловались русскіе люди, какъ въ свѣтлый день Воскресенія Христова. Цѣловались искреннимъ, братскимъ поцѣлуемъ, поздравляя другъ друга съ воскресеніемъ Россіи»... И только на самомъ правомъ флангѣ газетнаго лагеря замѣтно было нѣкоторое смущеніе и даже проглянуло явное недовольство.

«Не запомню—писалъ кн. Мещерскій—на своемъ вѣку такого дня, какъ сегодня, по множеству сильныхъ серьезныхъ политическихъ впечатлѣній... Утромъ, совсѣмъ неожиданно, на первой страницѣ «Правительственнаго Вѣстника» появился государевъ манифестъ, коего смыслъ есть утвержденіе самодержавія... Сердцу легче стало... Вечеромъ, въ восьмомъ часу новое впечатлѣніе. Входитъ ко мнѣ одинъ пріятель съ прибавленіемъ «Правительственнаго Вѣстника» въ рукахъ и говоритъ: «поздравляю, первый шагъ къ конституціи сдѣланъ». И затѣмъ мы читаемъ рескриптъ Государя на имя министра внутреннихъ дѣлъ»...

«Московскія Вѣдомости» посвятили рескрипту такую статью:

Первый шагъ.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18 февраля сего года, Государю Императору благоугодно было

возвѣстить о Своемъ намѣреніи отнынѣ привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Боже, Царя храни!

Привыкшая по каждому поводу объявлять «слово и дѣло», газета проявила въ этомъ щекотливомъ для нея случаѣ рѣдкостную находчивость. Она воспользовалась гимномъ, чтобы провозгласить свое: caveant consules!..

Насколько точно и полно газетные отзывы отразили впечатлѣніе, произведенное рескриптомъ въ обществѣ, судить, конечно, трудно. Несомнѣнно одно лишь, что оно не было столь общимъ и захватывающимъ, какимъ изобразило его «Новое Время». Правда, мы видѣли, какъ г. Суворинъ облобызался съ г. Нотовичемъ: «Новое Времи» процитировало статью «Новостей» о рескриптѣ безъ обычной для него въ такомъ случаѣ реплики по адресу «еврейской» газеты. Но этимъ «искреннимъ, братскимъ поцѣлуемъ» дѣло, повидимому, и ограничилось. По крайней мѣрѣ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» утверждаютъ, что «на улицахъ не цѣловались, не поздравляли другъ друга. Въ собраніяхъ, аудиторіяхъ и въ частныхъ кружкахъ не видно и не слышно того радостнаго оживленія, сопровождаемаго вздохомъ облегченія, которое мы предсказывали и въ правѣ были ожидать. А крайніе элементы, не говоря уже объ агитаторахъ, высказываютъ явное неудовольствіе. Къ такимъ крайнимъ элементамъ теперь присоединилась и партія охранителей». По словамъ «Гражданина», хотя «по случившемуся событію было съ чего при обыкновенныхъ условіяхъ людской жизни раздаваться трезвону, цѣловаться на улицахъ, но на самомъ дѣлѣ въ петербургской атмосферѣ произошло что-то неожиданное»... Либералы «прочитали, издали какой-то гм... гм..., и затѣмъ на лицѣ ни одной просвѣтлѣвшей точки, точно прочитали какой-нибудь приказъ о назначеніи новаго министра». Такимъ образомъ, въ публикѣ неудовлетворенные оказались не только справа, но и слѣва.

Г. Суворинъ, очевидно, торопится жить. Осеннюю слякоть, какъ извѣстно, онъ принялъ за весну. Вотъ и теперь, не переживъ поста, онъ отпраздновалъ уже Пасху. Впрочемъ, въ «партіи прогрессивнаго центра», организовать которую задумало «Новое Время», восторгъ, можетъ быть, и достигалъ описаннаго этою газетою размѣра. «Нововременцы» вѣдь привыкли сидѣть на двухъ стульяхъ.

День же 18 февраля, дѣйствительно, какъ выразился «Гражданинъ», далъ два впечатлѣнія. И если либеральныя газеты могли безъоговорочно объявить этотъ день началомъ новой эры, то только потому, что онѣ сосредоточили все вниманіе своихъ читателей на рескриптѣ. «Съ неимовѣрною дерзостью,—спустя нѣкоторое время донесли объ этомъ «Московскія Вѣдомости»,—либералы поставили крестъ надъ Высочайшимъ Манифестомъ 18 февраля, признавъ его какою-то quantité négligeable, чѣмъ-то nul et non avenu, и предавъ его абсолютному игнорированію и полному забвенію».

Нѣкоторый поводъ къ этому, несомнѣнно, дали обстоятельства опубликованія того и другого акта и появившіеся въ связи съ этимъ слухи объ ихъ происхожденіи. Манифестъ, какъ извѣстно, появился въ утреннемъ выпускѣ «Правительственнаго Вѣстника» и при томъ, какъ выразился кн. Мещерскій, «совершенно неожиданно»; рескриптъ былъ опубликованъ на 12 часовъ позднѣе въ экстренномъ прибавленіи, при чемъ возвѣщенная въ немъ реформа, какъ заявило «Слово», покоится «на единогласномъ убѣжденіи всѣхъ окружающихъ тронъ сановниковъ, сознавшихъ безусловную необходимость сдѣлать призывъ къ общественнымъ силамъ, чтобы помочь правительству выйти изъ нашей теперешней внѣшней и внутренней бѣды и повести страну дальше, по пути политическаго и матеріальнаго преуспѣянія.» Самое опубликованіе высочайшаго манифеста, какъ выяснилось потомъ, было произведено съ нарушеніемъ узаконенныхъ формъ, помимо правительствующаго сената, за что главному редактору «Правительственнаго Вѣстника» и сдѣлано уже «замѣчаніе». Вполнѣ понятно поэтому, что въ публикѣ немедленно «начался разговоръ на тему противорѣчія будто бы между манифестомъ и рескриптомъ».

Но если бы это было и такъ, то едва ли это обстоятельство даетъ право говорить о «началѣ новой эры въ нашей государственной жизни». Если въ одинъ день возможны два «историческихъ поворота», то изъ этого само собою слѣдуетъ, что говорить объ эрахъ пока преждевременно. Предать манифестъ полному, какъ выразились «Московскія Вѣдомости», забвенію нельзя, конечно, и въ томъ случаѣ, если указаннаго противорѣчія нѣтъ. Чтобы оцѣнить значеніе 18 февраля въ русской жизни, необходимо оба акта,—и тотъ, который спѣшно набирался ночью, и тотъ, который въ экстренномъ прибавленіи появился въ сумерки,—разсматривать вмѣстѣ. Только такимъ путемъ

мы опредѣлимъ ихъ мѣсто въ русской исторіи и уяснимъ себѣ ихъ роль въ текущей жизни. Прежде всего мы должны вернуться, конечно, къ вопросу о противорѣчіи. Кн. Мещерскій разрѣшилъ для себя этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно. «Всякій,—пишетъ онъ,—кто внимательно прочитаетъ оба Государевыхъ акта, придетъ къ заключенію, къ которому и я пришелъ, что они вовсе не заключаютъ въ себѣ противорѣчія, а, наоборотъ, безусловно согласованы одинъ съ другимъ». Еще рѣшительнѣе высказался на этотъ счетъ «Свѣтъ». По его словамъ, дѣло обстояло такъ:

Въ манифестѣ 26 февраля 1903 г. Государь Императоръ заявилъ о священномъ обѣтѣ Своемъ „свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской". Онъ говоритъ, что обрѣлъ „пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ своихъ предшественниковъ и прежде всего незабвеннаго Своего Родителя". Въ Именномъ указѣ 12 декабря 1904 г. говорится о предначертаніяхъ реформъ „при непремѣнномъ сохраненіи и незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи", объ охраненіи полной силы закона, „важнѣйшей въ Самодержавномъ Государствѣ опоры Престола". Въ манифестѣ отъ 18 февраля 1905 года говорится о „вящшемъ укрѣпленіи истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ". Въ рескриптѣ отъ 18 февраля 1905 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ повторяется, что избраніе людей отъ Земли должно совершиться „при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи"...

Если сосредоточить все вниманіе на цитируемыхъ «Свѣтомъ» мѣстахъ, то, конечно, не только никакого противорѣчія въ актахъ, но и никакой разницы во внутренней политикѣ за послѣдніе два года, не смотря на смѣну за это время такихъ министровъ, какъ В. К. Плеве, кн. Святополкъ-Мирскій и А. Г. Булыгинъ, совсѣмъ не окажется. Любопытны, между прочимъ, слѣдующія разъясненія «Свѣта»:

Нѣкоторые истолковываютъ уже великія дѣянія этого дня,—читаемъ мы въ той же статьѣ,—какъ побѣду общественнаго настроенія надъ желаніями правительсгва, какъ уступку, на которую пошла Власть. Другіе открыто въ печати утверждаютъ, что первый шагъ совершенъ, что остальное совершится само собою, какъ и на Западѣ. „Это-де—общій порядокъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ". Общій порядокъ, т. е.—сначала уступки власти передъ революціоннымъ натискомъ народа, предоставленіе нѣкоторыхъ правъ народу, а затѣмъ самовольный захватъ представителями народности правъ все большихъ...

Было бы, пожалуй, такъ, какъ того хочется нашимъ западникамъ, если бы Власть шла на уступки. Но этого нѣтъ... Все, что теперь совершается, было предначертано давно, опредѣленно же высказано въ манифестѣ 26 фе-

враля 1903 года и нынѣ приводится въ исполненіе. Было бы оно приведено въ исполненіе и ранѣе, если бы враги Россіи не мѣшали всячески и не вставляли палокъ въ колеса державной русской колесницы...

Писать такъ можно, конечно, только для той публики, для которой все, что «напечатано,—стало быть, вѣрно», и вліять на которую можно даже прописными буквами, преподносимыми ей въ сверхкомплектномъ количествѣ. «Московскія Вѣдомости», разсчитывающія на иной составъ читателей, посмотрѣли на вопросъ совершенно иначе. Онѣ квалифицировали рескриптъ именно какъ «первый шагъ», какъ уступку «смутѣ». Поэтому онѣ рѣзко противополагаютъ его манифесту. Настаивая на строгомъ выполненіи послѣдняго, на безусловной необходимости во что бы то ни стало «искоренить крамолу», они взяли рескриптъ подъ сомнѣніе и послѣ перваго, приведеннаго нами «божественнаго» комментарія, пишутъ о немъ теперь въ условной формѣ:

„Если только будутъ осуществлены въ той или другой формѣ *выборы*“.. „Если Правительство не приметъ *съ первыхъ же шаговъ* необходимыхъ мѣръ къ строгому ограниченію своеволія и къ удержанію преобразовательнаго движенія...

Едва ли нужно говорить, что за каждымъ такимъ «если» слѣдуетъ самое мрачное съ точки зрѣнія этой газеты пророчество. «Мы исполнили свой долгъ, — заканчиваютъ «Московскія Вѣдомости» одну изъ такихъ статей,—и указали на грозящую опасность, дабы никто не могъ отговориться ея «внезапностью» и «непредвидѣнностью» въ томъ случаѣ, если, не дай Богъ, она теперь же не будетъ предотвращена и разразится со всею силой надъ несчастною Россіей»...

Заграничная печать тоже обнаружила склонность противополагать рескриптъ манифесту. «За исключеніемъ газеты «Fremdenblatt», — читаемъ мы въ телеграммѣ петербургскаго телеграфнаго агентства изъ Вѣны отъ 19 февраля,—вся либеральная печать, съ трудомъ примиряя манифестъ съ послѣдовавшимъ рескриптомъ, видитъ въ рескриптѣ полумѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, ссылаясь на исторію европейскаго конституціонализма, естественно и непреодолимо выросшаго изъ такихъ же полумѣръ, печать привѣтствуетъ рескриптъ, какъ залогъ теперь уже неотвратимаго лучшаго будущаго. Печать жалѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что предпринимаемая полумѣра затягиваетъ борьбу и невзгоды, переживаемыя Россіей.

«Wiener Tageblatt» предвидитъ, что совѣщательный парламентъ такъ громко потребуетъ законодательныхъ правъ, что изъ царскаго парламента неминуемо образуется парламентъ народный».

Какъ видно изъ приведенныхъ отзывовъ, поставленный мною вопросъ сводится въ сущности къ вопросу о томъ, представляетъ ли рескриптъ «первый шагъ», или не представляетъ. Поводомъ для надеждъ въ этомъ направленіи однихъ и для опасеній другихъ, несомнѣнно, послужили слова рескрипта о «достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людяхъ». Если бы было сказано коротко: «выборные отъ народа», то вопросъ былъ бы проще. Въ данномъ же случаѣ употребленъ цѣлый рядъ эпитетовъ, и это обстоятельство въ связи со всѣмъ контекстомъ рескрипта можетъ дать основаніе къ самымъ разнообразнымъ интерпретаціямъ. Достаточно сказать, что слова: «довѣріемъ народа облеченныхъ» заимствованы изъ рескрипта 26 февраля 1903 года, появившагося въ министерство В. К. Плеве, который, несомнѣнно, придавалъ имъ свой специфическій смыслъ. Въ связи съ этимъ уже возникло такое толкованіе: земскіе и городскіе гласные, предводители дворянства, волостные старшины и т. д. *уже избраны* отъ населенія и, стало быть, нужно *только пригласить* извѣстное число ихъ «къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній». А такъ какъ, по заявленію «Московскихъ Вѣдомостей», «въ думахъ и въ земствахъ умудренные жизнію люди почему-то всегда бываютъ въ меньшинствѣ», то нѣтъ ничего удивительнаго, что представители этого меньшинства и явятся въ концѣ концовъ въ качествѣ «зрѣлыхъ силъ общественныхъ» для «совмѣстной работы съ правительствомъ».

Я не думаю, чтобы такое толкованіе уже при данномъ соотношеніи борющихся силъ могло имѣть какіе-либо шансы на успѣхъ. Приводя его, я хочу лишь указать, насколько еще туманной представляется возвѣщенная 18 февраля реформа и какъ много нужно предвидѣть всякихъ возможностей, прежде чѣмъ она отольется въ тѣ или иныя конкретныя формы. Сознавая это, земскія собранія и городскія думы уже спѣшатъ оказать хотя бы нѣкоторое вліяніе на общее направленіе предположенныхъ преобразованій. Съ одной стороны, въ благодарственныхъ адресахъ они стараются оформить въ желательномъ смыслѣ и такимъ путемъ до нѣкоторой степени кон-

солидировать не вполнѣ ясныя выраженія рескрипта. Съ этой цѣлью они говорятъ не иначе, какъ о *свободно* избранныхъ представителяхъ, при чемъ нѣкоторыя прибавляютъ: отъ *всего* населенія и, кромѣ того, *нарочито* для сего выбранныхъ. Съ другой стороны, тѣ же учрежденія настойчиво добиваются включенія избранныхъ ими лицъ въ составъ особаго совѣщанія, образованнаго подъ предсѣдательствомъ А. Г. Булыгина «для обсужденія путей осуществленія» предположенной реформы. Было бы наивно, однако, думать, что такими средствами можно обезпечить удовлетворительное разрѣшеніе основныхъ вопросовъ новаго государственнаго устройства. Политика подсказыванія практиковалась уже много разъ и ни разу не дала сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ. И думать, что историческій вопросъ, съ которымъ переплелось такъ много интересовъ и около котораго уже пролито такъ много слезъ и крови, можно разрѣшить подобными школьническими средствами,—это значитъ ясно не представлять себѣ всей важности задачи. Что касается смѣшанной коммиссіи, если бы такая была образована изъ назначенныхъ чиновниковъ и выборныхъ земцевъ, то въ ней, несомнѣнно почти, произошелъ бы конфликтъ или въ результатѣ получился бы такой компромиссъ, который не могъ бы удовлетворить ни той, ни другой изъ борющихся сторонъ. Единственный вполнѣ надежный выходъ въ данномъ случаѣ—это предоставить свободно избраннымъ отъ всего народа представителямъ самимъ установить формы народнаго участія въ законодательной работѣ. И не только возможно, но и вполнѣ вѣроятно, что еще придется обратиться къ этому средству. Только люди, вродѣ В. Д. Кузьмина-Караваева, неожиданно увѣровавшіе въ октроированную бюрократіей реформу, могутъ полагать, что вопросъ объ учредительномъ собраніи или о «земскомъ соборѣ» нынѣ отпалъ и что «первая половина задачи рѣшена».

Пока же «пути осуществленія», а стало быть, и судьба всей реформы находится въ рукахъ бюрократіи. Въ какомъ же видѣ она можетъ быть ею октроирована? Крайне поучительной въ этомъ случаѣ представляется уже начавшая опредѣляться судьба третьяго изъ высочайшихъ актовъ, опубликованныхъ 18 февраля, а именно указа правительствующему сенату, возложившаго на совѣтъ министровъ «разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія на-

роднаго благосостоянія». Когда петербургскіе литераторы, желая воспользоваться предоставленнымъ такимъ путемъ частнымъ лицамъ правомъ входить въ обсужденіе общегосударственныхъ вопросовъ, задумали собраться, чтобы сообща обсудить нужды печати, то это имъ было запрещено полиціей. Когда же они обратились за разъясненіями по поводу образа дѣйствій участковой полиціи и сослались при этомъ на указъ 18 февраля, то «въ отвѣтъ на это с.-петербургскій градоначальникъ заявилъ, что указъ разрѣшаетъ подавать заявленія частнымъ лицамъ *въ одиночку*, но отнюдь не создаетъ права собраній и коллективнаго обсужденія». Въ одиночку! Стоитъ только представить себѣ, какъ, разсаженные по одиночнымъ камерамъ, обыватели составляютъ проекты государственнаго благоустройства! Но это нужно было предвидѣть: хартія вольностей враздробь не дается.

Не менѣе затруднительно будетъ, повидимому, воспользоваться своимъ правомъ и учрежденіямъ, въ особенности городскимъ и земскимъ, которымъ такъ трудно было добиться этого права «ходатайства». Само собой понятно, что послѣднія, особенно при данныхъ условіяхъ, не могутъ имѣть непосредственнаго значенія. Но они могли бы сыграть нѣкоторую роль въ дѣлѣ выясненія и формированія общественнаго мнѣнія по основнымъ вопросамъ государственной жизни. Нѣкоторые земства и города уже образовали особыя коммиссіи, поручивъ имъ выработать для внесенія потомъ въ совѣтъ министровъ проекты необходимыхъ государственныхъ преобразованій. Можно было поэтому ожидать, что въ ближайшее же время послѣднія сдѣлаются предметомъ дѣятельнаго обсужденія въ думахъ и земскихъ собраніяхъ. Въ настоящее время выяснилось, однако, что этимъ предположеніямъ трудно будетъ осуществиться. Корреспондентъ «Daile Chronicle» постарался выяснить взгляды министра внутреннихъ дѣлъ на нѣкоторые вопросы текущей жизни, равно какъ и вообще его политическую программу. И вотъ, между прочимъ, на свой вопросъ «предполагается ли разрѣшить будущимъ земскимъ собраніямъ заниматься на ряду съ вопросами, имѣющими чисто мѣстный интересъ, и обсужденіемъ вопросовъ высшей политики», онъ получилъ такой отвѣтъ: «ничего подобнаго не будетъ допущено» *). Вообще, какъ видно изъ

*) Какъ видно изъ разъясненія управляющаго канцеляріей министра, на-

свѣдѣній, полученныхъ тѣмъ же корреспондентомъ, А. Г. Булыгинъ находитъ, что «со стороны правительства было большой ошибкой сразу замѣнить крутой режимъ Плеве слишкомъ умѣреннымъ режимомъ князя Мирскаго».

При наличности указанныхъ ограничительныхъ тенденцій и при склонности къ нѣкоторымъ лишь полумѣрамъ, трудно, конечно, разсчитывать, чтобы вопросъ о народномъ представительствѣ получилъ широкую и свободную постановку.

Допустимъ, однако, что къ «предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній» будутъ призваны свободно выбранные отъ всего народа представители. И въ этомъ случаѣ день 18 февраля едва ли можно считать началомъ новой эры. Газеты, сдѣлавшія такую квалификацію, очевидно, были увлечены тѣмъ, что представители будутъ «избранные». Необходимо, однако, имѣть въ виду, что это уже не первый случай допущенія избранныхъ представителей къ предварительной разработкѣ законодательныхъ предположеній. Достаточно напомнить комиссію сенатора Шидловскаго. Правда, ея полномочія были нѣсколько неясны, но несомнѣнно, что тѣ или иныя «законодательныя предположенія» не только могли въ ней разрабатываться и обсуждаться, но и непремѣнно должны были возникнуть. Такимъ образомъ, полной новизны въ разсматриваемомъ нами актѣ нѣтъ. Подобныхъ «поворотныхъ пунктовъ» за послѣдній годъ было много, да и будетъ еще не мало. Рѣчи князя Святополкъ-Мирскаго въ свое время были вѣдь не менѣе знаменательны. Высочайшій указъ 12-го декабря 1904 года поставилъ на очередь вопросы чрезвычайной важности. Комиссія сенатора Шидловскаго—тоже крупный фактъ. Но это не значитъ, что въ каждомъ такомъ случаѣ можно начинать новый періодъ русской исторіи.

На комиссіи Шидловскаго намъ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ ея исторія по вопросу о представительствѣ является въ высшей степени поучительной. Выборы рабочихъ въ нее, какъ извѣстно, были допущены свободные,—болѣе свободные, чѣмъ этого можно было даже ожидать. Въ выборахъ могли участвовать, если

печатаннаго въ „Новомъ Времени“ отъ 9-го марта, отвѣты были даны не самимъ А. Г. Булыгинымъ, а получены были, повидимому, при посредствѣ его канцеляріи. По заявленію корреспондента, отвѣты эти онъ получилъ въ письменной формѣ.

не всѣ рабочіе, то во всякомъ случаѣ настолько значительная часть ихъ, что голосованіе можно было считать «всеобщимъ». Выборщикамъ и депутатамъ была обѣщана личная неприкосновенность... И всетаки комиссія не состоялась. Произошелъ извѣстный конфликтъ, закончившійся упраздненіемъ комиссіи. Выборщики, въ значительной ихъ части, были арестованы и высланы.

Правда, въ этомъ случаѣ замѣшалась «крамола». Въ собраніе выборщиковъ проникъ, между прочимъ, «помощникъ присяжнаго повѣреннаго», на котораго «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости» свалили чуть ли не всю вину въ происшедшемъ конфликтѣ.

Понятіе о «крамолѣ», однако, очень неопредѣленное. «Московскія Вѣдомости», напримѣръ, считаютъ крамольниками чуть ли не всѣхъ земцевъ. О либералахъ же и говорить нечего—ихъ-то они и желаютъ искоренить въ силу высочайшаго манифеста. Кто же поручится, что при выборахъ, которые должны произойти въ силу рескрипта, не произойдетъ какого-либо недоразумѣнія? При тѣхъ интерпретаціяхъ, какія могутъ быть даны тому и другому акту, противорѣчіе между ними, дѣйствительно, легко можетъ обнаружиться. Все дѣло, такимъ образомъ, въ самомъ началѣ можетъ рухнуть.

Продолженіе его тоже не обезпечено. Не трудно провидѣть неизбѣжность борьбы двухъ началъ и послѣ того, какъ законосовѣщательное собраніе приступитъ къ своимъ занятіямъ.

„Въ законодательномъ сотрудничествѣ съ верховною властью,—говорятъ по этому поводу „Новости“,—неизбѣжно должно взять верхъ одно изъ двухъ началъ: или преобладаніе бюрократіи, или преобладаніе голоса народа, въ лицѣ его представителей. Если бы сохранилось первое изъ этихъ началъ, то не стоило бы и собирать на совѣтъ людей, облеченныхъ народнымъ довѣріемъ. А если они будутъ собраны, то передъ ихъ голосомъ должна будетъ отступить на задній планъ бюрократія, которая народнымъ довѣріемъ не только не облечена на выборахъ, но и нравственно имъ рѣшительно не пользуется... Таковъ естественный, неизбѣжный результатъ призыва къ законодательному содѣйствію выборныхъ отъ народа. Невозможно сохраненіе, на ряду съ нимъ, преобладанія и хотя бы только равноправности бюрократическаго усмотрѣнія, потому что это вело бы только къ умноженію поводовъ къ столкновеніямъ“...

«Новости», такимъ образомъ, возлагаютъ надежды на тотъ «общій порядокъ», о которомъ упоминаетъ въ цитированной выше

статьѣ «Свѣтъ». Результатъ, предусматриваемый газетою, дѣйствительно, неизбѣженъ, но онъ не таковъ, чтобы дался безъ борьбы и столкновеній. И въ этомъ пунктѣ опять-таки необходимо предвидѣть всякія возможности. Поэтому нѣсколько преждевременно говорить о томъ, что уже настало время «для созидательной, творческой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе спокойной работы»... Такое время наступитъ только тогда, когда новое начало возьметъ рѣшительный перевѣсъ надъ старымъ. Это и будетъ «радостный день», съ этого дня и начнется новый періодъ русской исторіи.

18-е же февраля само по себѣ русской исторіи не двинуло. Если въ этотъ день и сдѣланъ шагъ, то, выражаясь военнымъ терминомъ, только «шагъ на мѣстѣ», лишь «обозначеніе» шага. Въ такихъ случахъ правая и лѣвая нога поднимается одна за другою, но человѣкъ остается на мѣстѣ. Куда будетъ сдѣланъ слѣдующій шагъ—впередъ или назадъ—это будетъ зависѣть отъ тѣхъ силъ, которыя будутъ дальше командовать.

IV. Хромота на оба колѣна.

Мартъ.

Насъ не должно смущать, что такіе крупные акты, какіе были обнародованы 18-го февраля, еще не опредѣлили собою ближайшаго направленія русской государственной жизни. Не должны мы удивляться и той комбинаціи, въ какой они были опубликованы. Страна переживаетъ критическую эпоху. Правительство же до извѣстной степени представляетъ равнодѣйствующую борющихся силъ. Правительственная власть находится, поэтому, въ неустойчивомъ равновѣсіи. Правая рука какъ будто не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая. «За что вчера россійскій вольтерьянецъ, если бы онъ вздумалъ высказываться,—говоритъ «Слово»,—подвергся бы преслѣдованію, сегодня появляется на страницахъ газетъ въ качествѣ сужденій высшихъ сановниковъ Россіи. Осуждается режимъ, на поддержаніе котораго затрачены неимовѣрныя силы. Порываются путы прошлаго и расчищается дорога новому будущему». Это не значитъ, однако, что сегодня вольтерьянецъ можетъ считать себя свободнымъ отъ преслѣдованія даже за тѣ самыя сужденія, какія публикуются

отъ имени высшихъ сановниковъ. Это не значитъ, что осужденный режимъ отжилъ и что на поддержаніе его не тратятся новыя и новыя силы.

Въ самомъ дѣлѣ, какой безпощадной критикѣ подверглось положеніе объ усиленной охранѣ въ комитетѣ министровъ,—но оно не только продолжаетъ сохранять свою силу, но и распространено недавно вновь на цѣлый рядъ губерній. Особое совѣщаніе изыскиваетъ мѣры, чтобы оградить печать отъ административныхъ воздѣйствій,—и въ это же время на печать сыплются административныя кары. Высочайшій указъ повелѣваетъ совѣту министровъ обсуждать поступающія отъ частныхъ лицъ и учрежденій предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго порядка,—и одновременно съ этимъ министры объявляютъ выговоры тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя подобныя предположенія высказываютъ. Повелѣно «принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона», надъ чѣмъ и работаетъ особое совѣщаніе, а жизнь въ это время полна такихъ явленій, какъ будто даже послѣдніе слѣды законности въ ней исчезли. Такихъ противорѣчій въ современной жизни можно было бы указать сколько угодно. И они вполнѣ понятны въ эту критическую эпоху, понятны не только съ формальной стороны,—старые порядки и законы вѣдь еще дѣйствуютъ, новые законы еще не написаны,—но и по существу.

«Московскія Вѣдомости», со свойственною имъ въ подобныхъ вещахъ грубостью, даютъ такую характеристику этого неустойчиваго состоянія государственной власти»:

„Съ одной стороны, на растерявшееся правительство нажимаетъ смута, съ ея требованіями всяческихъ уступокъ, передъ которой правительство словно принизилось, струсило, ослабѣло; а съ другой стороны – еще не угасшее вполнѣ сознаніе долга призываетъ правительство на борьбу съ темною силой, разливающей смертоносную отраву въ нашемъ отечествѣ“...

Если бы въ наши дни жилъ пророкъ Илія, то онъ, вѣроятно, назвалъ бы это явленіе «хромотою на оба колѣна». Явленіе это, повторяю, вполнѣ естественное и пережить эту полосу въ государственной жизни необходимо. Правительство находится подъ перекрещивающимся вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ силъ и вопросъ можетъ быть только въ томъ, когда и какія изъ нихъ возьмутъ рѣшительный перевѣсъ.

Въ самихъ правящихъ сферахъ, несомнѣнно, имѣются въ настоящее время разныя теченія. Кое-что о нихъ мы узнаемъ изъ оглашенныхъ въ послѣднее время въ газетахъ бесѣдъ съ государственными сановниками. Имена послѣднихъ остались неизвѣстными, но это въ данномъ случаѣ и не важно, такъ какъ о первоначальномъ источникѣ проникшихъ, такимъ образомъ, въ печать слуховъ догадаться, какъ увидитъ читатель, не трудно. Трудно лишь передать эти инспирированныя «бесѣды».

Первая изъ нихъ появилась 2-го марта въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ подъ заглавіемъ: «Совѣтъ или комитетъ министровъ», вторая—6 марта въ «Новомъ Времени» подъ заголовкомъ: «Комитетъ или совѣтъ министровъ». Въ заголовкахъ переставлены лишь два слова, но въ самомъ содержаніи имѣются нѣкоторыя существенныя варіаціи. Только вмѣстѣ эти двѣ замѣтки и могли дать нужную симфонію своевременно появляющихся слуховъ.

Прелюдія такова. Распространился будто бы «взволновавшій весь Петербургъ» слухъ объ отставкѣ С. Ю. Витте. Нѣкоторые изъ «принципіальныхъ противниковъ бюрократическихъ учрежденій»—по словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»—«даже обрадовались»: «лишившись такой мощной поддержки,—надѣялись они,— комитетъ министровъ будетъ обреченъ на бездѣйствіе и не будетъ отвлекать вниманія кажущимися реформами». Такъ разсуждали, очевидно, «крайніе», по мнѣнію которыхъ, какъ извѣстно, «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Умѣренные элементы общества, конечно, сожалѣли, ибо «видѣли въ уходѣ такого крупнаго дѣятеля съ несомнѣнно прогрессивными стремленіями побѣду отсталыхъ элементовъ бюрократіи». Слухъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался ложнымъ.

«Одинъ изъ высшихъ сановниковъ» сообщилъ «Биржевымъ Вѣдомостямъ», что «всеподданнѣйшаго прошенія объ отставкѣ С. Ю. Витте не подавалъ; но онъ выработалъ записку объ упраздненіи комитета министровъ съ передачей всѣхъ дѣлъ комитета совѣту министровъ». По изложенію въ «Новомъ Времени» въ запискѣ идетъ рѣчь не о полномъ упраздненіи комитета, а лишь о передачѣ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ него. «Совѣтъ министровъ будетъ рѣшать дѣла особенной важности, а комитетъ министровъ будетъ продолжать ту же дѣятельность, какая ему была присуща до обнародованія высочайшаго указа 12 декабря».

„Комитетъ министровъ, — какъ разъяснилъ при этомъ государственный дѣятель сотруднику „Новаго Времени", — до осени текущаго года большею частью только занимался вопросомъ объ утвержденіи уставовъ промышленныхъ предпріятій. Преній при этомъ почти никакихъ не возникало. Изрѣдка одинъ изъ членовъ комитета возбуждалъ вопросъ, есть ли въ уставѣ параграфъ, запрещающій евреямъ быть директорами. Министръ финансовъ возражалъ, тѣмъ дѣло и ограничивалось"...

«Совѣтъ же министровъ, въ томъ его видѣ, какъ предполагается по слухамъ, будетъ имѣть много общаго съ кабинетомъ министровъ, какъ на Западѣ. Его предсѣдатель явится премьеръ-министромъ, но разница только та, что на Западѣ кабинетъ министровъ является отвѣтственнымъ передъ палатой, выражающей свое довѣріе. Премьеръ-министръ приглашаетъ въ товарищи единомышленниковъ, у насъ же ничего подобнаго нѣтъ».

Предсѣдательствовать въ преобразованномъ такимъ образомъ совѣтѣ, въ случаѣ отсутствія государя, по дѣйствующимъ нынѣ правиламъ, долженъ статсъ-секретарь графъ Сольскій, такъ какъ по знакамъ отличія онъ является старѣйшимъ изъ наличныхъ членовъ. С. Ю. Витте останется предсѣдателемъ комитета и устранитъ, такимъ образомъ, себя отъ дѣлъ особенной государственной важности.

Общество, конечно, сильно пожалѣетъ объ этомъ, особенно въ виду тѣхъ причинъ, которыя побуждаютъ крупнаго дѣятеля уклониться отъ участія въ обсужденіи поставленныхъ на очередь реформъ. Причины же эти «Биржевыя Вѣдомости» излагаютъ такъ:

„Упраздненіемъ комитета нѣкоторые главные руководители комитета желали бы вовсе устранить себя отъ работы въ немъ. Они считаютъ, что ихъ нынѣшняя работа, встрѣчая слишкомъ много противодѣйствія со стороны консервативной партіи, не можетъ считаться той настоящей работою, которой въ правѣ требовать отъ нихъ родина въ нынѣшній историческій моментъ, рѣшающій будущія судьбы страны. И потому лучше уйти. Но въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уйти можно, только упразднивъ комитетъ".

По словамъ «Новаго Времени»:

„Большое разногласіе въ мнѣніяхъ сказывается между большинствомъ и меньшинствомъ членовъ комитета. Мнѣніе самого С. Ю. Витте на сторонѣ меньшинства, которое сознаетъ недостаточность тѣхъ полумѣръ, какія выплились въ рѣшеніяхъ комитета за послѣднее время послѣ 12 декабря. Нужны мѣры, а не полумѣры, нужны коренныя реформы,—такъ думаетъ меньшинство. Оно видитъ, что при дальнѣйшемъ теченіи работъ въ комитетѣ министровъ, при его современномъ составѣ, при большинствѣ, такъ расходящемся

съ меньшинствомъ и вліяющемъ на самыя реформы, нельзя принести родинѣ той пользы, которая такъ нужна, нужна немедленно"...

Можно, однако, надѣяться, что участіе крупнаго дѣятеля въ государственной жизни не ограничится ролью руководителя несложныхъ преній объ уставахъ промышленныхъ предпріятій. Нѣкоторые члены комитета министровъ уже составили соотвѣтствующую «записку» и настойчиво убѣждаютъ С. Ю. Витте не уходить съ его поста теперь, въ такой моментъ, когда «борются два теченія»... Можно поэтому думать, что дѣло съ «предсѣдательствованіемъ» въ совѣтѣ и комитетѣ такъ или иначе уладится.

Мы не знаемъ, какія именно «коренныя» реформы считаетъ необходимымъ меньшинство комитета. Терминъ этотъ не совсѣмъ опредѣленный и масштабы тутъ могутъ быть разные. Несомнѣнно, однако, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ масштабомъ «высшаго сановника», а не газетнаго репортера. Бесѣды съ государственными дѣятелями, какъ извѣстно, у насъ не печатаются безъ ихъ согласія, а иногда и безъ предварительнаго просмотра ими самими надлежащихъ корректуръ. Какъ бы то ни было, изъ изложеннаго явствуетъ, что внутри самого правительства существуютъ разногласія, и при томъ настолько значительныя, что необходимы экстраординарныя мѣры, дабы ослабить ихъ вліяніе на государственный механизмъ. «Всѣ члены комитета, какъ и его предсѣдатель, всѣ одинаково воодушевлены любовью къ родинѣ и желаніемъ вывести ее изъ того невозможнаго положенія, въ которомъ мы находимся, но пути къ достиженію блага не всѣми считаются одинаковыми» («Новое Время»). Въ то время, какъ одни изъ нихъ, скрѣпя, быть можетъ, сердце, соглашаются лишь на нѣкоторые компромиссы, другіе считаютъ необходимыми «коренныя» реформы. Это различіе сказывается, конечно, и внѣ реформаторской дѣятельности: въ то время, какъ одни обнаруживаютъ склонность къ послабленіямъ, другіе пускаютъ въ ходъ героическія мѣры, чтобы поддержать существующій режимъ. Какъ бы то ни было, эти разногласія дѣлаютъ положеніе правительственнаго механизма еще болѣе неустойчивымъ, шатаніе въ современной жизни еще болѣе замѣтнымъ.

Интересно, однако, и то средство, которымъ въ правящихъ сферахъ надѣются уврачевать эту, какъ мы выразились, «хромоту». По проекту С. Ю. Витте для этого достаточно измѣнить «предѣлы

вѣдомства» двухъ уже существующихъ учрежденій и поставить извѣстное лицо во главѣ одного изъ нихъ. Бюрократія въ данномъ случаѣ вѣрна себѣ: другихъ средствъ въ ея распоряженіи не имѣется. На самые неотложные вопросы жизни она можетъ отвѣчать только реорганизаціей департаментовъ. Вѣдь еще недавно нѣкоторымъ казалось, что стоитъ фабричную инспекцію передать въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, и рабочій вопросъ исчезнетъ. Да и въ настоящее время многія и многія предположенія комитета министровъ по части реформъ сводятся въ сущности къ измѣненіямъ «предѣловъ вѣдомства». Вполнѣ понятно, что С. Ю. Витте, находящемуся въ центрѣ бюрократическаго механизма и вполнѣ сроднившемуся съ нимъ, представляется, что стоитъ лишь дѣла государственной важности перенести изъ комитета въ совѣтъ, и досадныя шероховатости тотчасъ исчезнутъ. Онъ надѣется, конечно, что такимъ путемъ «меньшинство» обратится въ руководимое имъ большинство, и реформы получатъ необходимый для страны коренной, какъ онъ это понимаетъ, характеръ. Но для насъ, смотрящихъ со стороны, не менѣе ясно и то, что такимъ путемъ нельзя измѣнить соотношенія силъ не только въ странѣ, но и въ правительствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, «большинство» и «меньшинство» не случайно вѣдь образовались въ комитетѣ и разногласія не самопроизвольно въ немъ зародились. Они представляютъ несомнѣнный результатъ той борьбы, какая происходитъ въ странѣ, отражаютъ въ себѣ данное соотношеніе силъ въ ней. Не только численный составъ и степень вліянія «большинства» и «меньшинства», но и самыя понятія послѣдняго о «коренныхъ» реформахъ, несомнѣнно, измѣняются подъ вліяніемъ происходящихъ событій. На этотъ счетъ мы имѣемъ интересное признаніе члена государственнаго совѣта С. Ф. Платонова, который въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Новаго Времени» сказалъ, что по вопросу объ избирательной системѣ ему «теперь неловко было бы высказывать свое мнѣніе, которое впослѣдствіи можетъ измѣниться». «Мы живемъ—пояснилъ онъ — въ такое время, когда мысль, сейчасъ совсѣмъ правильная, черезъ нѣсколько дней является неприложимой вслѣдствіе быстро измѣняющихся обстоятельствъ». Въ неустойчивомъ равновѣсіи находится, такимъ образомъ, не только самый механизмъ, но и всѣ члены его, сроднившіеся уже съ тѣмъ, что «правильная мысль»

въ зависимости отъ обстоятельствъ можетъ дѣлаться «неприложимой». Яркій и наглядный образчикъ мы имѣемъ въ самомъ С. Ю. Витте. Мы уже видѣли, что 5—6 лѣтъ тому назадъ онъ считалъ «земство—непригоднымъ средствомъ управленія», теперь же онъ руководитъ работами, которыя должны «предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства». Онъ убѣжденъ теперь въ необходимости «коренныхъ реформъ» въ этомъ смыслѣ и въ сферѣ государственнаго управленія. Очевидно, что онъ измѣнилъ представлявшіяся ему вполнѣ правильными мысли, когда нашелъ, что онѣ не приложимы «вслѣдствіе быстро измѣняющихся обстоятельствъ».

Пока же не вскроются новыя обстоятельства и не измѣнятся еще разъ мнѣнія, «меньшинство» ни въ коемъ случаѣ не сдѣлается «большинствомъ». Если бы путемъ измѣненія предѣловъ вѣдомства того или иного учрежденія нѣкоторыя вліятельныя теперь лица и были устранены отъ участія въ обсужденіи предстоящихъ преобразованій, то они сумѣли бы, конечно, проявить свою силу инымъ путемъ. Но и судьба этой бюрократической реформы зависитъ въ сущности отъ того соотношенія силъ, какое окажется черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда она будетъ обсуждаться въ государственномъ совѣтѣ. Вѣдь мысль о кабинетѣ и премьерствѣ у С. Ю. Витте далеко не новая,—и это опять-таки не случайность, что только теперь она отлилась въ форму проекта.

Для того, чтобы вывести правительственный механизмъ изъ того неустойчиваго равновѣсія, въ которомъ онъ сейчасъ находится, одной реорганизаціи департаментовъ и той или иной перестановки правящихъ фигуръ не достаточно. Да и необходимое для этого «волеизъявленіе» само по себѣ зародиться не можетъ. Для того, чтобы государственную жизнь двинуть въ опредѣленномъ направленіи, нужны новыя общественныя усилія, неизбѣжны новыя событія. Развитіе послѣднихъ опредѣлитъ и то, кто будетъ рѣшать вопросы особенной государственной важности: совѣтъ ли министровъ, комитетъ или какое иное учрежденіе, а также и то, будемъ ли мы въ концѣ концовъ имѣть неотвѣтственный кабинетъ, или отвѣтственный...

IV. Бакинская трагедія и борьба съ крамолой.

Мартъ.

«Безсвязныя толпы» появились на улицѣ... Произошло это сразу во многихъ мѣстахъ и страхъ передъ этой темной силой обвѣялъ всю Россію. Бакинская трагедія съ ея кровавыми отголосками въ другихъ мѣстахъ Кавказскаго края, по своимъ леденящимъ сердце ужасамъ, представляетъ въ данномъ случаѣ нѣчто исключительное. Но она бросила свой отблескъ и на тѣ «избіенія младенцевъ», которыя одновременно или вслѣдъ за тѣмъ произошли въ Курскѣ, Псковѣ и другихъ не только градахъ, но и весяхъ Россіи. На общественную психику было произведено сильное давленіе, съ послѣдствіями котораго, независимо даже отъ возможности повторенія возмущающихъ душу событій, несомнѣнно, придется еще считаться. Необходимо поэтому теперь же уяснить себѣ и истинные размѣры, и сокровенныя пружины этой опасности.

При первыхъ извѣстіяхъ о бакинскихъ звѣрствахъ могло казаться, что все дѣло въ племенной и религіозной враждѣ между двумя народностями. По крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ въ началѣ объясняли происшедшія событія наши,—какъ извѣстно, оффиціозныя—телеграфныя агентства и первыя оффиціальныя сообщенія, появившіяся на этотъ счетъ въ газетахъ. Такое объясненіе встрѣтило, однако, рѣзкій и единодушный протестъ со стороны мѣстнаго бакинскаго общества. Уже 16 февраля «Россійское Агентство» вынуждено было напечатать протестующую противъ его сообщеній телеграмму двухъ мѣстныхъ газетъ, которыя указывали на отсутствіе національной вражды и настаивали на томъ, что избіенія были «организованы шайкой подонковъ». Телеграмма эта, хотя и отправленная не изъ самаго Баку, а изъ Чернаго города, была, очевидно, всетаки гдѣ-то задержана и появилась съ опозданіемъ. Телеграфныя сношенія по этому вопросу вообще давались съ затрудненіями. Вскорѣ сдѣлалось также извѣстнымъ, что для мѣстной печати по отношенію къ огласкѣ фактовъ, касающихся погрома, установлена тройная цензура: общая, губернаторская и военная. Къ услугамъ столичной печати оставалась только почта, которая и не замедлила, дѣйствительно, доставить цѣлый рядъ крайне важныхъ извѣстій и документовъ. Я сдѣлаю изъ послѣднихъ лишь

нѣсколько выдержекъ, необходимыхъ въ цѣляхъ дальнѣйшаго изложенія.

Съѣздъ нефтепромышленниковъ въ телеграммѣ отъ 13 февраля на имя министра земледѣлія указываетъ, что «массовыя убійства беззащитныхъ жителей на улицахъ и въ домахъ города, сопровождавшіяся грабежами и поджогами», были «допущены администраціей» и что «войска и полиція относились къ убійцамъ, грабителямъ и поджигателямъ совершенно безучастно». Не менѣе рѣшительно высказываются на этотъ счетъ управляющіе и инженеры Биби-эйбатскихъ промысловъ и заводовъ въ письмѣ, напечатанномъ въ «Руси»:

„Четырехдневное побоище на бакинскихъ улицахъ, возникшее по случайному поводу, разрослось—говорятъ они—до размѣровъ ужасающей катастрофы, несомнѣнно, благодаря внѣшнему вліянію. Отвѣтственность за массовыя убійства не только взрослаго мужскаго населенія, но и женщинъ и дѣтей обѣихъ націй падаетъ исключительно на бездѣйствіе властей, которыя не приняли рѣшительно никакихъ мѣръ къ тому, чтобы прекратить побоище... Непонятное бездѣйствіе властей естественно поддерживало въ умахъ населенія все болѣе крѣпнувшее убѣжденіе, что власти умышленно предоставляютъ враждующимъ сторонамъ вырѣзывать другъ друга".

Бакинская адвокатура, собравшись 14 февраля для совмѣстнаго обсужденія ужасныхъ событій, единогласно пришла къ заключенію.

„что кровавая бойня возникла не на почвѣ національной и религіозной розни между армянами и татарами и не на почвѣ экономическаго антагонизма, но она явилась единственнымъ послѣдствіемъ явнаго бездѣйствія гражданскихъ и военныхъ властей, на глазахъ которыхъ въ теченіе четырехъ дней безпрепятственно совершались убійства, грабежи, поджоги и сожженія цѣлыхъ семействъ".

Наконецъ, собраніе «болѣе 2000 лицъ разныхъ національностей, сословій и общественнаго положенія», ссылаясь на «факты, которые могутъ быть засвидѣтельствованы показаніями многихъ очевидцевъ и подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію», установило, «что полиція не только не принимала мѣръ къ подавленію безпорядковъ, не только не оказывала препятствія громиламъ и убійцамъ, но или бездѣйствовала, или, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, подстрекала и поощряла ихъ и даже сама принимала участіе въ грабежахъ и убійствахъ». Что касается причины разыгравшейся трагедіи, то

„собраніемъ было констатировано, что мѣстная администрація натравляла мѣстное мусульманское населеніе на армянъ, называя послѣднихъ врагами царя, приписывая имъ желаніе отдѣлиться отъ Россіи, имѣть „своего царя" и вырѣзать мусульманъ. Эта пропаганда травли имѣла мѣсто за долго до рѣзни, но особенно усилилась въ послѣднее передъ нею время, что, по всѣмъ признакамъ, находится въ связи со слухами о возможномъ откликѣ бакинскаго населенія на кровавыя событія, бывшія въ Петербургѣ 9 января".

Сказавшееся въ этихъ постановленіяхъ общественное возбужденіе противъ мѣстной администраціи было настолько сильно и единодушно, что произвело впечатлѣніе и въ правящихъ сферахъ. По высочайшему повелѣнію уже назначена сенаторская ревизія, которой и предстоитъ, между прочимъ, разобраться, какую роль въ бакинскихъ кровавыхъ событіяхъ сыграла національная вражда и не послужила ли она лишь средствомъ для достиженія какихъ-либо иныхъ цѣлей.

Въ настоящее же время необходимо отмѣтить, что какъ только столичная печать начала оглашать факты, относящіеся къ бакинскому погрому, агентскія сообщенія о немъ измѣнили свой характеръ. Ссылки на національную рознь отошли въ нихъ на задній планъ и въ объясненіе происшедшихъ событій стали выдвигаться нѣсколько иныя причины.

„По свѣдѣніямъ „Кавказа",—читаемъ мы въ телеграммѣ Петербургскаго агентства изъ Тифлиса отъ 23 февраля.—на совѣщаніи бакинскаго генералъ-губернатора съ участіемъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ и населенія констатировано, что недавнее столкновеніе армянъ и мусульманъ вызвано преступною дѣятельностью армянскаго революціоннаго комитета... Послѣ объявленія Баку на военномъ положеніи, арестовано нѣсколько важныхъ преступниковъ, въ томъ числѣ членъ международнаго революціоннаго комитета и двѣ женщины, у которыхъ найдена кипа прокламацій... Массы русскихъ рабочихъ бѣгутъ съ бакинскихъ промысловъ, едва ли не подъ вліяніемъ армянскихъ террористовъ, которые хотятъ замѣнить русскихъ армянами бѣженцами изъ Турціи".

Выходило такъ, что какъ будто армяне устроили бойню, чтобы терроризировать русскихъ рабочихъ. Но съ такимъ объясненіемъ слишкомъ ужъ дисгармонировали оффиціальныя данныя, согласно которымъ въ числѣ убитыхъ оказалось: армянъ (не считая сожженныхъ, число которыхъ не выяснено)—77%, мусульманъ—12% русскихъ—3%, другихъ и невыясненныхъ національностей—8%. Изъ послѣдовавшаго затѣмъ опроверженія выяснилось, что отчетъ

газеты «Кавказъ» *) о генералъ-губернаторскомъ совѣщаніи «не соотвѣтствуетъ тому, что въ дѣйствительности на немъ высказано, воспроизвести же эту дѣйствительность не позволяютъ мѣстныя цензурныя условія». Но и этотъ несоотвѣтствовавшій дѣйствительности отчетъ былъ еще искаженъ въ передачѣ Агентства. Что касается ссылки послѣдняго на «бѣженцевъ», въ интересахъ которыхъ будто бы была устроена рѣзня, то ихъ оказалось въ Баку не болѣе 2—3 десятковъ.

Заимствованное изъ неизвѣстнаго источника, это объясненіе— читаемъ мы въ томъ же опроверженіи —«можетъ вызвать у всякаго живущаго въ Баку, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, лишь крайнее изумленіе предъ тѣмъ неуваженіемъ, которое корреспондентъ Агентства питаетъ къ истинѣ и печатному слову» **).

Не смотря, однако, на это, спустя нѣсколько дней «Новое Время», въ телеграммѣ уже собственнаго корреспондента изъ Баку, дало то же освѣщеніе происшедшимъ событіямъ:

„Прискорбныя событія съ 6 по 9 февраля,—читаемъ мы въ этой газетѣ,— несомнѣнно вызваны убійствами, начавшимися благодаря подстрекательству агентовъ армянскаго революціоннаго комитета. Взяты подъ стражу 39 анархистовъ, среди нихъ Вольскій, прибывшій изъ Женевы, Прокофьева, невѣста Сазонова, убійцы В. К. Плеве, и другіе; въ статистическомъ бюро бакинской городской управы задержана библіотека мѣстнаго революціоннаго комитета и десять человѣкъ, прибывшихъ на сходку. Въ дни погрома революціонной комитетъ засѣдалъ въ залѣ общественнаго собранія".

Разобраться въ этомъ сообщеніи, въ которомъ перемѣшаны армянскіе и русскіе революціонеры и международные анархисты, конечно, невозможно. Изъ сопоставленныхъ нами показаній той и другой стороны выясняется, однако, тотъ несомнѣнный фактъ, что, если не сама «крамола», то борьба съ нею сыграла видную роль въ бакинской трагедіи. Вниманіе мѣстной администраціи настолько сильно было фиксировано на этомъ предметѣ, что даже послѣ учрежденія генералъ-губернаторства главныя усилія оказались направленными на розыскъ русскихъ и армянскихъ революціонеровъ...

*) Представители другихъ кавказскихъ газетъ, за исключеніемъ оффиціальнаго «Кавказа», не сочли возможнымъ принять участіе въ устроенномъ генералъ-губернаторомъ совѣщаніи.

**) См. телеграмму пяти членовъ генералъ-губернаторскаго совѣщанія отъ 2-го марта въ газеты „Новое Время" и „Русскія Вѣдомости".

Обстоятельство это представляется въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе характернымъ, что «избіенія» или угрозы ими въ другихъ мѣстахъ носили явный характеръ борьбы съ «крамолою». Этимъ, конечно, объясняется и та роль, какую играла въ этихъ избіеніяхъ полиція или, по крайней мѣрѣ, какую приписывало и приписываетъ ей общественное мнѣніе. Избіенія получили «патріотическую» окраску, и полиція оказалась въ двусмысленномъ положеніи. Защищать избиваемыхъ — не значитъ ли это помогать «крамолѣ»? Вызвать «патріотическое» воодушевленіе — не значитъ ли это, наоборотъ, проявить усердное и похвальное рвеніе въ борьбѣ съ «внутреннимъ врагомъ»? Въ результатѣ — повсемѣстное почти «бездѣйствіе власти», а во многихъ мѣстахъ и несомнѣнное сотрудничество низшихъ чиновъ полиціи съ «толкучкой», «мясниками», «краснорядцами» и даже просто съ «хорошо извѣстными полиціи темными личностями» и «подонками». Кое-гдѣ дѣло доходило даже до переряживанія пожарныхъ и городовыхъ въ «народъ», до найма на такой случай поденщиковъ. «Обѣщали по рублю, а дали только по 40 коп.»—жаловались въ Псковѣ. На низшихъ же ступеняхъ администраціи—и маскарада не было. Въ селахъ открыто формировались «дружины для борьбы съ крамолою».

Ничего удивительнаго и неожиданнаго во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ. Кулачная расправа, какъ извѣстно, до сихъ поръ представляетъ ultima ratio нашего полицейскаго участка, къ ней прибѣгаютъ для того, чтобы водворить тишину на улицѣ, ею же пользуются и для того, что добиться «сознанія» въ застѣнкѣ. Кулакомъ вытрезвляютъ пьяныхъ, кулакомъ же «учатъ» непокорныхъ и «отбиваютъ охоту» у строптивыхъ. Воспитать въ себѣ уваженіе къ человѣческой личности и подняться до сознанія, что ея дѣло охранять обывателя, а не ломать ему ребра—нашей полиціи было негдѣ. Такой полицейской «школы» Россія еще не видѣла. Втянутая въ политическую борьбу въ качествѣ одной изъ дѣйствующихъ сторонъ, полиція и въ этой деликатной сферѣ пользуется тѣмъ же единственно доступнымъ ей средствомъ. Между жандармской и наружной полиціей наблюдается въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, громадная разница. Первая—это воплощенная, можно сказать, предупредительность и деликатность, вторая—знаетъ только стремительность и натискъ. До сихъ поръ со свойствами полицейскаго участка были знакомы лишь тѣ обыватели, которые имѣли касательство къ

нему по пьяному или воровскому дѣлу. Недоимщики и раскольники также хорошо знали становую квартиру. Что касается чистой публики, то полиція ее только поздравляла съ праздниками. Политическая жизнь страны протекала въ колбахъ и ретортахъ, для наблюденія за которыми имѣлись спеціальные, въ высшей степени деликатные надзиратели, нерѣдко избѣгавшіе даже носить какую-либо форму. Въ послѣдніе годы эта жизнь забила кипучимъ ключемъ и вырвалась на улицу. Тутъ мы воочію увидѣли, что такое представляютъ изъ себя городовые и дворники. Движеніе росло, въ городовыхъ и дворникахъ уже почувствовался недостатокъ. Подъ рукой имѣются «безсвязныя толпы». Охотники поразмять кости всегда найдутся, лишь была бы гарантирована безнаказанность.

Но «безсвязнымъ толпамъ» нужна указка... Въ самомъ дѣлѣ: что такое крамола? Про «сицилистовъ», конечно, многіе слышали. Но какъ ихъ узнаешь? Читатели, можетъ быть, помнятъ очеркъ А. Б. Петрищева: «Брандмейстеръ Осиповъ» [1]). Въ немъ приводится интересный на этотъ счетъ фактъ. Отставной подполковникъ Абрамовичъ, не шутя, сталъ подозрѣвать, что брандмейстеръ и полиціймейстеръ съ окружающими ихъ сыщиками и, въ то же время, поджигателями—«не что иное, какъ шайка соціалистовъ».

— «Отправляю заказнымъ,—между прочимъ, писалъ Абрамовичъ своей незаконной женѣ Еленѣ Трояновской,—а то перехватятъ письмо, если они дѣйствительно соціалисты».

Если отставному подполковнику русской службы такъ трудно разобраться въ этомъ вопросѣ, то краснорядцу—и подавно. Впрочемъ, не только краснорядцу... Газеты недавно сообщили фактъ, какъ урядникъ, призванный въ качествѣ эксперта, принялъ вышедшихъ на прогулку учениковъ городского училища за вооруженныхъ крамольниковъ. На усмиреніе была даже двинута цѣлая рота...

У «искорененія крамолы» имѣются, однако, свои теоретики и свои популяризаторы. Они-то могли, казалось бы, и точные признаки установить, и въ массахъ ихъ популяризировать. Но и здѣсь мы не сразу найдемъ нужные признаки. На первый разъ можетъ показаться, что на этотъ счетъ царитъ полная смута. Взять хотя бы г. Суворина-старшаго. Ужъ на что, казалось бы, въ такихъ

[1]) «Русское Богатство», 1905 г., январь.

вещахъ опытный человѣкъ, но и онъ, по первому взгляду, разсуждаетъ не лучше отставного подполковника Абрамовича.

«Я имѣю возможность читать — похвалялся недавно г. Суворинъ—заграничныя русскія изданія, читаю прокламаціи... Я читаю усердно. Я искренно желаю знать, что думаетъ то поколѣніе, среди котораго я живу. Едва-ли есть такая книга, изданная за границей по-русски, которую я бы не прочиталъ или не пересмотрѣлъ». Многіе читатели, можетъ быть, позавидовали этой столь нужной въ наше время освѣдомленности. Въ еще большемъ числѣ «нововременскіе» почитатели восчувствовали, конечно, безграничное довѣріе къ своему вдохновенному руководителю. «О, онъ знаетъ»...—конечно, говорили они. Да, онъ знаетъ... Недаромъ вѣдь тотъ же самый г. Суворинъ «главнаго воеводу» Лжедимитрія объявилъ «соціалъ-демократомъ». Недаромъ то же самое «Новое Время» заявило, что

„дурацкія прокламаціи „Бей студентовъ!“ не мужицкія произведенія, а все той же соціалъ-демократической революціонной партіи, которая мѣшками разсылаетъ по Россіи прокламаціи, съ цѣлью смутъ во что бы то ни стало, хотя бы путемъ новой пугачевщины“.

Все равно, какъ въ армянскомъ погромѣ... «Скубенты» сами устроили избіенія для того, очевидно, чтобы терроризировать «нововременцевъ». Не думайте, однако, что это подполковницкая наивность. Нѣтъ! по части инсинуацій «Новое Время», можно сказать, собаку съѣло. Оно знаетъ, что его читателей двинуть на гимназистовъ затруднительно. Ихъ можно, однако, припугнуть самозванцами и пугачевщиной.

Понятіе «крамолы» въ послѣднее время все болѣе и болѣе стало, однако, опредѣляться. Не только про себя, но и вслухъ цѣлый рядъ газетъ, ничуть не смущаясь, возглашаетъ, что крамола, это—русская интеллигенція. «Гражданинъ» съ восторгомъ передаетъ такой яко бы фактъ:

Крестьяне одного села пришли сходомъ къ священнику и попросили его написать для нихъ адресъ къ Царю. На вопросъ священника, о чемъ писать адресъ, крестьяне пояснили, что они желаютъ сказать Царю, что, услыхавъ, что господа, по названію *телигенты*, хотятъ ограничить Его власть и забрать ее себѣ, заявляютъ Ему, что они Его въ обиду не дадутъ никому и готовы идти на Москву и въ Петербургъ, чтобы сокрушить его враговъ.

По словамъ того же «Гражданина», въ другомъ селѣ крестьяне «для ассоціаціи интеллигентовъ» уже «постановили нѣчто страшное».

Другого опредѣленія для крамолы въ наше время, конечно, не отыщешь. Для того, чтобы «искоренить крамолу», нужно уничтожить всю соль земли, всю творческую мысль страны, всѣхъ лучшихъ сыновъ родины. Не только охранители, но и «прогрессивный центръ», усиленный въ послѣднее время новой газетой «Слово», передъ этимъ, конечно, не задумались бы. Задача предстоитъ, однако, трудная и едва-ли выполнимая...

VI. Народъ и интеллигенція.

Апрѣль.

Бакинское побоище и избіенія учащихся, — какъ я уже сказалъ—оказали замѣтное вліяніе на общественную психику. Былъ даже моментъ, когда казалось, что въ обществѣ начинается паника.

Со вчерашняго вечера, — телефонировалъ корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" отъ 19 февраля, — Москва приняла зловѣщій видъ. На Тверской, Кузнецкомъ мосту и на всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ улицахъ двери и окна магазиновъ заколачивались досками. Безъ особой надобности публика предпочитала на улицахъ не появляться. Съ 9 часовъ вечера на улицахъ воцарилась полнѣйшая тишина; городъ точно вымеръ. Нервное настроеніе, царившее въ теченіе нѣсколькихъ дней, создало почву для распространенія всякихъ тревожныхъ слуховъ. Говорили о вооруженныхъ хитровцахъ, мясникахъ, лабазникахъ, идущихъ бить „студентовъ"...

Быстро охватившіе всю Россію слухи пріурочивали готовящійся будто бы погромъ интеллигенціи вездѣ къ одному и тому же дню—къ 19 февраля. Послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что слухи эти возникли и распространились не случайно. Можетъ быть, это была одна изъ мѣръ предупрежденія и пресѣченія, которою желали предотвратить и въ случаѣ чего подавить сдѣлавшіяся обычными въ этотъ день оказательства...

Я только что пріѣхалъ передъ тѣмъ въ Псковъ. Въ теченіе пяти недѣль я не читалъ газетъ и былъ совсѣмъ не въ курсѣ тѣхъ настроеній, какія появились и усиливались за это время въ русской жизни. Въ ночь на 11 января я оставилъ послѣднюю сильно

взволнованной, теченія въ ней могли появиться всякія. И мнѣ жутко стало, когда я попалъ въ среду интеллигенціи. Далеко не успокоившаяся еще послѣ избіенія учащихся, какое произведено было во Псковѣ 7 февраля, она обнаруживала склонность очень нервно реагировать на слухи о готовящемся погромѣ. Когда же 18 февраля появился манифестъ, призывающій къ борьбѣ «словомъ и дѣломъ» съ крамолою, тревога еще болѣе усилилась. Появились новые слухи, назывались даже дома и квартиры, будто бы назначенные для погрома. При спокойномъ обсужденіи всѣ эти слухи представлялись ни на чемъ не основанными, самый источникъ ихъ сомнительнымъ, никакихъ внѣшнихъ признаковъ, что что-нибудь затѣвается, не было. Въ уличной и ярмарочной толпѣ никакого озлобленія и никакихъ выходокъ по адресу интеллигенціи не замѣчалось. И всетаки никто не рѣшался поручиться, что слѣдующій день пройдетъ спокойно. Къ вечеру я зашелъ къ одному изъ знакомыхъ, у котораго собралось еще нѣсколько лицъ изъ мѣстной интеллигенціи. Преобладало мнѣніе, что никакого погрома не будетъ, да и быть не можетъ. И всетаки кончилось тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ начали заряжать только что пріобрѣтенные револьверы...

Кто-то вспомнилъ Н. К. Михайловскаго:

У меня на столѣ—писалъ онъ когда-то—стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки...

Неужели же этотъ образъ, который мыслитель-публицистъ допускалъ въ видѣ условной возможности, намъ придется видѣть воплощеннымъ въ дѣйствительности? Неужели русской интеллигенціи—буквально съ револьверами въ рукахъ—придется отстаивать свое право на существованіе? Но русская жизнь вѣдь такъ богата еще всякими «бытовыми особенностями»...

Въ самомъ дѣлѣ, три уже мѣсяца длится совершенно открытая, никѣмъ не стѣсняемая и ничѣмъ не стѣсняющаяся агитація, поставившая своею цѣлью натравить чернь на интеллигенцію. Съ каждымъ днемъ эта агитація становится все наглѣе и рѣшительнѣе. Съ этою цѣлью мобилизированы уже всѣ темныя силы и пу-

щены въ ходъ всѣ доступныя имъ средства. Въ газетахъ этого лагеря изо-дня въ день печатаются пламенныя воззванія, съ церковныхъ каѳедръ то и дѣло раздаются вдохновенныя поученія, изъ полицейскихъ участковъ доносятся недвусмысленныя нашептыванія. Отовсюду только и слышно: «бей крамольниковъ—въ отвѣтѣ не будешь». И отвѣчать, дѣйствительно, не приходится. Судьи — въ томъ же, напримѣръ, во Псковѣ—оправдываютъ даже сознавшихся. Другія разслѣдованія—какъ, напримѣръ, въ Курскѣ—оканчиваются новыми невзгодами для интеллигенціи...

Въ этой травлѣ использованы, такимъ образомъ, уже всѣ авторитеты. Испробованы и всѣ струны. На разные лады повторяется сказка о японскихъ милліонахъ, усиленно распространяется легенда о намѣреніяхъ интеллигенціи возстановить крѣпостное право. Даже обѣщанное съ высоты престола представительство истолковывается, какъ попытка со стороны той же интеллигенціи захватить власть надъ народомъ въ цѣляхъ вящшей его эксплуатаціи.

Появились, наконецъ, какіе-то «православные», «крестьянскіе», «монархическіе» и т. д. якобы «комитеты» и «партіи», распространяющіе гектографированныя прокламаціи. Такимъ образомъ, даже авторитетъ революціонныхъ организацій желали бы использовать спрятавшіеся въ подполье предводители черносотенной арміи...

Но результаты этой усиленной агитаціи пока ничтожны. Тамъ побили студента, здѣсь избили гимназистовъ... Иной разъ неизвѣстно даже, кто это сдѣлалъ: воодушевленные ли полицейскимъ патріотизмомъ лабазники или—какъ въ Курскѣ—выведенные на улицу для «практическихъ занятій» бородатые ученики учрежденной В. К. Плеве школы стражниковъ. Всколыхнуть сколько-нибудь значительные слои населенія агитація, руководимая «Московскими Вѣдомостями» и, можетъ быть,—какъ заявили «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости» — «кое-кѣмъ повыше», до сихъ поръ оказалась безсильною.

Свѣточъ русской интеллигенціи разгорѣлся уже такимъ яркимъ пламенемъ, что тьма народнаго невѣжества объять его уже не можетъ. Лучи свѣта уже прорѣзали толщу народной массы и даже въ тѣхъ слояхъ ея, въ которыхъ «Московскія Вѣдомости», по преимуществу, ищутъ и находятъ себѣ адептовъ, искрится сознательная мысль и тлѣетъ готовое вспыхнуть совсѣмъ иное активное

чувство. Приказчики, напримѣръ, сторонятся товарищей, замѣшавшихся въ ряды погромщиковъ. Въ духовенствѣ многіе уже задумались надъ навязанной имъ ролью проповѣдниковъ человѣконенавистничества... Изъ деревни все чаще и чаще доносятся протесты противъ приписываемыхъ ей охранителями чувствъ и взглядовъ.

Между тѣмъ это отнюдь не единственное и далеко не самое главное препятствіе для сформированія необходимой для «искорененія крамолы» черносотенной арміи. Въ жизни народа такъ много самой вопіющей нужды и невыносимыхъ страданій, что увлечься безкорыстной борьбой за отжившіе институты онъ уже не можетъ. Онъ слишкомъ долго приносилъ этимъ полусгнившимъ фетишамъ свои жертвы и слишкомъ мало видѣлъ отъ нихъ для себя пользы. Съ ихъ стороны нужны поэтому такія существенныя доказательства ихъ божественнаго происхожденія, какихъ дать они не захотятъ, да и не могутъ. Вѣдь только пристава да околодочные могутъ думать, что секретъ революціоннаго обаянія заключается въ гектографѣ. Для того, чтобы управлять массами, необходимо понять, признать и сдѣлать центромъ движенія ихъ нужды.

Что касается, въ частности, деревни, которою все время охранители «пужаютъ» интеллигенцію, то она уже всколыхнулась. И теперь для всякаго ясно, что крестьянское движеніе, какъ ни своеобразны его формы, ничего общаго съ задачами «Московскихъ Вѣдомостей» не имѣетъ. Крестьяне Душетскаго уѣзда выразили это въ до нельзя наивной формѣ. «Въ 8-хъ,—заявили властямъ ихъ повѣренные, перечисляя свои требованія,—присоединяемся къ русскимъ людямъ, именуемымъ бунтовщиками». На языкѣ «Московскихъ Вѣдомостей» послѣдній эпитетъ прилагается ко всѣмъ участникамъ освободительнаго движенія... И несомнѣнно, что ихъ-то и имѣли въ виду душетскіе крестьяне.

Необходимо, наконецъ, принять во вниманіе, что и сама интеллигенція оказалась на этотъ разъ далеко не столь безпомощной, какою мы привыкли въ такихъ случаяхъ ее видѣть. Переживъ первый моментъ испуга и разсѣянности, она быстро оправилась и въ общемъ дала дружный и достаточно энергичный отпоръ темнымъ силамъ. Напомню хотя бы рядъ общественныхъ собраній, быстро съорганизованныхъ съ этой цѣлью въ Баку и Курскѣ. Въ начавшейся борьбѣ немедленно были вскрыты сокровенныя пру-

жины надвинувшейся опасности. Оказалось, что это даже не новый врагъ, а старый, лишь спрятавшійся за спину хулигана. Попытка терроризировать интеллигенцію оказалась, такимъ образомъ, неудавшеюся. Больше того: послѣдняя обнаружила рѣшимость встрѣтить врага лицомъ къ лицу, хотя бы для этого и пришлось прибѣгнуть къ оружію... Я не знаю, осуществятся ли проекты народной милиціи, о чемъ теперь толкуютъ чуть ли не повсемѣстно. Во всякомъ случаѣ, безъ борьбы, и при томъ упорной борьбы, свинья правды теперь не слопаетъ.

Отрицая возможность сколько-нибудь значительнаго по своимъ размѣрамъ и достаточно серьезнаго по своимъ результатамъ—массоваго движенія, направленнаго спеціально противъ *интеллигенціи*, я отнюдь не хочу сказать, что и вообще съ этой стороны никакой опасности не предвидится. На почвѣ національной, классовой и сословной могутъ еще разыграться страшныя сцены, и эта опасность не исчезнетъ, пока народъ представляетъ изъ себя «безсвязныя толпы».

Когда я пишу эти строки, вся Россія опять охвачена тревожными слухами. Говорятъ о новыхъ погромахъ, и въ частности о погромѣ интеллигенціи, назначенномъ будто бы на 18 апрѣля, т. е. на 1 мая по новому стилю. Вѣроятнѣе всего, что это опять-таки, какъ и 19 февраля, мѣра предупрежденія, свидѣтельствующая о томъ, что полиція хорошо помнитъ дату рабочаго праздника. Но возможны и крупныя недоразумѣнія.

Горючаго матеріала вездѣ много, и часто ничтожная искра можетъ воспламенить его. Возьмите хотя бы эту неожиданную вспышку въ Ялтѣ: самый заурядный, казалось бы, случай полицейскаго произвола, а между тѣмъ, дѣло кончилось не только разгромомъ полицейскихъ участковъ, но и общимъ грабежомъ и поджогами. Наболѣвшихъ мѣстъ въ народной жизни такъ много, что всякое прикосновеніе можетъ вызвать въ ней судорожныя движенія. Трудно предвидѣть силу этихъ конвульсій и еще труднѣе предугадать, что именно въ томъ или иномъ случаѣ явится непосредственнымъ объектомъ народнаго гнѣва и народной ненависти.

Своею агитаціею охранители надѣются спутать счеты и подмѣнить объекты. Въ конечномъ итогѣ эта азартная игра, несомнѣнно, будетъ проиграна, и сохранить свои привилегіи невредимыми имъ,

конечно, не удастся. Общій характеръ движенія уже опредѣлился: поскольку въ немъ участвуютъ массы, это движеніе угнетенныхъ противъ угнетателей, эксплоатируемыхъ противъ эксплоататоровъ. Такимъ оно, конечно, и останется; но разобраться во всѣхъ сложныхъ счетахъ массы, можетъ быть, и не сумѣютъ.

Отдѣльныя вспышки уже начали сливаться въ общій пожаръ, грозящій охватить всю Россію,—и городъ, и деревню, и центръ и окраины. Съ каждымъ днемъ движеніе пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе стихійный характеръ. И нѣтъ ничего мудренаго, что этотъ огонь выжжетъ, въ концѣ концовъ, не только сорныя, но и цѣлебныя травы.

Можетъ быть, будетъ выжжена въ большей или меньшей своей части и русская интеллигенція. Не за Бѣлинскаго и Михайловскаго она отвѣтитъ, не за мучениковъ своихъ и героевъ, не за идеи свои и идеалы. Она отвѣтитъ за имущіе классы, среди которыхъ выросла, за сословныя привилегіи, которыми такъ долго пользовалась, и за классовую эксплоатацію, въ которой, не смотря на всѣ свои идеи и идеалы, принимала дѣятельное участіе.

Все усиливающееся и не находящее себѣ исхода, движеніе можетъ принять, въ концѣ концовъ, такіе размѣры и отлиться въ такія формы, что та же участь постигнетъ и многія другія пріобрѣтенія культуры. Можно опасаться, что оно разразится, въ концѣ концовъ, катастрофой. Массы могутъ не разсмотрѣть, что на сломъ подлежатъ лишь перегородки и своды; подъ ея стихійнымъ напоромъ могутъ вѣдь рухнуть и стѣны самого зданія.

Чтобы спасти то, что ей дорого, и предотвратить уже надвинувшуюся общую опасность, у русской интеллигенціи есть только одно средство.

О, если бы я могъ—писалъ въ 1875 г. Н. К. Михайловскій — утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть на счетъ того же народа! О, если бы и вы всѣ, читатели, пришли къ такому же рѣшенію, особенно у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоти... *).

Этотъ моментъ въ жизни русской интеллигенціи насталъ. Пришло время перестать ей существовать въ видѣ какой-то особой,

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Т. Ш, стр. 707.

изолированной отъ жизни народа, группы. Она должна, наконецъ, порвать свои связи съ тѣмъ, во что давно извѣрилась, и, поднявъ возможно выше свѣточъ истины и идеала, которымъ владѣетъ, броситься въ эти, до нельзя взволнованныя, «безсвязныя толпы». «Дѣло идетъ объ обмѣнѣ между нами и народомъ, обмѣнѣ честномъ, безъ шулерства и заднихъ мыслей, въ результатѣ котораго получается равенство обмѣненныхъ цѣнностей» *). При свѣтѣ сознательной мысли, какой интеллигенція внесетъ въ народную среду, и въ результатѣ организующей работы, какая ею будетъ выполнена, она найдетъ въ народѣ ту силу, которая воплотитъ, наконецъ, ея идеалы въ дѣйствительности.

Въ этомъ сліяніи интеллигенціи и народа сейчасъ все наше спасеніе. Только такимъ путемъ можно прекратить жестокія сцены, какія разыгрываются въ странѣ въ настоящее время, и предохранить ее отъ еще болѣе тяжкихъ потрясеній, какими грозитъ ей ближайшее будущее. И только слившись со своей интеллигенціей, русскій народъ обрѣтетъ свои «дѣйствительныя силы» и изъ «людской пыли» и «безсвязныхъ толпъ» превратится въ свободную и великую націю.

VII. О томъ, какъ ѣдетъ Улита.

Апрѣль.

Легко и безболѣзненно это сліяніе интеллигенціи и народа, — а въ этомъ повторяю, вся суть сейчасъ, — могло бы произойти въ свободныхъ учрежденіяхъ. Для того, чтобы мысль могла проникнуть въ жизнь, и для того, чтобы жизнь могла воспринять и воплотить въ себѣ мысль, въ равной мѣрѣ необходима свобода. Больше того: для этого-то именно и нужна свобода. Вникните въ такъ называемыя «вольности»,—и вы увидите, что одна изъ главныхъ ихъ задачъ состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить свободу взаимодѣйствія между жизнью и мыслью. И страстный порывъ къ свободѣ, какимъ охвачена сейчасъ страна, въ значительной мѣрѣ является выраженіемъ этой именно двусторонней, — можетъ быть, и не вполнѣ сознанной, но тѣмъ не менѣе властной, — потребности: жизнь безъ

*) Ib.

дѣятельнаго участія мысли сдѣлалось невозможною; мысль, лишенная возможности претвориться въ дѣло, стала нестерпимою.

Однако свобода, понимаемая въ смыслѣ тѣхъ или иныхъ вольностей личности, сама по себѣ, — если бы въ такомъ изолированномъ видѣ она и была возможна,—не въ состояніи еще обезпечить удовлетвореніе этой неотложной уже потребности. Цѣлый рядъ назрѣвшихъ задачъ, и при томъ крайне важныхъ и сложныхъ, требующихъ особенно властнаго вмѣшательства жизни и особенно дѣятельнаго участія мысли, не можетъ быть разрѣшенъ предоставленными самимъ себѣ, хотя бы и свободными личностями. Не могутъ быть разрѣшены эти задачи,—по крайней мѣрѣ, при данномъ уровнѣ человѣческаго развитія,—и свободными соединеніями большаго или меньшаго числа личностей въ кружки, общества и союзы. Онѣ могутъ быть разрѣшены и осуществлены лишь всѣмъ народомъ, объединеннымъ въ государство, и всѣмъ населеніемъ той или иной территоріи, объединеннымъ въ общину. Поэтому не только для того, чтобы обезпечить свободу, но и для того, чтобы дѣйствительно сочетать мысль съ жизнью, необходимы еще «учрежденія». И эти учрежденія должны быть таковы, чтобы на всѣхъ ступеняхъ — сверху до низу — они обезпечивали свободное выраженіе и гармоническое сочетаніе идей и интересовъ, потребностей и идеаловъ. Нечего и говорить, что такими учрежденіями въ настоящее время могутъ быть учрежденія только представительныя. Понятны, поэтому, та настойчивость и та энергія, съ какими добивается ихъ сейчасъ страна.

Два мѣсяца тому назадъ такія учрежденія были, наконецъ, русскому народу обѣщаны. Выполненіе этого обѣщанія довольно многіе, — какъ мы знаемъ, — по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, считали очень близкимъ и обезпеченнымъ. Послѣ того надежды эти очень и очень поблекли, и если бы не переданныя костромскимъ предводителемъ дворянства слова государя о томъ, что воля его созвать народныхъ представителей непреклонна, то и вовсе, пожалуй, исчезли бы. Достаточно сказать, что особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ А. Г. Булыгина, долженствующее «обсудить пути осуществленія» этого преобразованія, до сихъ поръ не созвано, да и не извѣстно еще, изъ кого оно, въ концѣ концовъ, составится. Въ отвѣтъ на нетерпѣливыя реплики газетъ по этому поводу, 18 марта появилось правительственное сообщеніе. Оказа-

лось, что предсѣдатель совѣщанія уже «приступилъ къ соображенію во ввѣренномъ ему министерствѣ относящихся къ дѣлу матеріаловъ, освѣщающихъ важнѣйшія стороны подлежащаго разрѣшенію вопроса». Но такъ какъ эти матеріалы, какъ и слѣдовало ожидать, «отличаются разнообразіемъ взглядовъ и сужденій», каковое разнообразіе легко можетъ проявиться и въ совѣщаніи, то министръ внутреннихъ дѣлъ принялъ на себя трудъ заранѣе устранить возможность «значительнаго и, быть можетъ, существеннаго различія во взглядахъ на многія стороны подлежащаго обсужденію предмета». Въ этихъ видахъ онъ призналъ необходимымъ приступить нынѣ же къ составленію «первоначальныхъ соображеній» объ «основаніяхъ» предположенной реформы, съ тѣмъ, чтобы ихъ заранѣе, при посредствѣ совѣта министровъ, согласовать съ «общими видами правительства» и лишь затѣмъ уже подвергнуть въ совѣщаніи «окончательной разработкѣ». Согласно этому плану, принципіальная сторона реформы будетъ предрѣшена министромъ внутреннихъ дѣлъ и совѣтомъ министровъ. Планъ этотъ оказался вмѣстѣ съ тѣмъ настолько сложнымъ, что ради выполненія его выяснилась надобность отсрочить созывъ совѣщанія еще, по крайней мѣрѣ, на «два—три мѣсяца». Что касается самого представительнаго собранія, то, по разсчетамъ однихъ комментаторовъ изложеннаго правительственнаго сообщенія, оно при указанномъ планѣ можетъ быть созвано не ранѣе, какъ черезъ полтора года, по соображеніямъ же другихъ—въ еще болѣе отдаленномъ и даже вовсе неопредѣленномъ будущемъ. Горячія статьи въ газетахъ и настойчивыя представленія многихъ учрежденій, указывавшихъ на невозможность медлить съ созывомъ народныхъ представителей, повидимому, нисколько не повліяли на выполненіе этого плана. По крайней мѣрѣ, когда я пишу эти строки, подъ строгимъ покровомъ канцелярской тайны продолжается еще «соображеніе относящихся къ дѣлу матеріаловъ» и «составленіе первоначальныхъ соображеній», долженствующихъ предвосхитить главный смыслъ работъ особаго совѣщанія. Газетные репортеры обѣщали, что къ Пасхѣ будетъ обнародовано новое правительственное сообщеніе по этому предмету, изъ коего будетъ ясно, что «два — три мѣсяца» дѣйствительно окончатся въ іюнѣ, когда совѣщаніе, наконецъ, и будетъ созвано. Но вотъ и Пасха прошла, а о совѣщаніи ни слуху—ни духу.

Во всякомъ случаѣ пока Улита ѣдетъ... Тѣмъ временемъ сдѣ-

данный 18 февраля, какъ я выразился въ одной изъ предыдущихъ главъ, «шагъ на мѣстѣ» все болѣе и болѣе переходитъ въ топтанье. Не смотря на предрѣшенный созывъ народныхъ представителей, бюрократія дѣлаетъ новыя и новыя попытки собственными силами разрѣшить обступившіе ее со всѣхъ сторонъ жгучіе вопросы. Очевидно, она еще не потеряла надежды сама все сдѣлать, все устроить. Даже аграрный вопросъ она не усумнилась принять къ своему единоличному—конечно, въ «особомъ совѣщаніи» — разсмотрѣнію. Не смотря, однако, на все ея стараніе и всѣ усилія, тяжело нагруженный государственный возъ не двигается. Да и трудно ему было бы двинуться. Даже въ сферѣ упраздненія и учрежденія особыхъ совѣщаній,—а въ этомъ правительство уже изрядно напрактиковалось,—оно проявляетъ крайнюю неустойчивость: то какъ будто поддастся впередъ, то совсѣмъ недвусмысленно двинется въ обратную сторону. За послѣдній мѣсяцъ возвѣщено, напримѣръ, введеніе земскихъ учрежденій въ Сибири, на Кавказѣ и въ Польшѣ, для чего и учреждены, конечно, особыя совѣщанія. Обѣщаны и другія какія-то облегченія многострадальнымъ «окраинамъ». И въ это же время—хотя бы по тому же аграрному вопросу—возвѣщаются,—съ образованіемъ опять-таки особыхъ совѣщаній, — очень далекія отъ какихъ-либо льготъ и даже прямо репрессивныя предначертанія. Рѣзко попятное движеніе знаменуетъ собою и только что появившійся въ газетахъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ на имя губернаторовъ, коимъ существенно ограничено и — съ извѣстной точки зрѣнія — даже сведено на нѣтъ дарованное указомъ 18 февраля частнымъ лицамъ и учрежденіямъ право представлять свои соображенія по вопросамъ государственнаго благоустройства въ совѣтъ министровъ.

Впрочемъ, эта, какъ я назвалъ ее, «хромота на оба колѣна» обусловлена на этотъ разъ, повидимому, иными причинами. Вполнѣ вѣроятно, напримѣръ, что вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ на Кавказѣ, въ Сибирѣ и Польшѣ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ, благодаря личному вліянію намѣстника и генералъ-губернаторовъ, не находящихся, какъ извѣстно, въ прямомъ подчиненіи у министра, и настроенныхъ, вѣроятно, болѣе уступчиво, въ виду рѣзко обострившагося положенія дѣлъ на ввѣренныхъ имъ территоріяхъ. Въ газетахъ проскользнуло даже извѣстіе, что варшавскій генералъ-губернаторъ подумывалъ оставить свой постъ въ виду

явной недостаточности уступокъ, какихъ ему удалось добиться въ Петербургѣ для поляковъ. Гр. Кутаисовъ въ бесѣдахъ съ газетными интервьюерами также не скрывалъ, что благопріятное разрѣшеніе вопроса о земскихъ учрежденіяхъ для Сибири всецѣло обязано его личному ходатайству передъ государемъ. Что касается центральнаго правительства, то въ немъ, повидимому, все болѣе и болѣе крѣпнутъ совершенно чуждыя какимъ-либо уступкамъ тенденціи. И нѣтъ ничего мудренаго, что въ будущемъ будетъ предпринята, быть можетъ, не одна еще рѣшительная попытка двинуть возъ въ обратномъ направленіи. Само собой понятно, что и Улита въ такомъ случаѣ двинется туда же.

VIII. Растерявшіеся націоналисты.

Апрѣль.

Поставленный на очередь вопросъ о представительствѣ не можетъ, однако, быть снятъ бюрократіей, потому что и поставленъ онъ не ею, а жизнью. Онъ уже приковалъ къ себѣ общее вниманіе, и за послѣдніе два мѣсяца и въ обществѣ, и печати, можно сказать, только и разговоровъ, что объ основахъ представительства. Сами по себѣ эти разговоры двинуть, конечно, ничего не могутъ, но и за всѣмъ тѣмъ они представляются въ высшей степени важными и для дальнѣйшаго хода внутренней жизни крайне характерными.

Въ первомъ періодѣ освободительнаго движенія, пока вопросъ о представительствѣ мыслился въ своей отвлеченной формѣ, въ видѣ именно какъ бы Улиты, которая, хотя и ѣдетъ, но неизвѣстно еще когда будетъ, все русское общество дѣлилось въ сущности на два лагеря: на сторонниковъ и противниковъ существующаго режима; внутреннія и при томъ очень существенныя разногласія хотя и чувствовались, но съ ними до поры, до времени не особенно считались. Но вотъ ряды первыхъ съ поражающею быстротою начали таять, силы послѣднихъ съ еще большею быстротою — наростать. Жизнь и мысль подвергли такой уничтожающей критикѣ существующій государственный укладъ, что дальнѣйшее существованіе его сдѣлалось невозможнымъ. На горизонтѣ образовался новый «усо-

вершенствованный государственный порядокъ». Съ каждымъ днемъ онъ становится ближе, и основной вопросъ будущаго государственнаго устройства—вопросъ о представительствѣ—уже всталъ передъ русскимъ обществомъ въ видѣ конкретной задачи. Всѣ общественныя силы должны теперь совершенно точно опредѣлить свое отношеніе къ нему, и вполнѣ понятно, что внутреннія разногласія должны при этомъ неизбѣжно вскрыться. Въ томъ и другомъ лагерѣ уже началось дифференцированіе, распаденіе на обособленныя группы, на «партіи».

Говорить о партіяхъ, можетъ быть, и преждевременно. Вопросъ о представительствѣ—основной вопросъ, но далеко не единственный которымъ опредѣлится, въ концѣ концовъ, группировка общественныхъ силъ въ странѣ. Не менѣе существенныя разногласія могутъ вскрыться и въ вопросѣ о вольностяхъ. Несомнѣнны разногласія и въ отношеніяхъ къ культурно-просвѣтительнымъ задачамъ. Еще большую роль въ данномъ случаѣ сыграютъ, конечно, соціальные вопросы, рѣшать которые придется въ неразрывной связи съ политическими. Неизбѣжно, поэтому, дальнѣйшее дифференцированіе, предстоятъ еще новыя перегруппировки. Основныя черты наиболѣе крупныхъ партійныхъ подраздѣленій должны, однако, опредѣлиться теперь же, такъ какъ всѣ указанные мною вопросы органически между собою связаны. И какъ ни туманны еще контуры нарождающихся партій, какъ ни велика еще программная разноголосица и какъ ни много еще всякихъ недоразумѣній,—кое-что разсмотрѣть уже можно.

Необходимо замѣтить, что рескриптъ отъ 18-го феараля, оффиціально признавшій неизбѣжность представительныхъ учрежденій, захватилъ врасплохъ русское общество, слишкомъ привыкшее мыслить эти учрежденія въ туманной дали и представлять ихъ себѣ въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ. Въ печати, по крайней мѣрѣ, это было очень замѣтно. Многіе сгоряча высказали такіе взгляды, которые радикально пришлось измѣнить впослѣдствіи; другіе довольно долго оставались какъ бы въ нерѣшительности и всячески обходили вопросы, которые могли сдѣлаться спорными. Но особенно большая растерянность и сумятица замѣтны были въ той части прессы, которая расположилась между двумя стульями. Въ газетахъ этого лагеря появились, прямо-таки удивительные проекты, высказывались самыя несообразныя сужденія. Двѣ ноты, однако,

и въ этой части печати сразу прозвучали совершенно опредѣленно:

Народъ идетъ,—провозгласило уже 21 февраля „Слово". Довольно намъ думать и говорить, что онъ не дозрѣлъ, что онъ самъ не знаетъ своихъ нуждъ, что „образованные" разночинцы и разноплеменцы лучше все выяснятъ и добьются того, что ему нужно, довольно этихъ крокодиловыхъ слезъ и скорби. Народъ русскій самъ сумѣетъ сказать, что ему нужно, онъ самъ сумѣетъ постоять за свое дѣло, если не мѣшать ему. И это твердо, неумолимо твердо нужно помнить при обсужденіи путей осуществленія возвѣщеннаго представительства народа. Пусть нашъ кормилецъ-крестьянинъ самъ разскажетъ свою великую земельную думу, пусть труженикъ-рабочій раскроетъ нужды своего мозолистаго труда, какъ сдѣлаютъ это каждый за себя, купецъ или дворянинъ. Не нужно довѣренныхъ разночинцевъ. Руки прочь!

«Не пущать интеллигенцію!»—это былъ почти рефлективный крикъ, раздавшійся изъ національ-прогрессивнаго, какъ онъ сталъ называть себя потомъ, лагеря. Нѣкоторые органы доходили въ этомъ крикѣ прямо до какого-то неистовства. Есть націоналистская «ежедневная» газета «Заря», издаваемая въ Петербургѣ г. Ярмонкинымъ и посвященная по преимуществу сыску и доносительству. Выходитъ она не періодически,—очевидно, по мѣрѣ накопленія соотвѣтствующаго матеріала, и продается ниже своей номинальной цѣны—должно быть, въ видахъ пріохочиванія къ этому сорту литературы падкой на дешевку публики. «Новая газета «Заря»—выкрикиваютъ спеціально нанятые для этого газетчики:—вмѣсто пяти копѣекъ—три копѣйки!» У меня случайно сохранился номеръ этой газеты отъ 27 февраля (232-й по счету за два или за три года изданія).

Въ виду тѣхъ повальныхъ мерзостей, которыми заклеймила себя въ послѣднее время такъ называемая „русская" интеллигенпія—можно прочесть въ передовой статьѣ этого номера—заграничная независимая печать говоритъ, что до такого позора еще не доживала ни одна страна, до котораго дожила Россія... Грубое заблужденіе заграничной печати заключается въ томъ, что она совершенно не понимаетъ, изъ чего составляется такъ называемая „русская" интеллигенція. Въ каждомъ кружкѣ, въ каждомъ оппозиціонномъ обществѣ, на сто такъ называемыхъ „русскихъ" интеллигентовъ приходится 10 поляковъ, 10 прибалтійцевъ, 5 финляндцевъ, 5 армянъ и 15 евреевъ; затѣмъ 10 поляковъ во второмъ поколѣніи, 5 финляндцевъ, 10 прибалтійцевъ, 5 армянъ, также во второмъ поколѣніи, и 15 крещеныхъ евреевъ. Такимъ образомъ, на 100 „русскихъ" интеллигентовъ, хорошо, если придется

10 русскихъ, а то всѣ остальные—интернаціоналы. Какого же патріотизма можно ожидать отъ этой амальгамы? Да они готовы продать Россію гораздо дешевле, чѣмъ Іуда продалъ Христа... Великій актъ настоящаго царствованія, даровавшій русскому народу право избранія и посылки ходоковъ къ Царю, былъ принятъ съ глубокою радостью всѣми русскими сердцами, а въ лагерѣ такъ называемой „русской" интеллигенціи онъ произвелъ смятеніе, какъ свѣтъ Божій производитъ смятеніе въ скопищѣ преступниковъ, заставъ ихъ на мѣстѣ преступленія... Да, наступилъ моментъ переоцѣнки всѣхъ положеній и Россія приметъ рѣшительныя мѣры противъ интернаціоналовъ, которые систематически губятъ ея жизнь!..

Едва ли нужно говорить, что въ этомъ хорѣ «Новое Время», давно уже спеціализировавшееся на травлѣ «разночинцевъ и разноплеменцевъ», занимало далеко не послѣднее мѣсто. Оно скоро, однако, сообразило, что одними криками, хотя бы и самыми неистовыми, отъ интеллигенціи не отдѣлаешься. Для этого нужны иныя мѣры, болѣе замысловатыя, въ поиски каковыхъ эта газета и ударилась. Но и за всѣмъ тѣмъ, даже въ концѣ марта въ ней можно было прочесть хотя бы такія строки:

...Время полумѣръ прошло безвозвратно. Система бюрократизма должна быть ликвидирована и народъ долженъ вступить въ свои права—участвовать въ разработкѣ законодательства, для него же составляемаго, провѣрять примѣненіе на немъ же законовъ, контролировать расходованіе колоссальныхъ суммъ, съ него же собираемыхъ. И чѣмъ скорѣе и искреннѣе приступлено будетъ къ ликвидаціи отжившей системы, оказавшейся вполнѣ несостоятельною, и чѣмъ шире будетъ удовлетворено право *всего народа*, а не *отдѣльныхъ кредиторовъ*, тѣмъ быстрѣе возстановится довѣріе къ правительству, и тѣмъ скорѣе голосъ Россіи пріобрѣтетъ прежнее значеніе. И если правительство поддастся требованіямъ той ничтожной части интеллигенціи, которая гордится тѣмъ, что отреклась отъ отечества и потеряла понятіе о патріотизмѣ, которая застращиваетъ все общество, хочетъ стереть сельское населеніе и всѣ низшіе классы, то мы будемъ имѣть право сказать, что оно вступило въ сдѣлку съ отдѣльными группами вымогателей во вредъ всему народу... Скажите откровенно, что же это, какъ не вымогательство, всѣ эти бомбы и вооруженныя нападенія, вообще весь терроръ, который пріобрѣтаетъ право гражданства, и рядомъ съ тѣмъ петиціи разныхъ еврейскихъ обществъ, посылавшіяся въ комитетъ министровъ... Или что означаетъ забрасываніе министра внутреннихъ дѣлъ всевозможными проектами будущаго представительнаго собранія на основахъ *всеобщей, прямой* подачи голосовъ, *безъ различія національности и религіи?*.. Неужели же мы должны показывать видъ, что не понимаемъ, къ чему ведутъ всѣ эти требованія?.. Каждый классъ, каждое сословіе должно имѣть свободу избирать *изъ своей среды* кого пожелаютъ; но кто требуетъ предоставленія права петербургскому жителю быть предста-

вителемъ какой-либо отдаленной губерніи, въ которой онъ никогда даже и не бывалъ, или еврею быть представителемъ христіанъ даже по церковнымъ дѣламъ, тотъ требуетъ именно *свободы обмана*... *).

Извиняюсь передъ читателями за эти обширныя выдержки. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ воочію видѣлъ «крокодиловы слезы», какія льютъ націоналисты о бѣдномъ народѣ. Подумайте въ самомъ дѣлѣ: еврей—и вдругъ является представителемъ христіанъ «даже по церковнымъ дѣламъ!..» Или и того, пожалуй, хуже: петербуржецъ представляетъ какую-нибудь «отдаленную губернію, въ которой онъ никогда даже не бывалъ» **). Бѣдные христіане! бѣдные «наши кормильцы»!.. Они, пожалуй, даже и не узнаютъ,—особенно при «всеобщей и прямой» подачѣ голосовъ,—что ихъ права захватили ихъ «вымогатели», среди которыхъ 10% поляковъ, 10% прибалтійцевъ... и т. д. по статистикѣ г. Ярмонкина. И какой ужасъ вмѣстѣ съ тѣмъ! Подумайте въ самомъ дѣлѣ: министра внутреннихъ дѣлъ забрасываютъ... всевозможными проектами будущаго представительнаго собранія. «Да они готовы продать Россію дешевле, чѣмъ Іуда продалъ Христа!» Какъ хотите, но необходимо во что бы то ни стало отъ нихъ избавиться. При томъ же вѣдь это лишь «ничтожная часть» интеллигенціи, это только тѣ, кто не участвуетъ вмѣстѣ съ «Новымъ Временемъ» въ травлѣ инородцевъ или,—говоря высокимъ стилемъ націонализма,—«кто отрекся отъ отечества и потерялъ понятіе о патріотизмѣ»...

Избавиться, однако, необходимо и отъ народа... Да, эта нота тоже совершенно явственно прозвучала и до сихъ поръ звучитъ во всѣхъ разсужденіяхъ націоналистовъ о представительствѣ и во всѣхъ ихъ на этотъ счетъ прожектахъ. Закричать на народъ, конечно, немыслимо. Это такой звѣрь, передъ которымъ даже «Московскія Вѣдомости» ходятъ на заднихъ лапкахъ. Недаромъ же вѣдь онѣ, послѣ январскихъ событій, для крестьянъ и рабочихъ скинули 9 рублей съ подписной платы, о чемъ и вѣщаютъ въ каждомъ номерѣ чуть не аршинными буквами. Даже кн. Мещерскій

---

*) „Новое Время“, 28 марта. Курсивъ вездѣ подлинника.

**) Къ слову: петербуржцы, которыхъ особенно опасается „НовоеВремя“, чуть ли не всѣ уже побывали въ отдаленныхъ губерніяхъ, именно въ „отдаленныхъ“.

и тотъ о тяжкой долѣ народа льетъ неутѣшныя слезы... Но обойти этого звѣря можно, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ уже безчисленное число разъ это удавалось. Въ эту сторону и была направлена вся изобрѣтательность.

Уже изъ приведенной выдержки видно, какъ своеобразно «Новое Время» понимаетъ «право *всего народа*». Прежде всего, этого права должны быть лишены, по его мнѣнію, всѣ инородцы, т. е. 33% всего населенія Россійской имперіи (не считая Финляндіи), а если къ числу инородцевъ отнести украинцевъ,—которыхъ оно также вѣдь травитъ,—то даже болѣе половины (51%,— по даннымъ всеобщей переписи). Но и затѣмъ самая мысль о «всеобщемъ избирательномъ правѣ» приводитъ нововременцевъ въ ужасъ. «Прежде всего, — заявилъ г. Суворинъ, — необходимо отдѣлаться отъ всеобщаго избирательнаго права». Таково первое условіе, которое онъ поставилъ своимъ единомышленникамъ, приглашая ихъ «объединиться». Больше всего пугаетъ, конечно, равное право. Пустить же нѣсколько мужичковъ въ представительное собраніе и «Новое Время« охотно готово. Для декораціи и для поддержанія престижа «народности» это даже очень недурно.

Чѣмъ обусловлено это страстное желаніе не допустить къ участію въ представительныхъ учрежденіяхъ интеллигенцію и народъ,— понять не трудно. Защитники сословныхъ и классовыхъ привилегій хорошо, конечно, видятъ опасность, какая надвинулась на нихъ, и, при томъ сразу съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, народъ вдругъ ни съ того ни съ сего началъ предъявлять свои «требованія», грозящія сильно урѣзать и даже вовсе свести на нѣтъ доходы правящихъ классовъ. Съ другой стороны, интеллигенція дѣлаетъ героическія усилія, чтобы пробиться, наконецъ, къ народу и пронести къ нему тѣ идеи, которыя, могутъ освятить его права и обобщить его требованія. Легко понять, что въ случаѣ объединенія этихъ силъ, многія изъ привилегій должны будутъ тотчасъ же исчезнуть. Между тѣмъ существующій строй уже безсиленъ оказать имъ надлежащую защиту. Волею-неволею приходится соглашаться на его ликвидацію и искать себѣ спасенія въ новыхъ формахъ государственнаго устройства. Главная задача, какая стоитъ при этомъ передъ правящими классами, это предотвратить сліяніе народа и интеллигенціи и, вмѣсто старой, возвести новую

стѣну между мыслью и жизнью. Всеобщее и равное избирательное право, въ особенности при прямомъ голосованіи, тѣмъ и страшно, что оно поставитъ лицомъ къ лицу интеллигенцію и народъ и, такимъ образомъ, дастъ возможность очень быстро выяснить и устранить взаимныя недоразумѣнія. Чтобы предотвратить это, необходимы такія формы представительныхъ учрежденій, при которыхъ народъ и интеллигенція оставались бы разъединенными. Въ отдѣльности они не страшны: недовольство массъ можно вѣдь залить кровью, а пылъ идеалистовъ охладить въ снѣговыхъ пустыняхъ.

Рѣшительныя, безапелляціонныя мѣры для успокоенія страны,—читаемъ мы въ „Словѣ" отъ 19 февраля, т. е. въ первый же день по опубликованіи рескрипта,—можетъ выработать только земскій соборъ, если ему; какъ это въ старину дѣлалось, самому предоставить рѣшить, что нужно для умиротворенія Россіи. И когда земскій соборъ будетъ созванъ,—сама бюрократія будетъ поражена тѣми „мѣрами строгости", которыя соборъ попроситъ Царя предпринять для устраненія всяческихъ безпорядковъ...

Какъ видите, даже не скрываютъ, для чего нужно представительное собраніе. Цѣль, такимъ образомъ, совершенно ясно поставлена, задача формулирована... Но и за всѣмъ тѣмъ разрѣшить ее, какъ оказалось, въ высшей степени трудно.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, устранить отъ выборовъ инородцевъ и, въ особенности, такихъ, какъ поляки, евреи, армяне и т. д., которые дадутъ, конечно, очень интеллигентный составъ представителей? Вѣдь даже «Московскія Вѣдомости» находятъ, что «не звать инородцевъ безчестно, и они отъ такого замысла возстанутъ». Еще труднѣе, конечно, отдѣлаться отъ мужика, который, если его допустить къ выборамъ, прямо подавитъ своею численностью. Но особенно трудно начертать такой проектъ представительства, который устранялъ бы и народъ, и интеллигенцію.

Одно время казалось, что этой цѣли можетъ вполнѣ удовлетворить сословная система выборовъ при непремѣнномъ, однако, соблюденіи двухъ условій: во 1-хъ, чтобы была соблюдена при этомъ «равноправность» сословій и во 2-хъ, чтобы «каждый говорилъ за себя». Формулу этой равноправности уже давно изготовило «Новое Время»: «сто дворянъ, сто духовныхъ, сто купцовъ и сто крестьянъ» — вотъ каковъ можетъ быть составъ земскаго собора. И при этомъ непремѣнно всѣ должны избирать «изъ своей среды». Разночинная интеллигенція, утратившая уже свои сословныя связи,

останется въ такомъ случаѣ не при чемъ. Что касается мужика, который будетъ «говорить за себя», то при косноязычіи его это не опасно. Въ крайнемъ же случаѣ его можно подавить численностью: трое на одного—это вполнѣ достаточная гарантія для правящихъ сословій.

Какъ ни соблазнительны эти перспективы, не трудно, однако, было понять, что въ наши дни чисто сословная избирательная система представляется явною нелѣпостью. Надо же, хотя немного, считаться съ реальнымъ соотношеніемъ силъ въ странѣ. Какъ не считаться, напримѣръ, хотя бы съ рабочими, уже засвидѣтельствовавшими свою готовность заплатить за политическія права своею кровью? Да и со «свободными профессіями» какъ ни какъ, а необходимо считаться, ибо и онѣ представляютъ реальную силу. Выяснилась необходимость, поэтому, идти на компромиссъ. Даже «Новое Время», особенно горячо ратовавшее за сословность, вынуждено было сдаться и заявило, что необходимо «отыскать средній путь между отживающимъ началомъ сословности и безсословнымъ хаосомъ». Такимъ «среднимъ путемъ», казалось, можетъ быть смѣшанная система въ видѣ представительства отъ сословій и классовъ или отъ сословій и учрежденій, въ зависимости отъ того, интеллигенціи или рабочему народу предполагались уступки. Проектовъ въ этомъ смыслѣ появилось много, но ни одинъ, однако, изъ нихъ не могъ до сихъ поръ «объединить» около себя сколько-нибудь значительной группы.

Было отъ чего придти въ уныніе, особенно, если принять во вниманіе, что демократически настроенная интеллигенція, объединенная знаменемъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, прямого и тайнаго голосованія, быстро собирала въ это же время свои кадры.

Слышали ли вы,—жаловался какъ-то г. Суворинъ, — о какихъ нибудь собраніяхъ партіи мирной реформы, гдѣ было бы нѣсколько сотъ человѣкъ или тысяча? Конечно, не слышали, потому что такихъ собраній не было. Но партія противоположная собираетъ не сотни, а тысячи, и всѣ тамъ говорятъ, разсуждаютъ, убѣждаютъ пламенно, спорятъ съ темпераментомъ настоящихъ ораторовъ, зажигаютъ сердца, волнуютъ и соединяютъ... Партіи дѣйствія,— говоритъ онъ дальше,—партіи требующія, протестующія, составляющія резолюціи—всѣ въ одно слово твердятъ объ учредительномъ собраніи и всеобщей, тайной подачѣ голосовъ для выборовъ. Въ сотняхъ, можетъ быть, въ тысячахъ резолюцій эта краткая формула повторяется съ неизмѣннымъ по-

стоянствомъ, она сдѣлалась излюбленною, и она, что ни говорите, соединяетъ, объединяетъ людей.

Партія же мирной реформы, какъ ее называетъ въ данномъ случаѣ г. Суворинъ, т. е. выбитые изъ позицій сторонники существующаго государственнаго и общественнаго строя собираются въ это время на «конспиративныхъ квартирахъ».

Слово это, — поясняетъ г. Суворинъ, — какъ извѣстно, старое, временъ послѣднихъ годовъ царствованія Александра II, когда революціонеры собирались на „конспиративныхъ квартирахъ". Теперь въ шутку конспиративными, заговорщическими квартирами называются роскошныя квартиры и хорошо отдѣланные кабинеты, гдѣ бываютъ сенаторы, члены государственнаго совѣта, богатые землевладѣльцы, земцы, предводители дворянства, вообще русскіе политики высокаго ранга и хорошаго положенія, служащіе и не служащіе. На этихъ конспиративныхъ квартирахъ ведутся бесѣды все о той же революціи,—какъ ее предотвратить и побѣдить.

Заговоръ противъ русской революціи, какой обсуждаютъ «политики высокаго ранга и хорошаго положенія», до сихъ поръ подвигался, однако, туго. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству г. Суворина:

о „конспиративныхъ квартирахъ" слышно что-то такое, что не имѣетъ опредѣленнаго значенія. Скорѣе тамъ все предполагается, чѣмъ „образуется", и предполагается въ различныхъ формахъ облака, которое мѣняетъ свой видъ: то верблюдъ, то овца, то барыня въ чепцѣ...

Но на овцѣ и тѣмъ болѣе на барынѣ далеко не уѣдешь. Нуженъ именно верблюдъ, нѣчто въ своемъ родѣ совсѣмъ особенное, «самобытное». Удрученный недостаткомъ творчества и активности въ окружающей его средѣ, г. Суворинъ началъ уже растерянно оглядываться по сторонамъ. «Я все думалъ, — говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ «маленькихъ писемъ», — что вотъ выплывутъ люди, вотъ объявятся политическіе дѣятели съ твердыми и опредѣленными убѣжденіями, и спокойный прогрессивный элементъ общества признаетъ въ нихъ своихъ вождей». Но именъ нѣтъ, нужные люди все не выплываютъ. «Все полуимена, какъ полудѣвы». «Меня лично—заявилъ г. Суворинъ,—интересуетъ орловскій Стаховичъ».

Г. Стаховичъ! гдѣ же вы? отзовитесь!..

Но вотъ—о, радость!—г. Стаховичъ выплылъ, и не одинъ, а съ г. Шиповымъ. По классификаціи г. Суворина, это ужъ не «полудѣва».

IX. Дворянская декларація и г. Шиповъ въ качествѣ ея обоснователя.

Апрѣль.

Свѣтъ просіялъ изъ Москвы. Петербургъ на счетъ «самобытности» вообще вѣдь слабъ. Правда, есть здѣсь обосновавшееся на трехъ китахъ и состоящее почти сплошь изъ сотрудниковъ «Новаго Времени» «Русское Собраніе»... Но это «что-то межеумочное и безсильное»,—по крайней мѣрѣ, такъ отзывается теперь о немъ г. Суворинъ, усердно покровительствовавшій ему въ счастливые и безмятежные дни В. К. Плеве. Москва же всегда была богата самобытными политиками, если и не всегда «высокаго ранга», то въ большинствѣ родовитаго происхожденія и во всякомъ случаѣ очень «хорошаго положенія». Теперь же она сдѣлалась прямо-таки «средоточіемъ русской политической мысли». И сдѣлалась какъ-то вдругъ, совершенно неожиданно.

Началось съ того, что собравшіеся въ Москвѣ губернскіе предводители дворянства, въ числѣ 20 — 25 человѣкъ, обнародовали 16 марта свою декларацію. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Д. Н. Шиповъ уклонится отъ участія въ общеземскомъ апрѣльскомъ съѣздѣ и что онъ, соединившись съ кн. П. Н. Трубецкимъ и Н. А. Хомяковымъ, организуетъ свою партію и устраиваетъ свой земскій съѣздъ. Затѣмъ изъ Москвы такъ и посыпались извѣстія о новыхъ партіяхъ. Замелькали имена уже менѣе почтенныхъ и даже вовсе не почтенныхъ дѣятелей, въ качествѣ организаторовъ: Герье и Воскресенскій, кн. Голицынъ и фонъ-Вендрихъ, Найденовъ и Булочкинъ, Плевако и Шмаковъ, Казецкій и Шараповъ. И всѣ они какъ-то перемѣшались. Нѣкоторые изъ петербургскихъ литераторовъ ѣздили даже нарочно въ Москву, чтобы хотя сколько-нибудь разобраться въ этой путаницѣ. Добытыя ими свѣдѣнія заставляютъ думать, что всѣ названныя лица, отъ Шипова и Трубецкаго до Шмакова и Казецкаго, хлопочутъ надъ организаціей, повидимому, одной и той же партіи. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что Н. А. Хомяковъ ко всѣмъ начинаніямъ этого рода имѣетъ то или иное касательство.

Кто съ кѣмъ, въ концѣ концовъ, объединится и кто отъ кого окончательно открестится (а открещиваться уже начали), мы уви-

димъ впослѣдствіи. Сейчасъ же для насъ важно познакомиться съ основными чертами организуемой партіи, и для этого мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи крайне цѣнные документы въ видѣ упомянутой уже дворянской декларації и напечатанной въ «Словѣ» обширной записки Д. Н. Шипова, составленной имъ, по совѣщаніи съ кн. П. Н. Трубецкимъ, кн. В. М. Голицынымъ, М. А. Стаховичемъ, В. И. Герье, Н. Хомяковымъ, кн. Г. Г. Гагаринымъ, въ сотрудничествѣ съ О. Н. Герасимовымъ. Не лишне будетъ при этомъ отмѣтить, что «основныя положенія», опубликованныя губернскими предводителями дворянства, выработаны гг. Шиповымъ и Хомяковымъ. «Мы,—объяснилъ послѣдній сотруднику «Руси» г. Шебуеву,—предложили съѣзду уже готовыя формулы, и онѣ прошли. Теперь же мы проводимъ ихъ подъ ихъ фирмой». Такимъ образомъ, записку Д. Н. Шипова, по крайней мѣрѣ, въ одной ея части мы можемъ разсматривать, какъ развитое изложеніе принятыхъ дворянскимъ съѣздомъ положеній.

Главною цѣлью своего объединенія москвичи, какъ и петербургскіе націоналисты, ставятъ борьбу съ революціей, борьбу со всѣми, кто окажется влѣво отъ нихъ. Что касается борьбы вправо, то они считаютъ ее покончennой.

Время порицанія существующихъ порядковъ и общаго нестроенія, имъ порожденнаго,—читаемъ мы въ дворянской декларації,—прошло. Теперь надлежитъ всѣмъ русскимъ людямъ объединиться на работѣ созидательной и тѣмъ откликнуться на призывъ Царя. Люди порядка и законности, независимо отъ различія ихъ политическихъ взглядовъ, должны сознать, что только ихъ спокойная, трезвая работа можетъ умиротворить смущенные умы. Но этого мало: *вступая въ новую гражданскую жизнь не должно скрывать отъ себя, что впереди предстоитъ не только работа, но и борьба.*

Для себя гг. дворяне все уже добыли, и поэтому они спѣшатъ перейти въ правительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ они изъявляютъ готовность принять участіе и во всѣхъ функціяхъ послѣдняго: отъ умиротворенія смущенныхъ умовъ и вплоть до борьбы со всѣми, кто продолжаетъ оставаться въ оппозиціи. Для этого-то именно они и спѣшатъ объединиться.

Къ трудной задачѣ, которую — какъ мы видѣли — оказались безсильны разрѣшить петербургскіе націоналисты, гг. дворяне подошли совсѣмъ съ другой стороны.

Въ средѣ общественныхъ дѣятелей, — читаемъ мы въ ихъ заявленіи въ непосредственной связи съ только что процитированнымъ мѣстомъ, — существуетъ весьма значительная, сильная по своему личному составу, сплоченная группа сторонниковъ западно европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленій. Нѣтъ сомнѣній, что группа эта будетъ проводить свои взгляды въ общественныхъ собраніяхъ и приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы дать предстоящимъ государственнымъ реформамъ направленіе строго конституціонное. Съ этимъ, по мнѣнію нашему, надлежитъ бороться, проводя въ общественное сознаніе необходимость объединенія на почвѣ раскрипта 18 февраля, провозгласившаго возрожденіе нашего отечества на основѣ самодержавія при народномъ представительствѣ.

Главнымъ объектомъ борьбы гг. дворяне ставятъ, такимъ образомъ, вопросъ о правахъ будущаго представительнаго собранія. По существу этого вопроса съ ними безусловно солидарны и петербургскіе «заговорщики». Но у тѣхъ, увлекшихся избирательной системой, этотъ вопросъ все время какъ-то оставался въ тѣни. Живя у «окна въ Европу», они слишкомъ привыкли засматривать въ него и упустили изъ виду, что въ русскомъ національномъ запасѣ по части представительства есть, дѣйствительно, нѣчто вполнѣ самобытное. Г. Суворинъ, правда, славянофильскую теорію помнилъ, но по надлежащему оцѣнить ее не сумѣлъ. Настаивая на «земскомъ соборѣ», онъ больше о названіи хлопоталъ: «названіе-де вещь очень важная», но суть этой важности такъ и не могъ разъяснить.

Собравшіеся же въ Москвѣ дворяне воспользовались самою сутью той самобытности, которую такъ долго хранила и лелеяла Москва. Названіе это—пустяки, сказали гг. предводители. Главное же, это — то, чтобы представительное собраніе отнюдь не имѣло власти; оно должно лишь «служить непосредственному приближенію къ государю народной мысли и общественнаго мнѣнія». Въ этомъ и заключается та самобытность, которою Россія должна міръ удивить.

Мы думаемъ,—пишутъ дворяне,—что западно-европейскія формы государственности отнюдь не исключаютъ возможности иныхъ, ибо врядъ ли основательно полагать, что политическое творчество народовъ сказало свое послѣднее слово въ области государственнаго строительства. Мы признаемъ, что величайшее въ мірѣ государство способно и должно выработать самобытную форму правленія...

«Величайшее въ мірѣ государство»—это, можетъ быть, и убѣдительно для тѣхъ, кто одержимъ чувствомъ «народной гордо-

сти», — той гордости, которая нашла себѣ исчерпывающее выраженіе въ извѣстной формулѣ: «шапками закидаемъ». Но доводъ, начинающійся словомъ «врядъ ли», едва ли годится для обоснованія какой-либо политической программы, кромѣ развѣ программы политическаго авантюризма. Да и суть вопроса совсѣмъ не въ томъ, изсякло или нѣтъ политическое творчество народовъ. «Конституціоналисты» никогда не говорили, — хотя это и утверждаетъ г. Шиповъ, — что будто бы «всякое дальнѣйшее политическое творчество кончилось, и ничего, кромѣ западнаго парламентаризма, ни одинъ народъ для себя создать не можетъ». Напротивъ, очень многіе изъ нихъ провидятъ въ будущемъ несравненно болѣе совершенныя формы политической жизни, способныя лучше, чѣмъ парламентаризмъ, обезпечить демократическій режимъ. Зачатки такихъ формъ имѣются даже въ жизни,—хотя бы въ видѣ референдума. Еще лучше эти формы извѣстны теоретической мысли. И если бы гг. предводители, вкупѣ съ г. Шиповымъ, предложили что-нибудь въ этомъ родѣ, то, можетъ быть, они увлекли бы даже конституціоналистовъ. Но въ томъ то и дѣло, что даже сами они не рѣшаются утверждать, что ихъ «самобытная форма» лучше западноевропейскихъ. И несомнѣнно, что она не опережаетъ, а отстаетъ отъ нихъ. Попытки учрежденія законосовѣщательныхъ собраній, подъ давленіемъ общественныхъ требованій, въ исторіи уже бывали, но всегда это былъ только этапъ, и при томъ очень недолговременный на пути къ парламентаризму. Или же это былъ дымъ, быстро разсѣивавшійся, какъ только потухалъ породившій его огонь. «Самобытную форму» нельзя поэтому разсматривать иначе, какъ компромиссъ. Принципіально защищать ее невозможно; ее можно отстаивать лишь чисто оппортунистическими доводами.

И дѣйствительно, предводители дворянства въ своей декларации въ качествѣ послѣдняго аргумента ссылаются на соотвѣтствіе предлагаемой ими формы правленія съ «духовными, бытовыми, географическими и иными условіями» русскаго государства. Развитію и обоснованію этого положенія и посвящена, главнымъ образомъ, первая часть записки г. Шипова. Въ чемъ, однако, заключаются эти условія, ни предводители, ни г. Шиповъ не указываютъ, за исключеніемъ ссылки первыхъ—на «міровоззрѣніе большинства населенія» и послѣдняго—на «міровоззрѣніе русскаго народа». Какъ они опредѣлили это міровоззрѣніе, я не знаю. Думаю, однако, что

міровоззрѣніе «большинства населенія» и «русскаго народа» далеко не равнозначны. Нельзя взять массы и на невѣжествѣ ихъ строить государственную систему. Отмѣна, напримѣръ, всѣхъ податей тоже «будетъ встрѣчена сочувствіемъ большинства населенія», но это еще не значитъ, конечно, что русскій народъ въ цѣломъ отказывается отъ всякаго государственнаго и общественнаго хозяйства. Едва ли также гг. дворяне вопросъ о собственномъ существованіи согласились бы поставить въ зависимость отъ «міровоззрѣнія большинства населенія». И если они ставятъ въ зависимость отъ этого фактора форму правленія, то не значитъ ли это, что они ищутъ въ данномъ случаѣ поддержки въ той самой «темной силѣ», на которую возложили всѣ свои упованія и «Московскія Вѣдомости»?

Съ міровоззрѣніемъ же «русскаго народа» считаться, несомнѣнно, нужно. Но, чтобы выяснить это міровоззрѣніе, одной ариѳметики мало. Для этого нужно вѣдь взять не невѣжественныя только массы, а весь народъ, всѣ классы, всѣ сословія и при томъ въ совершенно свободномъ общеніи ихъ между собою. Міровоззрѣніе народа опредѣлится при этомъ, какъ результатъ взаимодѣйствія имѣющихся въ странѣ интересовъ и циркулирующихъ въ ней идей, и едва ли можно сомнѣваться, что оно будетъ очень сильно отличаться отъ теперешняго «міровоззрѣнія большинства населенія». Міровоззрѣніе русскаго народа мы узнаемъ не прежде, чѣмъ будетъ организовано представительство на широкихъ демократическихъ началахъ. Однако, и теперь можно утверждать, что едва ли оно будетъ благопріятно «самобытной формѣ».

Аргументируя послѣднюю, г. Шиповъ ссылается еще на историческія условія, хотя и не опредѣляетъ ихъ конкретно. Онъ разумѣетъ, повидимому, самодержавіе, представляющее, несомнѣнно, историческій фактъ русской жизни. При этомъ онъ приводитъ, между прочимъ, нижеслѣдующія выдержки изъ сочиненія Дж. Брайса (Америк. республика, т. I, стр. 27 и 33).

Американская конституція не представляетъ исключенія изъ того общаго правила, что всякая власть, способная внушать готовность къ повиновенію и уваженіе, должна имѣть глубокіе корни въ прошломъ страны, что чѣмъ медленнѣе созрѣваютъ государственныя учрежденія, тѣмъ болѣе можно разсчитывать на ихъ прочность.

Почти всѣ статьи федеральной конституціи, оказавшіяся полезными на практикѣ, были заимствованы изъ которой-нибудь изъ мѣстныхъ конституцій,

а почти всѣ, оказавшіяся негодными на практикѣ, были придуманы самими членами конвента по недостатку прецедентовъ.

Исходя изъ этихъ положеній, г. Шиповъ утверждаетъ, что

всѣ написанныя по западному образцу конституціи окажутся у насъ „негодными на практикѣ", такъ какъ явятся по отношенію къ нашему быту и строю придуманными по недостатку процедентовъ.

Поэтому то онъ и желаетъ «замедлить» ходъ русской жизни. Но зачѣмъ же онъ придумываетъ «самобытную форму», для которой не было не только у насъ, но и во всемъ мірѣ, прецедентовъ. Впрочемъ, онъ можетъ, конечно, сослаться на пресловутые «земскіе соборы». Но отчего же, въ такомъ случаѣ, не искать еще болѣе «глубокихъ корней» — напримѣръ, въ вѣчевыхъ собраніяхъ?.

У насъ нѣтъ, конечно, «мѣстныхъ конституцій», изъ которыхъ можно было бы заимствовать статьи, полезныя для практики. Но у насъ есть... ну хоть земское положеніе. Что сказалъ бы г. Шиповъ, если бы вся роль земскихъ собраній ограничивалась «приближеніемъ» къ губернатору «народной мысли и общественнаго мнѣнія«? Что сказали бы крестьяне, если бы ихъ собирали на сходку для того, чтобы послѣдняя служила лишь «выраженіемъ дѣйствительнаго направленія и силы общественнаго мнѣнія», опираясь на которое, урядникъ могъ бы получить «необходимый ему нравственный авторитетъ»? Не отстаивалъ ли самъ г. Шиповъ всегда самостоятельности общественныхъ учрежденій и не требовалъ ли онъ для нихъ не только права мнѣнія, но и власти? И нельзя ли въ этой общественной борьбѣ, въ кототорой онъ принималъ участіе, видѣть нѣкоторый прецедентъ для будущаго представительнаго собранія?

У Брайса г. Шиповъ заимствуетъ, впрочемъ, и еще одинъ полезный для «самобытной формы» афоризмъ:

Рядъ мелкихъ улучшеній, сдѣланныхъ сообразно съ существующими условіями и привычками, долженъ, по всему вѣроятію, оказаться болѣе полезнымъ, чѣмъ подробно выработанная система, которая вся придумана однимъ разомъ, съ цѣлью добросовѣстно примѣнять ее на практикѣ.

Поэтому то г. Шиповъ и не желаетъ измѣнять системы. Оставляя «историческій фактъ» въ полной его неприкосновенности, онъ желаетъ ограничить всю реформу лишь мелкими улучшеніями.

Отчего же, однако, множество мелкихъ улучшеній, имѣвшихъ цѣлью усовершенствовать бюрократическій строй, оказались, въ концѣ концовъ, безполезными и безсильными, чтобы спасти его отъ крушенія? И почему г. Шиповъ не предлагаетъ мелкихъ улучшеній всецѣло въ духѣ этого строя, а поддерживаетъ принципіально противоположное ему и не имѣющее въ сферѣ русской государственной жизни прецедентовъ представительство? Вѣдь не только самодержавіе, но и «средостѣніе» представляетъ историческій фактъ и «существующее условіе». Вѣдь и бюрократическій режимъ вошелъ уже въ «привычку»...

Этими бѣглыми репликами я отнюдь не думаю исчерпать возраженій, которыя можно предъявить противъ аргументаціи г. Шипова. Для меня важно лишь установить, что новая партія сознательно стремится «замедлить» ходъ русской исторіи, и что предлагаемая ею «самобытная форма правленія», по признанію даже ея теоретиковъ, представляетъ «мелкое улучшеніе». Около г. Шипова собрались сознательные оппортунисты.

Не смотря на идеологическій туманъ, какимъ имъ удалось окружить «самобытную форму», не трудно разсмотрѣть тѣ «условія» и тѣ «привычки», которыми обусловленно появленіе новой партіи на политической аренѣ. Не случайность, что ея организаторами явились предводители дворянства,—предводители того сословія, которому больше всего угрожаетъ революція. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ вѣдь идетъ не только объ его сословныхъ привилегіяхъ, но и, можетъ быть, о матеріальной основѣ дворянской жизни. Вѣдь помѣстное дворянство можетъ исчезнуть не только какъ сословіе, но и какъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно можетъ потерять и политическую власть, которою пользовалось не только въ мѣстной, но и въ государственной жизни. Вполнѣ понятно также, что къ гг. предводителямъ изъявили уже желаніе присоединиться гг. Булочкинъ и Найденовъ, пользующіеся и при данномъ строѣ довольно хорошимъ «положеніемъ». Вполнѣ естественно, что дворянство и крупное купечество не желаютъ идти дальше и хотятъ сохранить возможно большую часть изъ своихъ «историческихъ» правъ и достаточно благопріятныхъ для нихъ «существующихъ условій».

Руководящее участіе, какое приняли на себя представители просвѣщеннаго и благороднаго сословія въ организаціи новой пар-

тіи, имѣло самыя благопріятныя для нея послѣдствія. Изступленныхъ криковъ изъ этой среды, конечно, совсѣмъ слышно не было. Вся программная работа происходила вдали отъ уличнаго гама, въ «роскошныхъ квартирахъ и хорошо отдѣланныхъ кабинетахъ». Когда же программа была вынесена, наконецъ, на улицу, то оказалось, что она имѣетъ самыя благородныя формы. Посмотрите, напримѣръ, какъ удачно московскіе организаторы разрѣшили хотя бы вопросъ объ интеллигенціи. «Руки прочь!» — они не кричали. Напротивъ, они сказали: «честь вамъ и мѣсто». «Народной мысли и общественному мнѣнію» они открыли широкій путь въ представительство. Но они указали имъ такое направленіе, которое не можетъ быть особенно опасно привилегіямъ. Это путь—не къ массамъ, а къ «историческому факту», о который въ случаѣ чего можетъ разбиться всякая мысль и всякое мнѣніе.

Не менѣе удачно будетъ, повидимому, разрѣшенъ и вопросъ о народѣ. Судя по газетамъ, полнаго соглашенія между организаторами по этому вопросу еще не послѣдовало и, вѣроятно, поэтому въ дворянской деклараціи объ избирательной системѣ не говорится ни слова. Въ запискѣ же г. Шипова данъ детально разработанный проектъ представительства, охватывающій не только государственныя, но и мѣстныя учрежденія. «Народное представительство,—говоритъ г. Шиповъ,—должно быть построено не на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а на основѣ реорганизованнаго представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія». Вообще это должно быть представительство не народа, а учрежденій,—и даже на самомъ низу—представительство семей, а не лицъ. По крайней мѣрѣ, крестьянъ г. Шиповъ проектируетъ надѣлить избирательными правами не лично, а подворно. Самыя учрежденія должны быть организованы въ видѣ четырехъ ступеней: мелкая земская единица, уѣздное земство, губернское земство и государственный земскій совѣтъ. Собраніе мелкой земской единицы выбираетъ гласныхъ въ уѣздное собраніе, послѣднее — въ губернское, и только губернское собраніе посылаетъ представителей въ государственный земскій совѣтъ. Однако и въ мелкой земской единицѣ населеніе участвуетъ не непосредственно, а черезъ гласныхъ. Для выбора послѣднихъ устанавливается новая ступень представительства—избирательныя собранія. Но и въ нихъ непосредственно могутъ участвовать не всѣ жители, а только плательщики мѣстныхъ

сборовъ, уплачивающіе таковые съ суммы дохода не менѣе 300 рублей *), а также плательщики вновь проектируемаго для сельскихъ мѣстностей квартирнаго налога. Что касается семей, уплачивающихъ мѣстные налоги, но не имѣющихъ указаннаго ценза, а также всѣхъ крестьянъ, то они и въ избирательныхъ собраніяхъ могутъ участвовать не иначе, какъ при посредствѣ выборныхъ представителей. При этомъ 10 крестьянскихъ дворовъ приравниваются одной семьѣ, имѣющей 300 руб. дохода.

Такимъ образомъ, по проекту г. Шипова, для государственнаго представительства устанавливается не только цензовая система, но еще и четырехстепенная подача голосовъ, для крестьянъ же и мелкихъ владѣльцевъ — даже пятистепенная. Это, дѣйствительно, нѣчто вполнѣ самобытное, и едва ли хоть одна «западноевропейская теорія» предусматривала возможность такого представительства. Едва ли нужно даже говорить, какъ мало народа и народныхъ интересовъ при такой массѣ фильтровъ попадетъ въ государственный земскій совѣтъ, и какой строгій отборъ представителей при этой массѣ заставъ будетъ производиться. Впрочемъ, г. Шиповъ и не скрываетъ, что проектируемое имъ «представительство будетъ выраженіемъ не интересовъ, а мысли народной». Что касается интересовъ, то, они, очевидно, будутъ доходить инымъ путемъ, при посредствѣ, вѣроятно, окружающихъ тронъ сановниковъ. Само собой понятно, что демократическая мысль, если бы таковая и затесалась какъ-нибудь въ государственный земскій совѣтъ, будетъ имѣть при такихъ условіяхъ то же вліяніе, что и горохъ, бросаемый объ стѣну.

Московская программа петербургскими націоналистами была встрѣчена очень сочувственно. По адресу московскихъ дѣятелей въ «Новомъ Времени» появились восторженные комплименты.

Къ счастью,—читаемъ мы въ номерѣ отъ 16 апрѣля, — нашлись земцы имена которыхъ пользуются громкой, вполнѣ заслуженной извѣстностью, и которые разъяснили намъ, что ноябрьскій съѣздъ въ Петербургѣ былъ вовсе не обще-земскимъ, а лишь партійнымъ. Къ чести русскаго земства нужно сказать, что именно наиболѣе сильные умомъ и твердостью духа земцы, съ Д. Н. Шиповымъ во главѣ, не пожелали превратиться въ слѣпое орудіе партіи политикановъ и открыто объявили себя противниками бюрократиче-

*) При нынѣшнихъ оцѣнкахъ эта сумма можетъ иногда означать реальный доходъ въ 1500 рублей и болѣе.

скаго сммовластія, но отнюдь не врагами того государственнаго строя, который созданъ тысячелѣтней исторіей и отвѣчаетъ воззрѣніямъ *подавляющаго большинства* русскаго народа.

Едва ли когда-нибудь раньше г. Шиповъ удостоивался такихъ комплиментовъ въ этой газетѣ. Однако, «Новое Время», тутъ же отмѣтило, что относительно избирательной системы проектъ «недостаточно разработанъ». На слѣдующій день оно пояснило свою мысль подробнѣе. Оказывается, что его взволновала та часть проекта г. Шипова, въ которой онъ «земской бюрократіи или такъ называемому третьему элементу», въ качествѣ плательщиковъ квартирнаго налога, совершенно напрасно даетъ очень существенныя предъ крестьянами цензовыя преимущества». Между тѣмъ, «Новое Время» желало бы не только въ государственномъ земскомъ совѣтѣ, но и въ мелкой земской единицѣ не допустить интеллигенцію объединиться съ народомъ.

Среди «политиковъ высокаго ранга», составляющихъ заговоръ въ «конспиративныхъ квартирахъ», проектъ г. Шипова также нашелъ себѣ сторонниковъ. Но здѣсь остались не довольны тѣмъ, что въ земскомъ государственномъ совѣтѣ авторъ не отвелъ надлежащаго числа мѣстъ сановнымъ чиновникамъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что и въ Москвѣ по вопросу объ избирательной системѣ окончательнаго соглашенія еще не состоялось. Гг. дворяне, напримѣръ, вѣроятно, найдутъ, что, приравнявъ одного помѣщика къ 10 мужикамъ, можно проторговаться, и поэтому потребуютъ за каждаго своего брата, по крайней мѣрѣ, цѣлое сельское общество.

Удастся ли сгладить эти разногласія и какой въ такомъ случаѣ приметъ видъ «вполнѣ разработанная» программа начавшей складываться партіи, — сказать сейчасъ, конечно, трудно. Вполнѣ возможно, что нѣкоторыя лица и отойдутъ еще въ сторону. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько странно вѣдь видѣть Д. Н. Шипова въ одной партіи съ Суворинымъ и Глинкой, съ Казецкимъ и Шараповымъ. Онъ и самъ, повидимому, брезгливо относится къ начавшей собираться около него компаніи.

— Н. А. Хомяковъ думаетъ,—говорилъ онъ сотруднику «Руси» г. Шебуеву, — что дѣло въ количествѣ и въ подготовкѣ «почвы», поэтому и кликнулъ кличъ, на который отозвались, между прочимъ, и такія лица, съ которыми ни у меня, ни у него не можетъ быть ничего общаго».

Дѣло, однако, очень скоро будетъ именно въ количествѣ — и тогда у г. Шипова не будетъ никакого выбора. Да и сейчасъ выбирать ему уже не изъ чего. Свою записку онъ, напримѣръ, долженъ былъ отдать въ «Слово», въ которомъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей является г. Сыромятниковъ. Напомню также, что вѣдь это именно «Слово» завопило прежде всѣхъ: «руки прочь» — по адресу интеллигенціи.

Какъ бы то ни было, объединеніе петербургскаго національнизма и московскаго славянофильства, союзъ сановной бюрократіи и родовитаго дворянства не только вполнѣ возможны, но и вѣроятны. Выступятъ ли эти силы, въ концѣ концовъ, въ качествѣ одной сплоченной партіи или въ видѣ двухъ дружественныхъ между собою партійныхъ организацій — все равно: во всякомъ случаѣ это самые серьезные противники, съ которыми придется считаться нарождающейся демократіи *).

X. Почему намъ нужно „послѣднее слово".

Апрѣль.

«Русскій сознательный человѣкъ волей-неволей долженъ брать изъ опыта общечеловѣческаго непремѣнно «послѣднее слово», точно такъ, какъ онъ долженъ брать игольчатое, а не кремневое ружье и т. д.» **). Послушная этому неизбѣжному долгу, русская демократическая интеллигенція и въ вопросѣ о представительствѣ беретъ «послѣднее слово». Съ этой точки зрѣнія она намѣчаетъ и права представительнаго собранія, и избирательную систему. Не изъ-за «мелкихъ улучшеній» она берется. Какъ это ни странно, но, опредѣляя суть борьбы, она гораздо больше сходится съ «Московскими Вѣдомостями», чѣмъ съ Д. Н. Шиповымъ и всѣми другими московскими славянофилами.

---

*) P. S. Теперь (январь 1906 г.) это уже достаточно опредѣлилось. Образовались двѣ дружественныя партіи: вдохновляемая петербургскими бюрократами, вродѣ г. Красовскаго, партія правового порядка и руководимый гг. Шиповымъ и Стаховичемъ союзъ 17 октября. Гг. Шмаковъ, Казецкій и пр., опредѣлились еще раньше въ качествѣ „истинно-русскихъ людей", въ просторѣчіи именуемыхъ „черной сотней".

**) „Волей-неволей." Сочиненія Гл. Успенскаго. Изд. 1897 г. т. 2 стр. 481.

Въ Россіи,—говорятъ „Московскія Вѣдомости", — въ настоящее время стоятъ другъ противъ друга двѣ элементарныя силы: Самодержавіе и Народовластіе. Борьба между ними уже началась, борьба на жизнь и на смерть. Побѣдителемъ окажется тотъ принципъ, у котораго сейчасъ на лицо имѣется больше нравственной и физической силы. Въ концѣ концовъ Россія останется либо чисто самодержавною, либо народовластною (все равно, будетъ ли монархія конституціонно порабощена народу или республикански совершенно устранена).

Борьба идетъ изъ-за принциповъ, а не изъ-за компромисса. Такой же принципіальной точки зрѣнія русская интеллигенція держится и въ вопросѣ объ избирательной системѣ. Какъ я упомянулъ, она уже выдвинула и горячо поддерживаетъ формулу всеобщаго и равнаго избирательнаго права при прямомъ и тайномъ голосованіи. Не лишне будетъ отмѣтить, что логическую необходимость такой именно системы, если представительство будетъ построено по «западно-европейскому» образцу, признаетъ и г. Шиповъ.

Если представительство—говоритъ онъ въ своей запискѣ—должно служить выраженіемъ идеи народовластія и если въ основу реформы полагается принципъ раздѣленія государственной власти между монархомъ и представительнымъ собраніемъ, то логически необходимо построить избирательную систему на всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ. Полное осуществленіе этой системы теперь же должно, конечно, встрѣтить цѣлый рядъ практическихъ затрудненій, съ которыми нельзя не считаться, но принципіально такое разрѣшеніе вопроса будетъ вполнѣ правильнымъ и всѣ ближайшія мѣропріятія должны имѣть своею цѣлью устранить скорѣе временныя препятствія для возможно полнаго участія всего народа въ выборѣ своихъ представителей. Дѣйствительно, если исходить изъ положенія, что народное представительство призвано осуществлять власть, принадлежащую всему народу, какъ коллективному цѣлому, то неизбѣжно слѣдуетъ признать за каждымъ гражданиномъ, исключая несовершеннолѣтнихъ, психически больныхъ и опороченныхъ по суду, равное право на участіе въ выборахъ.

Избирательное право—есть прежде всего личное право каждаго гражданина—право самому опредѣлять свои общественныя и государственныя отношенія, т. е. одна изъ свободъ, и уже поэтому, совершенно не правильно лишать этого права ту или иную группу гражданъ. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что при свободѣ совѣсти было бы воспрещено лицамъ, не обладающимъ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, слѣдовать тому вѣроученію, которому они пожелаютъ; или, при свободѣ слова и собраній, было бы

воспрещено неотдѣленнымъ, хотя бы и взрослымъ, сыновьямъ говорить публичныя рѣчи; или, наконецъ, при свободѣ печати для сочиненій, издаваемыхъ женщинами, была бы сохранена цензура. Стоитъ только поставить вопросъ такъ, и для каждаго станетъ ясно, что избирательнымъ правомъ, какъ личнымъ правомъ, какъ «вольностью», должны пользоваться всѣ граждане и пользоваться на равныхъ другъ съ другомъ основаніяхъ. И это независимо даже отъ того, будетъ ли представительство осуществлять народную волю или только выражать народное мнѣніе. Трудно даже понять, почему г. Шиповъ считаетъ возможнымъ для «самобытной формы» сдѣлать исключеніе.

Но представительство не только цѣль, но и крайне важное средство, какъ для того, чтобы обезпечить всѣ другія вольности, такъ и для того, чтобы разрѣшать остальныя задачи государственной жизни. И вотъ съ этой точки зрѣнія можетъ возникать и у многихъ, дѣйствительно, возникаетъ вопросъ, насколько проектируемое интеллигенціей представительство, съ широкими правами представительнаго собранія и съ привлеченіемъ народныхъ массъ къ участію въ выборахъ, можетъ оказаться полезнымъ въ качествѣ средства для выполненія тѣхъ или иныхъ цѣлей и въ частности, стало быть, для тѣхъ цѣлей, какія ставитъ интеллигенція. Не ошибается ли послѣдняя въ своихъ разсчетахъ?

Чтобы лучше отвѣтить на этотъ вопросъ, я нѣсколько даже расширю его. Интеллигенція — говорятъ намъ — слишкомъ далеко забѣжала впередъ въ своемъ духовномъ развитіи и оторвалась отъ жизни, слѣдующей совсѣмъ инымъ темпомъ въ своей эволюціи. Идеалы русской интеллигенціи на много опередили народныя потребности, и она роковымъ образомъ осуждена поэтому на непониманіе ея массами. Таково обычное объясненіе очевиднаго для всѣхъ разлада между мыслью и жизнью, между идеалами «русскаго сознательнаго человѣка» и окружающею его дѣйствительностью. Сама интеллигенція, — особенно въ періоды разочарованія и унынія, — склонна въ этомъ именно видѣть главную и чуть ли не единственную причину своего безсилія и своей оброшенности. Да и сейчасъ эта струя усилившагося за годы безвременья оппортунизма далеко еще не изсякла. И теперь многіе готовы рѣзко,—чуть не до уровня «кремневаго ружья»,—принизить свои идеалы, надѣясь приблизить ихъ такимъ путемъ къ жизни.

Я думаю, однако, что это объясненіе, помимо очевидной своей односторонности, таитъ въ себѣ еще крупное недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вотъ игольчатое ружье мы усвоили. Да и не только игольчатое... Послѣ того, какъ Гл. И. Успенскимъ были написаны приведенныя мною строки, игольчатое ружье мы замѣнили малокалиберной винтовкой, а эта послѣдняя уже уступила мѣсто ружью магазинному. Такимъ образомъ, въ этой области за «послѣднимъ словомъ изъ общечеловѣческаго опыта» мы слѣдили довольно внимательно. Если и съ опозданіемъ, то очень небольшимъ, мы усвоили и бездымный порохъ, и стрѣльбу «пачками»... Къ этого рода «послѣднимъ словамъ» русская жизнь оказывалась почему-то всегда подготовленной и усвоивала ихъ лучше всѣхъ другихъ словъ изъ общечеловѣческаго лексикона. Возьмите хотя бы «эпоху реформъ»: почти всѣ «уставы» и «положенія», которыми обогатилась тогда русская жизнь, уже измѣнены до неузнаваемости, въ виду яко бы несоотвѣтствія ихъ съ русскими условіями, и только уставъ о всеобщей воинской повинности оказался вполнѣ согласованнымъ съ нашими національными особенностями.

Пользуясь данными общечеловѣческаго опыта, русское правительство успѣло сосредоточить въ своемъ распоряженіи такія громадныя вооруженныя силы, какими, конечно, никогда не располагало никакое другое правительство той же конструкціи. Ихъ нельзя конечно, и сравнивать съ силами Іоанна Безземельнаго, «даровавшаго» хартію вольностей Англіи, или съ силами Людовика XVI, при которомъ «права человѣка» были провозглашены во Франціи. Бездымный порохъ, стрѣльба пачками и всѣ другіе успѣхи военной техники и военной организаціи, — какъ мы теперь знаемъ, — не обезпечили, да и не могли обезпечить государству россійскому надлежащаго внѣшняго могущества. Они не увеличили силъ народа и, быть можетъ, даже ослабили, измѣнивъ въ неблагопріятную сторону внутреннее ихъ соотношеніе. Но на ходъ внутренней жизни они, несомнѣнно, оказали громадное вліяніе. Благодаря успѣхамъ военнаго дѣла, давно выяснившаяся потребность жизни въ очень многихъ другихъ «словахъ» изъ общечеловѣческаго опыта до сихъ поръ остается неудовлетворенною. Въ частности стрѣльба пачками и по сей день нерѣдко является единственнымъ отвѣтомъ на самые настойчивые запросы жизни въ этомъ направленіи.

Нельзя, однако, думать, что военное дѣло въ данномъ случаѣ

представляетъ какое либо исключеніе. Можно указать много другихъ отраслей государственной жизни, въ которыхъ общечеловѣческій опытъ-легко спаивался съ нашею «самобытностью». Взять хотя бы податную систему. Извѣстно, какую громадную долю народно-хозяйственныхъ доходовъ поглощаетъ у насъ фискъ. Даже дань, которую кн. Игорь собиралъ когда-то съ древлянъ, была, вѣроятно, меньше. Нечего и говорить, что, если бы государство пользовалось старыми формами налоговаго обложенія,—въ родѣ «дани» или «десятины»,—то оно ни въ коемъ случаѣ не было бы въ состояніи сосредоточивать въ своемъ распоряженіи такіе громадные рессурсы. Невиданная еще «централизація экономической власти» возможна лишь при томъ усовершенствованномъ финансовомъ аппаратѣ, какой русское правительство сумѣло создать, пользуясь указаніями все того же общечеловѣческаго опыта. Русскій обыватель платитъ налоги, не давая себѣ даже отчета въ томъ, когда и сколько онъ платитъ. Тщетно вы будете искать ученаго, который сумѣлъ бы высчитать, какую долю даже изъ своего собственнаго дохода онъ отдаетъ государству. Что касается главнаго плательщика — сѣрой крестьянской массы,—то для нея фискъ почти то же, что Божіе произволеніе. «Цѣны Богъ строитъ»—думаетъ крестьянинъ. Ему и въ голову не приходитъ, что ихъ строитъ министерство финансовъ. Но если бы онъ и додумался, откуда къ нему приходитъ раззореніе, то могъ ли бы онъ уклониться отъ выполненія своихъ обязанностей передъ фискомъ? Не значило ли бы это отказаться не только отъ всѣхъ, даже самыхъ примитивныхъ удовольствій, но и отъ удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей? Вѣдь онъ долженъ былъ бы отказаться даже отъ хлѣба, добытаго собственными руками, ибо и хлѣбъ,—при посредствѣ хотя бы того ничтожнаго куска желѣза, какой имѣется въ сохѣ,—обремененъ уже налоговою тяжестью... Прямые налоги деревня, конечно, видитъ, но и отъ нихъ,—пока есть чѣмъ платить,—она уклониться не можетъ. За органами фиска стоитъ вѣдь такая сила, которая можетъ ее раздавить, какъ букашку... Если бы князь Игорь обладалъ такою же усовершенствованною финансовою системою и такою же несмѣтною силою, то онъ, конечно, могъ бы безъ всякаго для себя риска, много и много разъ возвращаться въ древлянскую землю. И если бы современное государство въ своей финансовой политикѣ не использовало такъ односторонне указаній общечеловѣческаго

опыта, то, быть можетъ, крестьянство и не было бы доведено до нищеты и отчаянія.

Конечно, не одинъ фискъ раззоряетъ деревню. Изъ года въ годъ населеніе выплачиваетъ многія и многія сотни милліоновъ руб. небольшой кучкѣ промышленныхъ дѣльцовъ и капиталистовъ. Но и это происходитъ опять таки не безъ участія общечеловѣческаго опыта, надѣлившаго насъ протекціонизмомъ. Покровительственная система дѣйствуетъ у насъ уже десятки лѣтъ и все время слѣдитъ за модой, какъ молодая красавица. Къ выработкѣ таможенныхъ тарифовъ привлекаются теперь ученые спеціалисты, ихъ труды облекаются затѣмъ въ самоновѣйшія формы. Торговые договоры... да развѣ же это не «послѣднее слово» общечеловѣческаго опыта? Но какъ дорого эти договоры обходятся потребительской массѣ!..

И это далеко не вся дань, какую обыватель выплачиваетъ «людямъ смѣлаго почина». Политыя слезами и потомъ народныя деньги цѣлыми пригоршнями раздаются всякаго рода «удачникамъ». Для этого имѣются вполнѣ благородныя и никого не шокирующія формы: концессіи, гарантіи, преміи, субсидіи... Уже по словопроизводству можно видѣть, что все это заимствовано не изъ національнаго, а изъ общечеловѣческаго опыта. Впрочемъ, въ этой сферѣ мы не гнушаемся и вполнѣ самобытныхъ формъ, вплоть до откровеннаго «воспособленія»...

Возьмите аграрныя отношенія. «Рента», подъ тяжестью которой изнываетъ крестьянинъ, опять таки не русское слово. Да и вообще институтъ личной собственности на землю сложился у насъ далеко не безъ вліянія «западно-европейскихъ теорій». По крайней мѣрѣ при освобожденіи очень и очень на нихъ ссылались. Въ сферѣ аграрныхъ отношеній у насъ, пожалуй, больше, чѣмъ гдѣ-либо, самобытнаго, но и за всѣмъ тѣмъ они развивались въ такомъ же невыгодномъ для массъ направленіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ. И въ конечномъ счетѣ мы уже пришли къ такому же невыносимому положенію, къ какому пришла въ свое время хотя бы Ирландія.

Возьмите, наконецъ, русскую промышленность. Да развѣ же это не «послѣднее слово»? Грюндерство и спекуляція, акціонерныя компаніи и биржевыя собранія, синдикаты и нормировки... все, все есть, какъ и въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ. Тщетно,

однако, вы будете искать другую страну, въ которой, при той же численности, какъ и у насъ, рабочаго класса и при такомъ же его культурномъ уровнѣ, положеніе его было бы столь же необезпеченнымъ и безправнымъ.

Я напомнилъ наиболѣе важныя отрасли государственной и народной жизни и въ нихъ наиболѣе крупныя вещи, но то же самое вы встрѣтите и во всемъ остальномъ, вплоть до самыхъ послѣднихъ мелочей. Во всякомъ случаѣ, утвержденіе, будто бы русская жизнь совершенно неспособна подняться до уровня общечеловѣческаго опыта, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается явною напраслиной. «Послѣднихъ словъ» изъ этого источника, — какъ мы видѣли,—ею воспринято и усвоено уже не мало. И, если слово «русскаго сознательнаго человѣка» до сихъ поръ не претворилось въ дѣло, то, конечно, не потому, что это слово *послѣднее*. Главная причина, очевидно, въ томъ, что это слово совершенно другого качества. Правящіе классы брали изъ общечеловѣческаго опыта и пересаживали въ русскую землю только то, что увеличивало ихъ силу и вліяніе, а интеллигенція изъ той же сокровищницы черпала и пыталась пронести въ жизнь то, что могло скрасить и облегчить жизнь трудящихся массъ... И вотъ этому-то «послѣднему слову» не было мѣста въ русской дѣйствительности...

Изъ этого отнюдь, однако, не слѣдуетъ, что ни въ чемъ другомъ, кромѣ того, что насаждали правящіе классы, русская жизнь и не нуждалась. Совершенно напротивъ. Вѣдь тамъ, на Западѣ, всѣ пріобрѣтенія человѣческаго опыта находятся въ равновѣсіи между собою; уравновѣшены и силы, которыми опредѣляется равнодѣйствующая жизни. У насъ же, благодаря одностороннимъ заимствованіямъ, создалось до нельзя уродливое распредѣленіе ихъ. На одной сторонѣ — почти всѣ физическія силы страны, на другой—всѣ нравственныя ея богатства, на одной сторонѣ—вся власть, на другой — одно только безправіе; въ распоряженіи правящихъ классовъ находятся неисчислимые рессурсы, массы же обречены на безысходную нищету и голоданіе; къ услугамъ первыхъ вся наука и самая совершенная техника, послѣднимъ недоступна даже грамотность... Въ результатѣ вся жизнь уродливо какъ-то изогнулась и, въ концѣ концовъ, надломилась.

Для того, чтобы ее выпрямить и сростить то, что уже надор-

вано, есть только одно средство — обратиться къ тому же общечеловѣческому опыту и взять изъ него то, чѣмъ до сихъ поръ пренебрегали. И черпать въ этомъ случаѣ нужно обѣими руками, взять нужно все, что люди придумали противъ нищеты, невѣжества и безправія. Раны русскаго народа такъ многочисленны и такъ глубоки, что ихъ можетъ излѣчить только «послѣднее слово изъ общечеловѣческаго опыта». Можно даже опасаться, что и это средство противъ до нельзя запущенной болѣзни окажется безсильно, и намъ, можетъ быть, придется сдѣлать новые шаги въ томъ же направленіи и изыскать новыя средства.

Во всякомъ случаѣ необходимость идти именно этимъ путемъ сдѣлалась уже неотложной. Она сознана даже въ правящихъ сферахъ. Посмотрите, надъ чѣмъ вынуждены теперь работать высокіе сановники во всякаго рода особыхъ совѣщаніяхъ. Вѣротерпимость — но вѣдь свобода совѣсти всегда занимала первое мѣсто въ числѣ тѣхъ вольностей, которыхъ добивалась русская интеллигенція; облегченія для печати — но вѣдь это шагъ къ ея свободѣ; свобода стачекъ и рабочихъ организацій—но вѣдь это почти синонимъ свободы союзовъ; законность — но вѣдь ради нея интеллигенція и требовала гарантій; представительство — но вѣдь это и есть самая важная изъ гарантій. Если бы новый курсъ былъ искрененъ, то уже теперь между правительствомъ и интеллигенціей должны были бы установиться совершенно иныя отношенія. Высокіе сановники должны были бы задуматься, какъ задумались въ свое время, по свидѣтельству Гл. И. Успенскаго, крестьяне надъ тѣмъ же вопросомъ объ отношеніяхъ къ интеллигенціи.

— «Кабы ежели бы въ ту пору—говорили они,—послухать бы ейныхъ словъ, такъ оно-бы, дѣло то, пожалуй что и по хорошему бы... Да что, дубье, больше ничего! И вся-то цѣна нашему брату—мѣдный алтынъ! Какъ были всю жизнь дураками, такъ видно и въ могилу ляжемъ»! *).

Но сановники по собственному почину этого, конечно, не скажутъ. Интеллигенція, не смотря на то, что жизнь реабилитировала уже очень многія изъ ея пожеланій, продолжаетъ по прежнему оставаться безправной и гонимой. Говорятъ, что она черезчуръ

*) Сочиненія Гл. Успенскаго „Черезъ пень-колоду". Т. 2. стр. 932.

многаго хочетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь даже въ Англіи нѣтъ еще всеобщаго избирательнаго права, даже въ Германіи министры еще не отвѣтственны передъ народными представителями. При этомъ забываютъ, однако, какъ рано Англія вышла на путь свободы и какъ поздно появляемся мы на немъ. Дѣло вѣдь не въ представительствѣ только, но и въ культурѣ, которая развивается при свободныхъ учрежденіяхъ. И вотъ этотъ-то запасъ культуры въ Англіи столь уже значителенъ, что въ вопросѣ о представительствѣ она можетъ и не спѣшить. Для тѣхъ же, кто вышелъ поздно, нужно двигаться быстро, чтобы не отстать и не быть затертымъ другими. Особенно это важно теперь, когда жизнь націй уже слилась почти въ одинъ могучій міровой потокъ.

— Равняйсь! — властно говоритъ народамъ исторія.

И мы, дѣйствительно, видимъ, что чѣмъ позже народъ появлялся на политической сценѣ, тѣмъ въ болѣе совершенныя формы отливалъ онъ свою политическую жизнь. Та же Германія начала не съ палаты перовъ и не съ представительства общинъ, а съ всеобщей и прямой подачи голосовъ. Русскій народъ выступаетъ еще позже, и онъ долженъ сдѣлать очень крупный шагъ, чтобы сравняться съ другими. Нужны не «мелкія улучшенія» и не «самобытная форма», а непремѣнно «послѣднее слово». Можетъ быть, оно и не соотвѣтствуетъ теперешнему «міровоззрѣнію большинства населенія», но оно, несомнѣнно, отвѣчаетъ его интересамъ и его потребностямъ. Что касается міровоззрѣнія, то оно можетъ измѣниться очень быстро, даже до выборовъ, въ періодъ предвыборной агитаціи. Поэтому вѣдь сторонники самобытной формы такъ и боятся прямой подачи голосовъ...

Во всякомъ случаѣ интеллигенція до конца должна бороться за «послѣднее слово». Можетъ быть провести его цѣликомъ и не удастся, но это будетъ печальная необходимость, а не роковая ошибка. Чѣмъ бы борьба ни кончилась, силы будутъ потрачены на даромъ. Лѣвый флангъ опредѣляетъ въ данномъ случаѣ направленіе всей арміи.

XI. О расположившихся на средней позиціи.

Май.

Формулированная «Московскими Вѣдомостями» дилемма: самодержавіе или народовластіе послужитъ, вѣроятнѣе всего, той разграничительной чертой, которая отдѣлитъ правыя партія отъ лѣвыхъ. Но вопросъ объ избирательной системѣ и среди сторонниковъ «западно-европейскихъ теорій» вызываетъ споры.

Однимъ изъ первыхъ противъ всеобщаго, прямого и равнаго голосованія выступилъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ въ докладѣ, прочитанномъ имъ въ с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ еще въ началѣ марта. Это не принципіальный противникъ. Напротивъ:

Право гражданина участвовать въ отправленіи государственной дѣятельности—говорилъ г. Кузьминъ-Караваевъ—вытекаетъ изъ факта подданства въ смыслѣ принадлежности къ данному государственному союзу. Логически оно ограничивается только способностью осуществлять свои права и нравственнымъ цензомъ, т. е. физической и психической зрѣлостью и неопороченностью по суду. Отсюда—подача голосовъ всеобщая. Всѣмъ гражданамъ должна быть представлена одинаковая степень воздѣйствія на исходъ выборовъ. Отсюда—подача голосовъ прямая и равная. Людямъ слабой воли необходимо обезпечить свободу дѣйствій. Отсюда—подача голосовъ тайная.

И отправныя положенія, и ихъ юридическая конструкція просты и ясны. Ничего искусственно подобраннаго въ нихъ нѣтъ. Въ практикѣ Запада они испытаны. При отвлеченномъ сужденіи едва ли можно противопоставить имъ какія-либо иныя, столь же твердо обоснованныя.

Но...

Но г. Кузьминъ-Караваевъ полагаетъ, что логику и справедливость въ сужденіяхъ объ избирательномъ правѣ слѣдуетъ допустить лишь «примѣнительно къ даннымъ обстоятельствамъ и фактамъ русской дѣйствительности». Въ послѣднихъ же онъ нашелъ достаточное «но» противъ «простыхъ, ясныхъ», «испытанныхъ» и «твердо обоснованныхъ» положеній, на которыя опирается идея всеобщаго избирательнаго права. «Отвлеченно-правовой» точкѣ зрѣнія онъ противопоставилъ «государственно-политическую», которая, по его мнѣнію, пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе, «когда изъ ста милліоновъ населенія, безконечно разно-

образнаго по классовымъ и групповымъ интересамъ, по правовоззрѣніямъ и культурѣ, отбирается нѣсколько сотенъ или тысяча и этимъ сотнямъ или тысячѣ ввѣряется судьба государства». Логика и «отвлеченная» справедливость должны при этомъ отойти на задній планъ.

Отвлеченною справедливостью—говоритъ г. Кузьминъ-Караваевъ—приходится въ области права постоянно поступаться, ибо для данныхъ обстоятельствъ она можетъ дать прямо обратный—несправедливый результатъ. Съ этой точки зрѣнія принципъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, въ примѣненіи къ потребностямъ минуты, вызываетъ самыя серьезныя сомнѣнія и опасенія.

Изъ органовъ печати эти «сомнѣнія и опасенія» раздѣляетъ «Вѣстникъ Европы», заявившій, что вмѣстѣ съ В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ и другими онъ занимаетъ «среднюю позицію между крайними мнѣніями», т. е. между сторонниками, съ одной стороны, сословной организаціи выборовъ, и съ другой—всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Попытка отстоять эту среднюю позицію была сдѣлана и на земскомъ апрѣльскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, гдѣ К. К. Арсеньевъ и нѣкоторые другіе высказались противъ всеобщаго и прямого голосованія. Извѣстны также мнѣнія другихъ общественныхъ дѣятелей и учрежденій, хотя и признающихъ въ принципѣ четырехчленную формулу, но высказывающихся тѣмъ не менѣе за ту или иную компромиссную систему.

Разбирать всѣ такого рода проекты нѣтъ возможности, — ихъ ровно столько, сколько авторовъ. И это вполнѣ понятно: когда составляется сложная микстура и при томъ ad libitum, то возможны самыя разнообразныя сочетанія. Одинъ прибавитъ побольше одного принципа, другой другого, а третій подсластитъ еще какимъ-либо безобиднымъ сиропомъ. Наиболѣе общей чертой этихъ проектовъ, хотя и не всѣхъ. является стремленіе положить въ основу ихъ нынѣшнія системы земскаго, городского и волостного представительства съ тѣми или иными къ нимъ дополненіями и поправками. Наиболѣе простымъ съ этой точки зрѣнія представляется проектъ К. К. Арсеньева, который на земскомъ съѣздѣ «предложилъ пополнить земскія собранія крестьянскимъ элементомъ, именно по одному крестьянину отъ волости, и совмѣстно съ крестьянами произвести выборы». Но и этотъ проектъ простъ до

тѣхъ лишь поръ, пока въ немъ ничего не говорится о представительствѣ отъ городовъ и окраинъ.

Впрочемъ, интересны не самые проекты, а тѣ мотивы, которые заставляютъ людей поступаться принципомъ въ угоду обстоятельствамъ. Какія же это обстоятельства и дѣйствительно ли они таковы, что «міръ» погибнетъ, если восторжествуетъ «справедливость»?

Мотивовъ въ сущности два. Это, прежде всего, опасеніе возможнаго давленія на выборы со стороны правительства.

Мыслимо ли, — спрашиваетъ г. Кузьминъ-Караваевъ, — перевоспитать *въ короткое время* губернаторовъ и особенно земскихъ начальниковъ, весь смыслъ дѣятельности которыхъ во властномъ попечительствѣ и въ руководительствѣ всѣмъ, что составляетъ общественный интересъ и общественную потребность на мѣстахъ? Мыслимо ли, чтобы *въ короткое время* перевоспитать сознаніе обывателей, пріученныхъ сторониться всякаго сборища и всякаго откровеннаго слова, привыкшихъ ждать начальственныхъ указаній, горькимъ опытомъ познавшихъ, что слѣдуетъ за дѣйствіями или разсужденіями безъ указаній или съ ними несогласными? У насъ нѣтъ правосознанія. Но привычка ходить на начальственныхъ помочахъ не могла не образоваться.

Впрочемъ, самъ г. Кузьминъ-Караваевъ не очень склоненъ настаивать на этихъ опасеніяхъ, но за то тѣмъ рѣшительнѣе выдвигаетъ ихъ «Вѣстникъ Европы».

Для успѣха выборовъ — говоритъ онъ — необходима свобода печати и собраній, необходима неприкосновенность личности и жилища, необходима политическая амнистія; но вѣдь нужно же считаться съ дѣйствительностью, нужно помнить, что сбывается не все желаемое, — нужно, слѣдовательно, задать себѣ вопросъ, при какомъ способѣ голосованія меньше принесутъ вреда стѣсненія разнаго рода? Отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли можетъ послужить аргументомъ въ пользу всеобщей и прямой подачи голосовъ.

Другое опасеніе, раздѣляемое тѣмъ и другимъ авторомъ, но особенно подчеркиваемое г. Кузьминымъ-Караваевымъ, сводится къ тому, что народъ не сумѣетъ воспользоваться избирательнымъ правомъ.

Успѣшность выборовъ прямой, равной и всеобщей подачей голосовъ неизбѣжно предполагаетъ — говоритъ г. Кузьминъ-Караваевъ — многое предшествующее: политическую агитацію, образованіе партій и долгую предвыборную борьбу. Иначе выборы никогда не дадутъ приблизительно даже вѣрнаго отраженія тенденцій и настроенія избирателей. И въ странахъ, живущихъ обще-политической жизнью, на агитацію и борьбу уходятъ мѣсяцы.

Въ странѣ же, гдѣ такая жизнь только зарождается и партій нѣтъ, на это нужно много времени.

Умѣнья пользоваться своимъ правомъ *въ теченіе мѣсяца или двухъ* не пріобрѣтешь... Одной политической жизнью уѣзды не живутъ и всѣмъ извѣстныхъ именъ въ уѣздахъ нѣтъ... Тридцать—сорокъ тысячъ голосовъ неизбѣжно размѣняются на единицы, десятки и самое большее на сотни...

Въ результатѣ могутъ быть выбраны исправники, прежніе кабатчики и кое-гдѣ священники; вообще преобладаніе легко могутъ получить «ретроградные элементы». Во всякомъ случаѣ, всеобщее и прямое голосованіе, по мнѣнію того и другого автора, можетъ дать «нѣчто неожиданное и совершенно случайное». Оба они ждутъ самыхъ непріятныхъ «сюрпризовъ» отъ этого «скачка въ темноту».

Итакъ, боязнь правительства и боязнь народа—вотъ что заставляетъ идти на компромиссы. Насколько основательна, однако, та и другая боязнь и дѣйствительно ли компромиссы безопаснѣе въ данномъ случаѣ, чѣмъ всеобщая и прямая подача голосовъ?

Въ приведенныхъ выдержкахъ я подчеркнулъ выраженія: «въ короткое время», «одинъ—два мѣсяца». Это характерная черта обоихъ компромиссныхъ проектовъ. Вполнѣ возможно, что когда г. Кузьминъ-Караваевъ читалъ свой докладъ, то онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что выборы дѣйствительно состоятся черезъ одинъ—два мѣсяца. Недаромъ вѣдь онъ находилъ, что съ опубликованіемъ рескрипта 18 декабря «первая половина задачи рѣшена». Факты уже показали, какъ мало рѣшеннаго знаменуетъ собою этотъ актъ и какъ медленно подвигается то, что должно было бы произойти «въ короткое время». Пора, казалось бы, убѣдиться, что, если всѣ надежды основывать на рескриптѣ, то, въ концѣ концовъ, онѣ и вовсе могутъ не осуществиться. Однако, «Вѣстникъ Европы» и теперь продолжаетъ считать этотъ рескриптъ единственной «реальной почвой для перемѣны». Съ этою только «дѣйствительностью» онъ и считается, къ ней лишь и «примѣняетъ» свой проектъ; все остальное—даже свободу печати, хотя надъ нею и работаютъ теперь вмѣстѣ съ высокими сановниками близкіе «Вѣстнику Европы» общественные дѣятели,—онъ мыслитъ «только въ туманѣ будущаго».

Люди среднихъ партій остаются въ данномъ случаѣ вѣрны себѣ. Они спѣшатъ во что бы то ни стало скорѣе учесть то, что

добыто борьбою «крайнихъ». «Хоть куцая, лишь бы конституція»—по прежнему остается ихъ девизомъ. Ради этого они готовы приступить къ преобразованіямъ въ сотрудничествѣ съ теперешнимъ режимомъ, ради этого же они готовы удовлетвориться и выборами, хотя бы послѣдніе были произведены при отсутствіи свободы слова и собраній. «Примѣненіе къ потребностямъ минуты»—это въ сущности примиреніе съ дѣйствующимъ режимомъ. Вступая въ переговоры и идя на уступки, люди среднихъ мнѣній надѣются перехитрить противника...

Наши разсчеты покоятся на иныхъ основаніяхъ. Наши надежды основаны не на томъ, что дѣлается въ совѣщаніяхъ, а на томъ, что происходитъ въ жизни. «Партій у насъ нѣтъ»—писалъ г. Кузьминъ-Караваевъ, но онѣ уже начали складываться. Предвыборная агитація уже идетъ и съ каждымъ днемъ захватываетъ все новые и новые слои населенія. Когда закончитъ свои труды коммиссія Кобеко и какая судьба ихъ постигнетъ, мы не знаемъ, но мы видимъ, что и безъ ея помощи рамки печатнаго слова уже расширились. Коммиссія тайнаго совѣтника Коковцева еще не приступила къ обсужденію законопроекта о свободѣ стачекъ, а воспрещающій ихъ законъ уже обратился въ мертвую букву. Полиція одно за другимъ закрываетъ общества, но уже не въ состояніи предупредить возникновенія новыхъ и новыхъ союзовъ. Она запрещаетъ легальныя собранія, но не въ силахъ предотвратить нелегальныхъ всероссійскихъ съѣздовъ. Она разгоняетъ сходбища, но многія и она уже не рѣшается тронуть... До свободы, которая обезпечила бы успѣшность выборовъ, конечно, еще далеко. Губернаторы, напримѣръ, все еще находятся «въ оппозиціи» къ рескрипту, но они должны быть «перевоспитаны». Направляющій ихъ механизмъ все еще вертится въ направленіи, данномъ ему В. К. Плеве, но онъ долженъ быть остановленъ. При нынѣшнемъ режимѣ представительство все равно невозможно. Если выборы и будутъ произведены, они окажутся безцѣльны, ибо неизбѣжно произойдетъ что-нибудь одно изъ двухъ: либо представители окажутся не угодны правительству и будутъ немедленно распущены (если, конечно, сами раньше не разъѣдутся), либо это будутъ не представители и успокоить страну они окажутся не въ состояніи.

Борьба еще не кончена и о сотрудничествѣ не можетъ быть рѣчи. Въ переговоры вступать еще рано, рано затѣвать и выборы.

Люди «крайнихъ мнѣній» имѣютъ полное право сказать расположившимся на «средней позиціи»:

— Не спѣшите со своими «компромиссами»! Вы торгуете за нашъ счетъ, а мы на уступки васъ еще не уполномочили. Да и странѣ ваши компромиссы не нужны. Народу нужны не выборы, не представители и не «кущая конституція»; ему нужна свобода. Хитростью же ее ввести невозможно, ибо она можетъ войти, только распахнувши двери. И если они во время не отворятся передъ ней, то она откроетъ ихъ силой.

Я, конечно, далекъ отъ мысли, что выборы не могутъ состояться до тѣхъ поръ, пока во всей странѣ—сверху до низу—не упрочится свобода. Вполнѣ возможно и даже вѣроятно, что земскіе начальники останутся не «перевоспитанными». Не перевоспитанными останутся урядники, и стражники, старшины и старосты. Упрочить свободу въ низахъ народной жизни удастся, конечно, не сразу. Для того, чтобы вырвать всѣ безчисленные корни внѣдрившагося въ нее бюрократическаго древа, понадобится упорная работа, быть можетъ, не одного представительнаго собранія. Но вверху свобода должна быть признана теперь же, ибо пока высится и гордо красуется своею кроною бюрократическій стволъ, къ корнямъ нельзя будетъ и приступиться. Давленія на выборы будетъ много, но нельзя допустить, чтобы многоэтажный бюрократическій прессъ давилъ всею своею массою, и тѣмъ болѣе нельзя допустить, чтобы онъ могъ быть приведенъ въ дѣйствіе одною рукоятью.

Земскіе начальники останутся не перевоспитанными. Но гарантируютъ ли насъ компромиссные проекты отъ ихъ «властнаго попечительства»? Возьмемъ простой и удобоисполнимый проектъ К. К. Арсеньева, «Вѣстника Европы»—тожъ. «Для первыхъ политическихъ выборовъ,—говоритъ почтенный авторъ,—нужна прочная точка опоры, нужна, говоря фигурально, стѣна, къ которой они бы могли прислониться—и вотъ, такой точкой опоры, такой стѣной является въ нашихъ глазахъ губернское земство». Къ этой стѣнѣ онъ и думаетъ прислонить крестьянскій элементъ, по одному крестьянину отъ волости. На 60—70 губернскихъ гласныхъ, состоящихъ почти сплошь изъ дворянъ и чиновниковъ, въ каждой выборной коллегіи придется при этомъ 100—200 крестьянъ». Чего, казалось бы, лучше: «большинство вездѣ оказалось бы на сторонѣ крестьянъ». Но будутъ

ли, однако, уполномоченные отъ крестьянъ «свободно выбраными»? Кто-жъ поручится, что земскій начальникъ, оставшись въ каждой волости наединѣ съ крестьянами, не произведетъ выборы самъ и не положитъ собственною рукою шары угодному ему кандидату? Руководить выборами въ этомъ смыслѣ они уже привыкли и дѣло это уже налажено. Не окажется ли при этомъ дополнительное представительство отъ крестьянъ столь же призрачнымъ, какъ и нынѣшнее по земскому положенію?

Да и вопросъ еще, къ какой «стѣнѣ» прислонятся выбранные по этой системѣ крестьяне. Кто же помѣшаетъ, напримѣръ, губернатору собрать съѣхавшихся въ губернскій городъ старшинъ и другихъ излюбленныхъ земскими начальниками уполномоченныхъ и обратиться къ нимъ съ рѣчью? Вѣдь долженъ же онъ разъяснить имъ всю важность предстоящихъ выборовъ и не скажетъ ли онъ имъ при этомъ: слушайтесь такого-то предводителя? Создавать такую систему выборовъ—не значитъ ли это «примѣняться» къ дѣйствующему прессу, всячески облегчая ему работу? Бюрократіи вѣдь и выдумывать ничего не придется, ибо по этой именно системѣ давленіе давно уже ею налажено.

Для того, чтобы ослабить силу давленія, необходимо увеличить сопротивляемость выборщиковъ. И для этого нельзя оставлять крестьянъ наединѣ съ ихъ «начальниками». Какъ ни малочисленны представители другихъ сословій въ деревнѣ, но участіе ихъ въ выборахъ на ряду съ крестьянами избавитъ послѣднихъ хотя бы отъ такихъ беззастѣнчивыхъ формъ давленія, какъ хозяйничаніе въ урнахъ. Будетъ, по крайней мѣрѣ, хотя глазъ, не обязанный смотрѣть изъ-подъ руки начальства. Уже это одно заставитъ нажимать прессъ съ опаской. Главное же, нельзя дробить крестьянство на мелкія группы, нельзя противопоставлять земскимъ начальникамъ уже подчиненные ими себѣ волостные сходы. Ихъ властному усмотрѣнію нужно противопоставить въ совершенно новой комбинаціи десятки тысячъ избирателей. Чтобы ослабить давленіе на зависимыхъ въ своей обыденной жизни выборщиковъ, необходимо сплотить ихъ въ массу. И это нужно не только для того, чтобы ослабить давленіе администраціи, но и для того, чтобы устранить, по возможности, давленіе кулаковъ, помѣщиковъ и всякихъ другихъ, хотя и не облеченныхъ оффиціальною властью, но тѣмъ не

менѣе очень сильныхъ въ деревнѣ персонажей. Для этого-то именно и нужно всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе.

Для успѣха выборовъ по этой системѣ, конечно, нужно время для предвыборной агитаціи. Но мы ждали такъ долго, что жалѣть на это времени не приходится. Вѣдь только сказки сказываются скоро, а сказки намъ, право, уже опротивѣли.

XII. Почему нужно непремѣнно всеобщее и непремѣнно прямое голосованіе?

Май.

Желаніе ускорить созывъ представительнаго собранія, конечно, вполнѣ понятно. «Всѣ, кому дорога безопасность отечества, мало того—личная безопасность,—писалъ кн. С. Трубецкой въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», а теперь цитируетъ его «Вѣстникъ Европы», — должны сознать, что надо дѣйствовать *сейчасъ*, что *болѣе медлить нельзя*, что одними посулами, безъ рѣшительнаго шага въ смыслѣ исполненія высочайшихъ предначертаній и законныхъ требованій общества, — шага достаточно смѣлаго и энергичнаго, чтобы завоевать общее довѣріе и признаніе,—нельзя будетъ избѣжать новыхъ неисчислимыхъ жертвъ и гибельныхъ катастрофъ»... Но нуженъ именно смѣлый и энергичный шагъ, а не остановка между «двумя точками зрѣнія»; нужно завоевать общее признаніе и довѣріе—и для этого есть только одно средство: всеобщее и равное избирательное право.

Если же задаться только цѣлью ускоренія, то на этомъ пути можно вѣдь зайти очень далеко. Въ газетахъ только что появилось сообщеніе объ особомъ совѣщаніи А. Г. Булыгина, и вотъ что мы читаемъ въ немъ:

Представители въ это совѣщаніе будутъ назначаться, а не избираться общественными организаціями, какъ предполагалось ранѣе. Свободное избраніе, по мнѣнію совѣщанія, хотя и могло соотвѣтствовать видамъ правительства, но его нельзя было бы осуществить съ желательной поспѣшностью, такъ какъ совпадаетъ съ періодомъ вакацій городовъ и земствъ. Въ виду этого, народное представительство не могло бы быть созвано въ іюнѣ, а его пришлось бы отложить на болѣе отдаленное время.

Вотъ это «поспѣшность»! И какое «примѣненіе къ обстоятельствамъ»! Даже «вакаціи» и тѣ приняты въ разсчетъ. И какой вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданный результатъ! Оказывается, что для ускоренія можно и вовсе обойтись безъ выборовъ. Ни одинъ еще «компромиссъ» не могъ развить такую скорость.

Приводя этотъ примѣръ, я вовсе не хочу сказать, чтобы В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и К. К. Арсеньевъ могли или могутъ дойти до такой же точки въ своемъ примѣненіи къ обстоятельствамъ. Но и они довольно далеко уже ушли отъ идеи демократіи.

Перечитайте докладъ В. Д. Кузьмина-Караваева, и васъ поразитъ, какъ много онъ говоритъ о недостаткѣ лицъ, которыя могли бы быть избранными. «Всѣмъ извѣстныхъ именъ въ уѣздѣ нѣтъ»... «Вожаки рабочихъ никому не извѣстны»... «Общественныхъ, въ политическомъ смыслѣ, дѣятелей знаютъ самые ограниченные круги»... И т. д. Это въ сущности главный аргументъ его противъ всеобщаго и прямого голосованія. Ссылаясь на отсутствіе популярныхъ въ массахъ именъ, онъ приходитъ къ выводу, что, «если избраніе обусловить полученіемъ абсолютнаго большинства голосовъ, то Россія, вмѣсто тысячи представителей, пришлетъ два или три десятка». «Представительство же, образованное прямой и всеобщей подачей голосовъ изъ лицъ, посланныхъ десятой, двадцатой, сотой частью избирателей, прежде, чѣмъ оно соберется, будетъ дискредитировано въ глазахъ всѣхъ и вся». Этотъ доводъ ему кажется неопровержимымъ: «возможность этого,—говоритъ онъ,—никто не опровергнетъ». Это опасеніе раздѣляетъ и «Вѣстникъ Европы».

Меньше неудобствъ, чѣмъ всеобщая и *прямая* подача голосовъ,—говоритъ послѣдній,—представляла бы, конечно, всеобщая, но *двухстепенная* подача голосовъ: легче остановиться на выборщикѣ — своемъ человѣкѣ, лично извѣстномъ если не всѣмъ, то многимъ избирателямъ,—чѣмъ на кандидатѣ, одномъ для уѣзда или нѣсколькихъ уѣздовъ, громадному большинству избирателей знакомомъ только по наслышкѣ, т. е. по молвѣ, неопредѣленной и не всегда достовѣрной. Мы видимъ, однако, что въ формулѣ, наиболѣе распространенной, нѣтъ мѣста для двухстепенности выборовъ: подача голосовъ требуется не только всеобщая, но и *прямая*. Проектируется, такимъ образомъ, ничѣмъ не смягченный „скачокъ въ темноту“ (leap in the dark).

«Своего человѣка» выбрать, можетъ быть, и легче. Но не сказывается ли въ приведенныхъ разсужденіяхъ, помимо всего иного прочаго, и привычка? Не представляется ли тому и другому автору

порядокъ выборовъ, съ какимъ они сроднились въ земскихъ учрежденіяхъ, не только вполнѣ нормальнымъ, но и какъ бы неизбѣжнымъ. Въ нынѣшнемъ земствѣ выборы вѣдь цѣликомъ основываются на личныхъ знакомствахъ и всякаго рода связяхъ, вплоть до «родственныхъ». Никакою программою избираемый передъ своими выборщиками не обязывается и никакому контролю съ ихъ стороны не подлежитъ. «Свой человѣкъ»—при ограниченномъ числѣ выборщиковъ — нерѣдко является синонимомъ «своего человѣчка». Но можно ли такой порядокъ выборовъ, если бы даже было возможно устранить изъ него элементъ «радѣнія родному человѣчку», считать нормальнымъ вообще и для государственнаго представительства въ особенности?

«Общественныхъ, въ политическомъ смыслѣ, дѣятелей, — говоритъ г. Кузьминъ-Караваевъ, — знаютъ самые «ограниченные круги». Ну, а на Западѣ развѣ парламенты сплошь состоятъ изъ народныхъ героевъ? Даже извѣстныхъ широкой массѣ именъ нигдѣ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, не бываетъ много.

Личность кандидата, конечно, много значитъ, но не въ томъ смыслѣ, что его лично знаютъ всѣ избиратели. Между тѣмъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ полагаетъ, что предводитель или исправникъ могутъ быть выбраны именно потому, что «ихъ дѣятельность распространяется на всю территорію уѣзда и ихъ имена всѣ знаютъ».

Дѣло не въ имени и не въ личномъ знакомствѣ съ кандидатомъ. Если даже сводить весь вопросъ къ личности послѣдняго, то и въ такомъ случаѣ важно не то, всѣ ли его знаютъ, а то, насколько дружно и энергично будутъ рекомендовать его пользующіяся довѣріемъ мѣстнаго населенія лица. Исправника всѣ знаютъ, но если онъ куроцапъ, то его все равно не выберутъ. Съ другой стороны, если мѣстная интеллигенція объединится около одного имени, то и неизвѣстное дотолѣ большинству избирателей лицо можетъ получить достаточное число бюллетеней. И этого достигнуть вовсе уже не такъ трудно. Сторонній человѣкъ можетъ оказаться при этомъ даже удобнѣе «своего человѣка», ибо на разстояніи мелкія черты стушевываются и общность впечатлѣнія достигается легче.

Въ дѣйствительности, такая рекомендація обыкновенно и дается кандидату цѣлой группой, при чемъ самый составъ группы уже опредѣляетъ до извѣстной степени его личность. «Рабочіе на вы-

борахъ, — утверждаетъ, между прочимъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, — кромѣ своихъ голосовъ, можно смѣло сказать, *ничьихъ* со стороны не получатъ. Не потому, — прибавляетъ онъ, — что не найдется желающихъ оказать имъ поддержку, а просто потому, что ихъ вожаки никому постороннему неизвѣстны». Не слишкомъ ли «смѣло» это утвержденіе? Могу увѣрить г. Кузьмина-Караваева, что, если бы рабочіе выставили своего кандитата, то я лично подать за него голосъ только потому, что я его не знаю и ничего о немъ ранѣе не слышалъ, ни въ коемъ случаѣ не отказался бы. И для многихъ, въ особенности для простонародья, немогущаго претендовать на личное знакомство съ «общественными, въ политическомъ смыслѣ, дѣятелями», уже то, что это кандитатъ рабочихъ, какъ я думаю, было бы совершенно достаточной для него рекомендаціей.

Главное же, дѣло совсѣмъ не въ лицахъ. Ужъ очень странно какъ-то расположившіеся между двухъ точекъ зрѣнія дѣятели понимаютъ самую идею народнаго представительства. По г. Кузьмину-Караваеву выходитъ, что вся суть послѣдняго заключается въ томъ, что «отбирается нѣсколько сотенъ или тысяча и этимъ сотнямъ или тысячѣ ввѣряется судьба государства». Но идея народовластія, какъ я думаю, далеко не исчерпывается этой операціей отбора. Если бы вопросъ заключался только въ томъ, чтобы отобрать нѣсколько сотъ или тысячу и ввѣрить имъ управленіе государствомъ, вмѣсто тѣхъ сотенъ или тысячи, которые вѣдаютъ это дѣло теперь, то, можетъ быть, и можно было бы помириться съ «государственно-политической», какъ ее называетъ г. Кузьминъ-Караваевъ, точкой зрѣнія. Но вѣдь передъ нами стоитъ несравненно болѣе важная задача. Не сотни и не тысячу, а милліоны нужно призвать къ заботамъ о судьбахъ государства, весь народъ нужно призвать къ управленію имъ. И для этого нѣтъ иного пути, какъ всеобщее и непремѣнно прямое голосованіе.

Правда, когда народовластіе осуществляется путемъ представительства, то въ рѣшеніи конкретныхъ задачъ государственной жизни народъ непосредственно не участвуетъ. Для этого нужна особая форма — референдумъ. Но и при системѣ представительства принципы управленія устанавливаются не депутатами, а избирателями. Суть выборовъ заключается вѣдь не въ томъ, что

выбираются *лица*, а въ томъ, что выбираются *программы*. Каждый избиратель приглашается обдумать очередныя задачи государственной жизни и выбрать то рѣшеніе ихъ, которое наиболѣе отвѣчаетъ его интересамъ и идеаламъ. При двухстепенной и тѣмъ болѣе при многостепенной подачѣ голосовъ, къ этому будутъ привлечены лишь тысячи и много-много десятки тысячъ. Да и въ этомъ нельзя быть увѣреннымъ. Вопросъ о лицахъ можетъ совершенно заслонить вопросъ о программахъ, и вся выборная операція можетъ свестись, въ концѣ концовъ, къ сговору о кандидатахъ и къ катанію шаровъ. При всеобщей и прямой подачѣ голосовъ въ рѣшеніи государственныхъ задачъ примутъ участіе милліоны. Программы неизбѣжно выдвинутся на первый планъ, при чемъ къ обсужденію ихъ будутъ привлечены даже самые инертные слои населенія. Въ дѣлѣ пробужденія политическаго самосознанія въ народѣ борьба партій въ одинъ избирательный періодъ сдѣлаетъ несравненно больше, чѣмъ долгіе годы учительства.

Результаты участія народа въ обсужденіи и рѣшеніи основныхъ государственныхъ вопросовъ представляются мнѣ столь важными, столь нужными и столь цѣнными, что я ни на минуту не усомнился бы высказаться за всеобщую и прямую подачу голосовъ даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ завѣдомо было извѣстно, что выборы окажутся неудачными. Пусть народъ не сумѣетъ выбрать наиболѣе отвѣчающихъ его интересамъ программъ, пусть онъ не найдетъ достойныхъ для проведенія ихъ депутатовъ. Пусть разобьются голоса, пусть въ представительное собраніе явятся «ретроградные элементы». И всетаки для дѣла народной свободы будетъ сдѣлано несравненно больше, чѣмъ при самыхъ удачныхъ выборахъ по той или иной компромиссной системѣ.

Прежде всего въ сознаніи народа запечатлѣется и уже никогда не изгладится, что ему была дана власть рѣшить государственные вопросы такъ или иначе. Если онъ потомъ убѣдится, что они рѣшены не такъ, какъ бы слѣдовало, то будетъ знать, что это его ошибка, а не Божія милость, и онъ будетъ знать, какъ эту ошибку поправить. Въ первыхъ же всеобщихъ и прямыхъ выборахъ родится русская демократія—и ей останется только расти и крѣпнуть. Для свободы сразу будетъ заложенъ тотъ широкій фундаментъ, на которомъ только и можетъ быть

выведено это величественное зданіе. Сознаніе массъ явится такою гарантіей, какой никогда не создадутъ хитроумныя комбинаціи и бумажныя, хотя бы тщательно обдуманныя, конституціи.

Другой результатъ еще несомнѣннѣе и, быть можетъ, еще важнѣе. Призванный къ обсужденію и рѣшенію государственныхъ вопросовъ, обыватель превратится въ гражданина.

— «Господинъ избиратель»—будутъ говорить мужику привыкшіе всячески помыкать имъ персонажи. Они вѣжливо будутъ снимать передъ нимъ шляпу и, быть можетъ, даже пожимать ему руку.

Вѣдь это пожиманіе рукъ не случайно появилось на Западѣ и не безслѣдно оно проходитъ въ тамошней жизни. Къ рукѣ, которую пожималъ президентъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, никто уже не откажется прикоснуться.

Представьте себѣ теперь, что исправникъ вдругъ начинаетъ вѣжливо бесѣдовать съ мужиками, предупредительно излагать имъ свои мнѣнія по самымъ сложнымъ государственнымъ вопросамъ и терпѣливо выслушивать возраженія, какъ бы нелѣпы они ему ни казались,—и вы поймете, какая революція должна произойти въ нравахъ. Вѣдь это тотъ самый исправникъ, который теперь, подходя только къ сходу, уже кричитъ: молчать, не разсуждать! Предводитель дворянства тоже спустится съ небесъ на землю и, затаивъ въ себѣ брезгливое отношеніе къ «мужичью», начнетъ за руку здороваться съ «господами избирателями». И исправникъ, и предводитель, если только они желаютъ быть депутатами, должны будутъ это сдѣлать,—и не только они, но и всѣ присные ихъ,—иначе конкуррентъ побьетъ ихъ своимъ обхожденіемъ. За исправникомъ же и предводителемъ непремѣнно послѣдуютъ всѣ другіе. Дѣло не въ депутатахъ только, но и въ избирательной урнѣ, передъ которою всѣ будутъ равны. Въ общественной психологіи произойдетъ такой же и даже еще болѣе рѣзкій переломъ, какой произошелъ въ шестидесятыхъ годахъ, когда барыня въ камерѣ у мирового судьи должна была встать на одну доску со своимъ лакеемъ. Тогда всѣ сдѣлались людьми, даже «люди», заключенные господами въ кавычки; теперь всѣ, даже мужики, должны сдѣлаться гражданами.

И это будетъ не одна только видимость. Мужикъ дѣйствительно сдѣлается «господиномъ», ибо онъ будетъ частицей «господина на-

рода». Это скажется въ его сознаніи и изнутри подниметъ его личность. Какъ у Ѳедюшки въ «Голодной смерти» Гл. И. Успенскаго, у него разгорится «звѣзда во лбу». У Ѳедюшки «звѣзда во лбу загорѣлась отъ того, что онъ на мгновеніе позволилъ себѣ узнать, что онъ—не кукольный Ѳедюшка», что «онъ не совсѣмъ пропащая тварь, что онъ на самомъ дѣлѣ такой же человѣкъ, а можетъ быть, и лучше, чѣмъ другіе Ѳедюшки».

И вотъ, чтобы самому себѣ доказать, что онъ—непропащій, онъ припомнилъ, какъ уже извѣстно, единственный серьезный резонъ, имѣвшійся у нихъ съ матерью, связывавшій ихъ, хотя очень отвлеченно, съ обществомъ живыхъ людей и дававшій хотя какое-нибудь объясненіе ихъ горемычнѣйшему, безнадежнѣйшему состоянію... И вотъ почему онъ неожиданно буркнулъ о своемъ отцѣ:

— „Ко мнѣ батька вотъ придетъ ишо!“ *)

И эта «звѣзда во лбу, вопреки всякимъ резонамъ, представляемымъ суровою дѣйствительностью, загоралась у Ѳедюшки все чаще и чаще». Разгорится она и у мужика, столь же забитаго теперь въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ. Пусть онъ только хоть разъ сознаетъ, «что онъ не совсѣмъ пропавшая тварь», что и онъ гражданинъ и даже получше, можетъ быть, чѣмъ многіе другіе. Пусть и у него будетъ, хотя бы и отвлеченный на первое время, резонъ его гражданскаго существованія:

— Вотъ выборы еще придутъ!—и это будетъ для него точкой опоры въ его отношеніяхъ къ власти и къ командующимъ классамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у него явится интересъ къ такимъ вещамъ, о которыхъ онъ до сего времени, быть можетъ, и не думалъ. Обывательская «хата съ краю» сразу передвинется къ центру жизни, за «колокольней своего села» мужику откроются широкіе государственные горизонты. У него появится интересъ къ газетѣ, книгѣ, къ общечеловѣческой мысли. Я позволю себѣ напомнить другой образъ перерождающагося человѣка, данный Гл. Ив. Успенскимъ въ «Темномъ деревенскомъ случаѣ»,—сельскаго торговца Кузнецова.

Сталъ я влюбляться—разсказывалъ послѣдній—въ размышленія, въ разсужденія... Въ головѣ-то у меня стояло *все вмѣстѣ*, а по отдѣльности ничего не было... Все, о чемъ я отъ роду не думалъ, все у меня стало подниматься

*) Сочиненія Гл. И. Успенскаго. Новыя времена и новыя заботы. Т. I, стр. 655—656.

въ головѣ сразу, цѣлыми ящиками, оптомъ, если сравнить по торговому... И рвусь я, что дальше, то больше. И все мнѣ пріятнѣй, хитрѣй, мудренѣй, прямо сказать, забористѣй.. *)

Съ Кузнецовымъ это произошло сразу, отъ одного толчка. И русскому народу нуженъ такой же толчокъ, чтобы сдвинуть его съ мѣста. Пожалуй, это будетъ и «скачокъ», но только не въ темноту, а на широкій просторъ общественной жизни. Тупая апатія уступитъ мѣсто живой активности, и житье со дня на день, по принципу: день да ночь—сутки прочь, смѣнитъ жизнь съ самыми далекими перспективами. Мнѣ приходилось видать людей, которыхъ впервые захватывала общественность, и я воочію видѣлъ, какъ выростала при этомъ личность...

Этотъ результатъ всеобщаго и прямого участія народа въ государственной жизни представляется мнѣ столь несомнѣннымъ, что у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія «примѣняться къ потребностямъ минуты». Я готовъ отстаивать «отвлеченную справедливость» до самой послѣдней ея іоты. Я не боюсь при этомъ показаться страннымъ и даже смѣшнымъ.

Можетъ быть, крестьянину и чудно́ на первый разъ покажется, что рядомъ съ нимъ на выборы идетъ его сынъ, который до сихъ поръ пребывалъ въ полномъ повиновеніи родительской волѣ, а теперь вдругъ оказывается вровнѣ съ нимъ и даже можетъ написать бюллетень по своему. Даже родительскую власть проявить нельзя будетъ, ибо при тайной подачѣ голосовъ не только отецъ, но и никто другой, что напишетъ его сынъ, такъ и не узнаютъ. Еще чуднѣе, можетъ быть, покажется тому же крестьянину, что на выборы зовутъ бабъ и что ихъ мнѣніемъ также интересуются. По крайней мѣрѣ, противники женскаго избирательнаго права настаиваютъ, что допущеніе женщинъ къ урнамъ сдѣлаетъ выборы въ глазахъ массы смѣшными. Но пусть этотъ ветхозавѣтный крестьянинъ изумляется и пусть онъ даже недовольно ворчитъ или смѣется... Наша задача—освободить личность, и если, освобождая ее въ государствѣ, мы освободимъ ее и въ семьѣ, то тѣмъ лучше.

Впрочемъ, всѣ эти ссылки на массу представляются мнѣ ни на чемъ не основанными, и я увѣренъ, что въ частности допу-

*) Сочиненія Гл. И. Успенскаго. Изъ деревенскаго дневника. Т. II, стр. 104—105.

щеніе женщинъ къ избирательнымъ урнамъ ни въ коемъ случаѣ психологіи выборовъ не испортитъ. Напротивъ, идея всеобщаго голосованія, какъ я думаю, будетъ очень близка и понятна массамъ. Она даже подниметъ престижъ выборовъ: стало быть, дѣло серьезное, если зовутъ всѣхъ, даже бабъ. Вѣдь у бабы есть свои горя, свои заботы, и бѣднота это особенно хорошо знаетъ.

Какъ бы то ни было, я хорошо помню завѣтъ Н. К. Михайловскаго:

Мѣриломъ достоинства всякаго союза-партіи, кружка, семьи, націи и проч., — писалъ онъ, — долженъ служить интересъ личности... Значитъ во всѣхъ политическихъ вопросахъ вы сдѣлаете фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а личности. Она составитъ тотъ центръ, изъ котораго разсѣются для васъ во всѣ стороны лучи Правды и освѣтятъ вамъ значеніе того или другого общественнаго союза *).

Пусть В. Д. Кузьминъ-Караваевъ думаетъ о «судьбахъ государства» и пусть даже онъ правъ со своей «государственно-политической точки зрѣнія», полагая, что вся суть въ отборѣ «общественныхъ въ политическомъ смыслѣ дѣятелей». Но мы будемъ думать о народѣ, о личности, и ради ихъ интересовъ не станемъ ничѣмъ затуманивать «яркія въ своей логической конструкціи и потому невольно себѣ подчиняющія» формулы.

Впрочемъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ крайне важномъ и крайне цѣнномъ результатѣ, какимъ должно сказаться въ народной жизни всеобщее и прямое голосованіе. Только при этой избирательной системѣ интеллигенція будетъ поставлена лицомъ къ лицу съ народомъ, и мысль, дѣйствительно, встрѣтится съ жизнью. А въ этомъ именно и заключаются, — если ужъ говорить о нихъ,—истинныя «потребности минуты». «Жизнь безъ дѣятельнаго участія мысли, — писалъ я въ одной изъ предыдущихъ главъ,—сдѣлалась невозможною; мысль, лишенная возможности претвориться въ дѣло, стала нестерпимою».

Нужно взвѣсить всѣ имѣющіеся въ странѣ интересы, нужно собрать всѣ циркулирующія въ ней идеи и затѣмъ спаять тѣ и другія въ отвѣчающія народнымъ потребностямъ «мѣры». Нельзя, однако, думать, что вся эта работа съ достаточнымъ успѣхомъ можетъ быть выполнена въ стѣнахъ парламента. Послѣдній мо-

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Т. IV, стр. 460.

жетъ отлить формы, но самый сплавъ долженъ быть приготовленъ въ жизни.

Въ долгой предвыборной работѣ, въ безконечныхъ бесѣдахъ съ милліонами избирателей, въ аплодисментахъ и свисткахъ, какими они будутъ сопровождать ораторскія рѣчи, только и могутъ быть испробованы и оцѣнены различные проектируемые теперь сплавы. Только такимъ путемъ могутъ быть «обстрѣлены» вырабатываемыя теперь въ кабинетахъ программы, и изъ нихъ можетъ быть устранено все ненужное, случайное, наносное. Только такимъ путемъ работа парламента можетъ получить жизненный, а не отвлеченный характеръ.

Дѣло не въ парламентской только работѣ, но и въ тѣхъ идеяхъ, какая агитація заронитъ въ голову обывателя, и въ тѣхъ жизненныхъ фактахъ, какими обогатится мысль интеллигента. Народъ воочію увидитъ «студента», который въ его представленіи до сихъ поръ является какимъ-то миѳическимъ существомъ, — не то очень злымъ, не то очень добрымъ духомъ. Съ другой стороны, интеллигенція вложитъ персты свои въ народныя язвы, на которыя до сихъ поръ она могла смотрѣть только издали.

И я опять повторяю: пусть насъ постигнетъ неудача; допустимъ, что полнаго объединенія мысли и жизни достигнуть въ первыхъ выборахъ не удастся. Но соприкосновеніе этихъ элементовъ произойдетъ въ такомъ безчисленномъ количествѣ точекъ, что неуклонный ходъ процесса будетъ вполнѣ обезпеченъ. Пусть парламентъ окажется неспособнымъ реформировать жизнь; ее реформируетъ въ такомъ случаѣ молекулярная работа.

XIII. Источникъ либеральной народобоязни.

Май.

Излагая въ предыдущей главѣ доводы въ пользу всеобщаго и прямого голосованія, я все время сопровождалъ ихъ, хотя и условной, уступкой. Пусть—неизмѣнно почти повторялъ я—выборы окажутся неудачными. Но это я допускалъ лишь въ видахъ удобства изложенія. Въ серьезъ же дѣлать такую уступку людямъ «среднихъ» сужденій я отнюдь не намѣренъ, ибо нисколько не сомнѣ-

ваюсь, что всеобщая и прямая подача голосовъ, — при условіи, конечно, свободной агитаціи,—даже съ точки зрѣнія выборной операціи, сразу дастъ достаточно благопріятные результаты и во всякомъ случаѣ лучшіе, чѣмъ при сословно-цензовой избирательной системѣ и при двухъ или много-степенномъ голосованіи.

Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ обусловлена народобоязнь «Вѣстника Европы» и В. Д. Кузьмина-Караваева? Ссылаться на невѣжество населенія и другіе обычные въ такомъ случаѣ аргументы противниковъ всеобщаго избирательнаго права они не желаютъ.

Избитая ссылка на невѣжество—говоритъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ—выдвигается противъ каждаго прогрессивнаго начинанія и для обоснованія каждаго же реакціоннаго мѣропріятія. Ею достаточно уже злоупотребляли: предъ освобожденіемъ крестьянъ, при ломкѣ земскаго положенія 1864 г., при введеніи института земскихъ начальниковъ, винной монополіи и т. д., и т. д. Она неискренна и фальшива. Территоріальная протяженность при телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ—обстоятельство несущественное. Разноплеменность въ другихъ странахъ, давно имѣющихъ представительныя учрежденія, не меньшая.

Всенародное представительство въ Россіи организуется впервые, населеніе обще-политическою жизнью еще не жило, идея государственнаго всеединства затуманена въ сознаніи идеей единства классового и группового – вотъ гдѣ лежитъ причина сомнѣній и опасеній.

Итакъ, суть въ томъ, что выборы производятся впервые, что населеніе обще-политическою жизнью еще не жило, что идея государственнаго всеединства затуманена... Если смотрѣть на народъ исключительно съ этой стороны, то онъ, дѣйствительно, представляетъ изъ себя «людскую пыль», въ массѣ своей лишенную необходимой для общеполитической жизни связности. Мнѣ самому въ предыдущемъ изложеніи не разъ уже приходилось на это указывать. Объединить такой народъ около какихъ-либо программъ и около какихъ-либо именъ, особенно «въ короткое время», на первый взглядъ представляется, дѣйствительно, невозможнымъ.

Но—и это «но» мною своевременно было отмѣчено—политика въ специфическомъ пониманіи этого слова является отнюдь не единственнымъ, связывающимъ и объединяющимъ людей, цементомъ. Есть еще культура и экономика. Интеллигенція въ значительной ея части объединена достаточно высоко поставленными идеалами. Массы объединены своими экономическими, до извѣст-

ной степени уже сознанными, интересами. Въ низахъ соціальнаго зданія—писалъ я—«никогда не замирало чувство стихійнаго недовольства, безсильнаго въ единицахъ и страшнаго въ массахъ», и «идея очень быстро можетъ охватить тѣхъ, кто уже объединенъ чувствомъ» *).

Наличность такого—«классоваго и группового»—объединенія, какъ видно изъ приведенной мною выдержки, г. Кузьмину-Караваеву хорошо извѣстна, но оно-то и является источникомъ его «сомнѣній и опасеній». Онъ озабоченъ больше всего, если не исключительно, «идеей государственнаго всеединства», т. е. чистой политикой. Всякая иная идея способна, по его мнѣнію, лишь затуманить ее. Поэтому, если онъ и склоненъ сдѣлать въ своемъ проектѣ уступки классовому и групповому сознанію, то только въ силу необходимости, постольку лишь, поскольку это неизбѣжно для «разрѣшенія мучительнаго томленія минуты».

Рабочіе—говоритъ онъ—сила. Сила организовавшаяся, сплоченная, большая. Чтобы предупредить вѣроятный пробѣлъ, необходимо—опять-таки на первый разъ—принять фактъ обособленія рабочихъ такъ, какъ онъ есть. И, отправляясь отъ него, предоставить рабочимъ каждаго фабрично-заводскаго центра послать представителей непосредственно.

Однородную поправку, хотя и менѣе существенную,—а именно въ формѣ уже посредственнаго участія въ выборахъ,—онъ допускаетъ и для «третьяго элемента». Что касается крестьянъ, представительство которыхъ въ нынѣшнемъ земствѣ—по его собственному признанію—фиктивно, то вводить для нихъ поправки слишкомъ хлопотно и потому не стоитъ. Вѣдь это было бы «возможно—говоритъ онъ—лишь совмѣстно съ полной переработкой земскаго положенія, что, по технической сложности дѣла, во всякомъ случаѣ, требуетъ времени». А мы уже знаемъ, какъ г. Кузьминъ-Караваевъ дорожитъ временемъ. Теперь, когда и крестьянство заявило себя, хотя и не организованной и не сплоченной, но все-таки очень большой силой, можетъ быть, г. Кузьминъ-Караваевъ и удостоилъ бы его какой-нибудь поправки. Но вѣдь свой докладъ онъ читалъ въ самомъ началѣ марта, когда только что «появились зловѣщіе призраки движенія насильственнаго»...

Во всякомъ случаѣ, считаясь съ необходимостью разрѣшить

*) Гл. II.

«мучительное томленіе минуты» и внося, ради этого, въ своемъ проектѣ различныя дополненія и поправки къ нынѣшнему земскому и городскому представительству, г. Кузьминъ-Караваевъ отнюдь не упускалъ изъ виду своей «идеи государственнаго всеединства», и при томъ, очевидно, нынѣшняго всеединства со всѣми внутренними въ немъ, классовыми и групповыми, противорѣчіями. Весь проектъ, несомнѣнно, разсчитанъ на политическую, а отнюдь не на ту или иную соціальную реформу.

Программа «Вѣстника Европы»,—по крайней мѣрѣ, поскольку этотъ журналъ имѣетъ свою опредѣленную физіономію, — тоже почти всецѣло ограничивается «политикой». Соціально-экономическихъ вопросовъ въ ихъ принципіальной формѣ журналъ почти не ставилъ, а если и оставилъ, то съ явною склонностью поддержать данную соціальную структуру. Правда, обстоятельства послѣднихъ 15—20 лѣтъ значительно ослабили довольно сильную въ былые годы въ этомъ журналѣ струю экономическаго либерализма. «Мучительное томленіе минуты» и его заставило осложнить всю программу различными экономическими проектами, не приведенными, однако, въ какую-либо систему, не объединенными какимъ-либо принципомъ и по существу не идущими дальше тѣхъ или иныхъ частныхъ поправокъ къ существующимъ отношеніямъ. Выносить такую программу въ массы, донельзя взволнованныя сейчасъ своими экономическими невзгодами, конечно, рискованно, тѣмъ болѣе, что рядомъ вѣдь могутъ появиться программы совсѣмъ иного рода, не останавливающіяся даже передъ «чернымъ передѣломъ».

Полемизируя съ В. А. Мякотинымъ, настаивавшимъ на необходимости всеобщаго и прямого голосованія именно въ виду того, что «вопросы политическіе тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ соціальными, требующими безотлагательнаго превращенія прежней жизни въ новую», авторъ внутренняго обозрѣнія въ «Вѣстникѣ Европы» пишетъ:

Что политическіе вопросы въ настоящее время тѣсно связаны съ соціальными, что въ массѣ народа пробудились потребности, игнорировать которыя было бы и не разумно, и опасно, что центръ тяжести политической жизни не долженъ быть искусственно перемѣщенъ въ сторону имущихъ классовъ—это и въ нашихъ глазахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: но въ разрѣзъ съ этимъ не идетъ защищаемая нами система..

Конечно *въ разрѣзъ* съ «потребностями, игнорировать которыя было бы неразумно и опасно», защищаемая «Вѣстникомъ Европы» избирательная система не идетъ. Она оставляетъ извѣстную возможность для «мѣропріятій, составляющихъ какъ бы продолженіе великой реформы 1861 г.», — для мѣропріятій «тщательно обдуманныхъ, осторожно проведенныхъ, считающихся съ пріобрѣтенными правами», но и то постольку лишь, поскольку такія мѣропріятія представляютъ лучшую гарантію противъ попытокъ насильственнаго захвата, обнимаемыхъ терминомъ: «черный передѣлъ», или — въ лучшемъ случаѣ — поскольку нынѣшнимъ земскимъ дѣятелямъ свойственна «способность возвышаться надъ классовыми интересами». Во всякомъ случаѣ «центра тяжести» въ сторону *неимущихъ* классовъ эта система не перемѣщаетъ. Пользуясь фигуральнымъ выраженіемъ самого «Вѣстника Европы», можно сказать, что въ лучшемъ случаѣ она дастъ лишь стѣну, къ которой могутъ «прислониться» крестьянскіе интересы. Мысль о томъ, что крестьяне, можетъ быть, уже достаточно обтирали своими спинами стѣны земскихъ и дворянскихъ залъ и что крестьянскіе интересы сами по себѣ могутъ представить такую стѣну, къ которой должны будутъ прислониться всѣ другіе,—почтенному автору, повидимому, не приходитъ и въ голову.

Другимъ противникамъ всеобщаго и прямого голосованія эта перспектива, однако, видна, и, отстаивая цензовую систему при многостепенномъ голосованіи, они думаютъ не столько о томъ, чтобы ослабить давленіе сверху, сколько о томъ, чтобы предупредить давленіе снизу. Мы можемъ сослаться въ этомъ случаѣ на ту самую земскую среду, на которую «Вѣстникъ Европы» возлагаетъ такія большія надежды.

На апрѣльскомъ общеземскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, кромѣ К. К. Арсеньева, противъ всеобщаго и прямого голосованія, какъ я уже упоминалъ, высказывались и другія лица.

Кн. Волконскій—читаемъ мы въ газетномъ отчетѣ объ этомъ съѣздѣ—опасается прямыхъ выборовъ по другимъ соображеніямъ: при всеобщемъ и прямомъ голосованіи крестьянство должно получить несомнѣнный подавляющій перевѣсъ надъ всѣми другими элементами населенія и можетъ произвести тотъ „черный передѣлъ“, о которомъ не могутъ подумать безъ ужаса наши землевладѣльцы...

Екатеринославскій помѣщикъ Каменскій противъ всеобщаго голосованія опасаясь проникновенія въ представительное собраніе „агитаторовъ и проходимцевъ безъ прошлаго и традицій“... Г. Каменскій, кромѣ того, думаетъ, что при всеобщемъ голосованіи на югѣ Россіи крестьяне безусловно учинятъ черный передѣлъ...

Дѣло, конечно, не въ «черномъ передѣлѣ», если подъ нимъ разумѣть «попытки насильственнаго захвата». Рѣчь вѣдь идетъ о представительномъ собраніи и, стало быть, о тѣхъ *правомѣрныхъ* дѣйствіяхъ, какія можетъ предпринять послѣднее въ цѣляхъ разрѣшенія аграрнаго вопроса. Вѣдь только Л. Л. Толстой можетъ полагать, что «законныхъ» способовъ для экспропріаціи земли, которую «дѣды и прадѣды барина получили за свои заслуги», вовсе нѣтъ, что поэтому всякая мѣра въ этомъ направленіи будетъ «насильственной». Вѣдь даже теперь частновладѣльческія земли экспропріируются, если это вызывается государственными или общественными надобностями..

Для государства, для закона,—говорилъ по этому поводу проф. Хвостовъ на аграрномъ съѣздѣ въ Москвѣ—неприкосновеннаго права не существуетъ. Ни одна реформа не можетъ осуществиться безъ уничтоженія того или другого права. Слѣдовательно, если бы въ интересахъ государственной необходимости было признано нужнымъ уничтоженіе института частной собственности на землю, то съ юридической точки зрѣнія это было бы вполнѣ закономѣрно.

Внутренній обозрѣватель «Вѣстника Европы», компетентность котораго въ юридическихъ вопросахъ стоитъ высоко, также полагаетъ, что съ «противозаконными, преступными нарушеніями охраняемаго закономъ права не имѣетъ ничего общаго законномѣрное вмѣшательство государства въ область аграрныхъ отношеній», хотя бы это вмѣшательство и выразилось, напримѣръ, въ принудительномъ отчужденіи частновладѣльческой земли.

Дѣло, повторяю, не въ «черномъ передѣлѣ», осуществляемомъ при посредствѣ дреколій. Онъ фигурируетъ въ приведенныхъ рѣчахъ лишь для вящшей важности. Дѣло въ томъ «подавляющемъ перевѣсѣ», какой можетъ получить при всеобщемъ и прямомъ голосованіи крестьянство и который всей законодательной дѣятельности государства можетъ дать совершенно новое направленіе. Дѣло въ той принципіальной постановкѣ, какую можетъ получить при этомъ соціальная проблема.

Не лишне будетъ отмѣтить и сдѣланную на земскомъ съѣздѣ

выходку противъ «агитаторовъ и проходимцевъ безъ прошлаго и традицій». Не трудно, конечно, понять, что въ данномъ случаѣ разумѣется та часть «третьяго элемента», которая особенно ярко обнаружила способность подняться надъ классовыми интересами. Да и какое, въ самомъ дѣлѣ,—съ точки зрѣнія екатеринославскаго помѣщика—можетъ быть прошлое у разночинной интеллигенціи? Какія у нея могутъ быть традиціи? Прошлое и традиціи имѣются, конечно, только у нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей, у которыхъ дѣды и прадѣды занесены въ родословныя книги и которые сами въ теченіе сорока лѣтъ почти безраздѣльно владѣли и владѣютъ единственной въ Россіи ареной представительства. Что касается прошлаго и традицій русскаго освободительнаго движенія, то едва ли екатеринославскіе и рязанскіе помѣщики ихъ знаютъ и тѣмъ болѣе едва ли ихъ цѣнятъ. Они привыкли пользоваться услугами разночиннаго интеллигента въ качествѣ секретаря и дѣлопроизводителя, но, какъ на самостоятельнаго и независимаго отъ нихъ политическаго дѣятеля, они могутъ взирать на него только съ ужасомъ.

Взятый самъ по себѣ, обозрѣватель «Вѣстника Европы» склоненъ въ настоящее время идти довольно далеко въ дѣлѣ удовлетворенія «пробудившихся въ массѣ народа потребностей». Такъ въ аграрномъ вопросѣ онъ изъявляетъ готовность идти до обязательнаго выкупа. И онъ, конечно, вполнѣ искренно надѣется, что проектированный имъ «компромиссъ» нисколько не помѣшаетъ проведенію соціально-экономическихъ реформъ, поскольку таковыя окажутся необходимыми. Онъ не будетъ ихъ иниціаторомъ, но не будетъ и ихъ противникомъ. Можетъ быть, и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, когда будетъ обезпечена идея государственнаго всеединства, проявитъ больше благосклонности къ классовому самосознанію массъ. Но вѣдь идеологи важны не сами по себѣ, а по тѣмъ общественнымъ силамъ, которыя воспользуются ихъ идеологіей.

И въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, произойдетъ то же, что произошло уже съ г. Шиповымъ. Послѣдняго тоже вѣдь нельзя заподозрить ни въ желаніи учинить травлю инородцевъ, ни въ стремленіи оградить сословныя привилегіи, ни въ намѣреніи оказать поддержку правящей бюрократіи. Но стоило ему поднять свой славянофильскій стягъ—и подъ него немедленно начали сте-

БИБЛИОТЕКА TOURGUENEFF

каться всякаго рода «заговорщики»: отъ сановныхъ петербургскихъ чиновниковъ до родовитыхъ московскихъ дворянъ включительно. То же самое произойдетъ и съ либеральнымъ знаменемъ, которое стараются водрузить В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и К. К. Арсеньевъ. Подъ него уже начали собираться екатеринославскіе помѣщики.

Вся разница лишь въ томъ, что одни возлагаютъ свои надежды на «самобытную форму», другіе же считаютъ необходимымъ воспользоваться «западно-европейской теоріей», приспособивъ ее къ своимъ интересамъ. Въ соціальномъ же отношеніи это силы одного порядка: на ихъ сторонѣ находится въ настоящее время «центръ тяжести», и онѣ не поступятся своимъ соціальнымъ вѣсомъ ради политической свободы.

XIV. Соціальная проблема въ ея отношеніяхъ къ политической.

Май.

Насколько значительныя силы соберутся, въ концѣ концовъ, на «средней позиціи»—сказать трудно. Нѣкоторымъ указаніемъ въ этомъ случаѣ, пожалуй, можетъ служить упоминавшійся уже «общеземскій» съѣздъ въ Москвѣ. Противъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія,—по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь шла объ учредительномъ собраніи,—высказалось лишь около одной четверти участвовавшихъ въ съѣздѣ лицъ, считая въ томъ числѣ Д. Н. Шипова, съ одной стороны, и К. К. Арсеньева—съ другой, т. е. и правый, и лѣвый «центръ».

Правда, составъ членовъ этого «общеземскаго» съѣзда уже заранѣе подвергся нѣкоторому отбору, такъ какъ меньшинство, въ одной своей части, само уклонилось отъ участія въ съѣздѣ, въ другой—не могло получить надлежащаго числа голосовъ при выборахъ въ земскихъ или, созванныхъ для этой цѣли, частныхъ собраніяхъ гласныхъ. Вообще же въ земствѣ оппортунистическія тенденціи, несомнѣнно, сильнѣе, чѣмъ онѣ отразились на этомъ съѣздѣ. Можно сомнѣваться, получилось ли бы даже простое большинство, если бы вопросъ о всеобщемъ, равномъ и прямомъ голосо-

ваніи былъ поставленъ на баллотировку въ самихъ земскихъ собраніяхъ. Помимо всего прочаго, въ данномъ случаѣ не малую роль сыграло бы уже то обстоятельство, что люди сжились съ цензовой и многостепенной системой. При томъ же выбранные сами по этой системѣ, они, естественно, были бы склонны преуменьшать ея недостатки и преувеличивать ея достоинства. Поэтому, между прочимъ, такъ и опасны всякія *переходныя* системы представительства. Появившись на свѣтъ, ни одна такая система, какъ свидѣтельствуетъ исторія, не уступала своего мѣста безъ борьбы, и при томъ подчасъ очень упорной борьбы. Мысль средняго человѣка сживается съ тѣмъ, что уже было испробовано въ жизни, и ее пугаетъ все новое, необычное. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ земскія собранія получили возможность высказаться о системѣ земскаго представительства, то дальше земскаго положенія 1864 г.,—съ тѣми или иными къ нему несущественными поправками,—онѣ не пошли. Ни одно земское собраніе, если только не измѣняетъ мнѣ память, даже не вспомнило про всеобщую и прямую подачу голосовъ. Да и сейчасъ, какъ я думаю, на этой системѣ легче согласить людей въ сферѣ государственнаго представительства, чѣмъ мѣстнаго.

Но за то внѣ земства всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе встрѣчаетъ очень много сторонниковъ. Уже городскія думы,—какъ ни малоинтеллигентенъ въ общемъ ихъ составъ,—несравненно дружнѣе, чѣмъ земскія собранія, высказываются за четырехчленную формулу и, можетъ быть, потому именно, что новымъ въ ней для нихъ является лишь всеобщая подача голосовъ. Прямое же, тайное и равное (за исключеніемъ г. С.-Петербурга) голосованіе практикуется и теперь при городскихъ выборахъ. Еще популярнѣе эта формула въ тѣхъ слояхъ общества, которые въ настоящее время совсѣмъ устранены отъ представительства, а именно, среди рабочихъ и среди разночинной интеллигенціи. Въ этой средѣ за всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе высказывается подавляющее большинство, и опять-таки, между прочимъ, конечно, потому, что мысль здѣсь, за отсутствіемъ какихъ-либо «традицій», болѣе свободно оцѣниваетъ различныя избирательныя системы. То же можно сказать и про окраины.

Вообще въ вопросѣ о политической реформѣ активныя общественныя силы держатся довольно компактной массой, распола-

гающейся, несомнѣнно, лѣвѣе тѣхъ программъ и партій, съ которыми мы имѣли до сихъ поръ дѣло. Это и понятно. Политическое развитіе страны было слишкомъ на долго задержано,—и теперь чувствуется потребность въ очень большомъ шагѣ, даже въ цѣломъ скачкѣ. Консервативные и умѣренные элементы въ обществѣ при такихъ условіяхъ не могутъ быть многочисленны и вліятельны. Русское представительство, если оно хотя бы съ приблизительною точностью отразитъ имѣющіяся въ странѣ теченія, несомнѣнно, окажется—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ—радикальнымъ.

Нельзя, однако, думать, что всѣ силы, идущія достаточно далеко въ своихъ политическихъ пожеланіяхъ, составятъ, въ концѣ концовъ, одну партію. Въ этой средѣ неизбѣжно свое разслоеніе. Въ скрытомъ видѣ оно существовало, конечно, съ самаго начала; теперь же оно начинаетъ обозначаться и снаружи.

Уже въ настоящее время нѣкоторые вопросы являются спорными. Таковы, напримѣръ, вопросы объ одно-и двух-палатной системѣ представительства, о женскомъ избирательномъ правѣ и нѣкоторые другіе. Съ теченіемъ времени ихъ станетъ еще больше. Въ конечномъ счетѣ различное отношеніе къ нимъ дастъ и въ политическомъ отношеніи существенно-различныя программы. Не на политической, однако, почвѣ, нужно думать, произойдетъ самое дифференцированіе лѣвыхъ партій. Главную роль сыграетъ въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, вопросъ соціальный.

Было время, когда политическая проблема настолько выдвинулась впередъ, что въ обществѣ появилась склонность думать, что ею только и ограничиваются «потребности минуты». Всѣ другія проблемы, казалось, могутъ быть отложены на-послѣ, до того момента, когда будетъ осуществлена политическая реформа. «Соціальныя противорѣчія на время должны быть забыты»,—писала одна изъ демократическихъ газетъ *) не далѣе, какъ въ ноябрѣ

*) „Сынъ Отечества“, № 1. По отношенію къ другой изъ возникшихъ въ то время газетъ—къ „Нашей Жизни“—была сдѣлана сознательная попытка поставить ее именно какъ „экклектическій“ органъ, могущій объединить всѣхъ сторонниковъ политической реформы. Что касается соціально-экономическихъ вопросовъ, то они должны были—по этому плану—служить темой для свободнаго, внѣпартійнаго обсужденія на столбцахъ газеты. Но эта мысль на первомъ же, созванномъ редакторомъ-издателемъ, собраніи

1904 года. Этотъ lapsus, вполнѣ возможный въ спѣшномъ газетномъ дѣлѣ и немедленно сознанный, какъ таковой, газетою, тѣмъ не менѣе представляется для того момента въ высшей степени характернымъ. На почвѣ этого настроенія и создалось освободженское движеніе. То же настроеніе окрасило собою банкеты и породило союзы. Послѣдніе, впрочемъ, уже сознаютъ необходимость осложнить свои политическія «резолюціи» соціальныхъ моментомъ. Но и за всѣмъ тѣмъ нѣкоторые до сихъ поръ не теряютъ надежды удержать участвующія въ борьбѣ за политическую реформу силы подъ однимъ знаменемъ. Отсюда и эти попытки создать «общеземскую» партію, и эти усилія найти общую для «большинства» участвующихъ въ освободительномъ движеніи силъ «конституціонно-демократическую» платформу.

Однако уже январскіе дни показали, что соціальныя противорѣчія ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть забыты. Правда, на первый взглядъ могло казаться,—а нѣкоторымъ, можетъ быть, и до сихъ еще поръ кажется,—что рабочее движеніе нашло себѣ поддержку даже среди фабрикантовъ и заводчиковъ, хотя бы въ видѣ тѣхъ записокъ, какія подъ впечатлѣніемъ январскихъ событій различными ихъ группами были представлены высшему правительству. Но поддерживая политическія требованія рабочихъ, предприниматели въ то же время вели упорную борьбу съ ними на экономической почвѣ. Нѣкоторыя и при томъ наиболѣе важныя требованія рабочихъ они—и при томъ подчасъ въ составѣ тѣхъ же самыхъ группъ, которыя подавали «записки»,—объявили «совершенно непріемлемыми». Больше того. Рѣзко осуждая въ своихъ запискахъ бюрократію, они не отказывались и не отказываются идти съ нею рука объ руку въ рабочемъ вопросѣ. Такимъ образомъ, и политическая ихъ роль оказывается двусмысленной: они готовы занять всякую позицію, лишь бы отклонить угрожающій имъ ударъ въ экономической сферѣ. Этимъ, конечно, и объясняется то, на первый взглядъ очень странное, обстоятельство, что предприниматели въ политической борьбѣ, какъ классъ,

---

петербургскихъ литераторовъ была подвергнута рѣшительной критикѣ. Соціальный вопросъ—какъ тогда уже указывали многіе—очень скоро долженъ выдвинуться въ качествѣ очередной задачи, и отсутствіе у газеты опредѣленныхъ взглядовъ по этому предмету можетъ, породивъ смуту въ умахъ читателей, лишь повредить движенію.

остались необъединенными. Они разбрелись въ сущности по разнымъ партіямъ отъ «монархической» и вплоть до «конституціонно-демократической». Одни изъ нихъ все еще вѣрятъ въ бюрократію, другіе надѣются укрыться за «самобытной формой», третьи готовы прибѣгнуть къ помощи «западно-европейской теоріи». Но гдѣ бы они ни оказались, борьба съ рабочими неизбѣжна. Рабочее движеніе все растетъ и крѣпнетъ. Затяжной характеръ, какой получило оно, свидѣтельствуетъ, что это не случайная вспышка, что это кризисъ, что это одна изъ самыхъ важныхъ пертурбацій, какія переживаетъ и должна будетъ пережить страна.

Крестьянское движеніе еще сильнѣе подчеркнуло значеніе экономики. Съ появленіемъ массъ на сценѣ совершенно явственно обозначился двойственный характеръ движенія: общество въ цѣломъ борется съ бюрократіей и въ то же время внутри общества идетъ борьба между классами. Въ верхнихъ этажахъ люди озабочены больше всего тѣмъ, чтобы сломать стѣсняющія личность перегородки, внизу же главныя усилія направлены къ тому, чтобы пробить придавившіе массу своды. Въ сознаніи рабочихъ, и въ особенности крестьянства, экономическій моментъ рѣшительно превалируетъ надъ политическимъ. Отдѣлить соціальную проблему отъ политической поэтому совершенно немыслимо: ихъ неизбѣжно придется рѣшать вмѣстѣ.

Да и нигдѣ «реформа»,—въ томъ, по крайней мѣрѣ, масштабѣ, въ какомъ приходится осуществлять ее намъ,—не ограничивалась перестройкой однихъ политическихъ учрежденій; вездѣ она сопровождалась болѣе или менѣе существенными преобразованіями и въ сферѣ соціальныхъ отношеній. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, какіе классы учтутъ ее въ свою пользу. И въ этомъ отношеніи наше положеніе представляется дѣйствительно особымъ. Буржуазія во Франціи, напримѣръ, при однородныхъ условіяхъ занимала наступательную позицію, у насъ же, какъ я уже говорилъ, она должна обороняться. И состояніе общественной мысли, и самосознаніе массъ едва ли позволятъ ей безъ помѣхи продѣлать обычную въ такихъ случаяхъ операцію: чужими руками загрести весь жаръ въ свою пользу.

Во всякомъ случаѣ партіи, желающія въ предстоящихъ преобразованіяхъ опереться на массу, не могутъ ограничиться чисто

политической платформой. Онѣ должны включить въ свои программы тѣ или иныя соціально-экономическія реформы *).

XV. Ворона все мокнетъ.

Іюнь.

Въ дѣтствѣ я не прочь былъ слушать сказки, вродѣ сказки «Про бѣлаго бычка», или пѣсенки, какъ, напримѣръ: «У попа была собака». Изъ произведеній этой своеобразной словесности—помню—особенно любилъ я «Ворону»:

Иду я,
Вижу я:
На мосту ворона сохнетъ;
Взялъ ворону я за хвостъ;
Положилъ ее подъ мостъ—
Пусть теперь ворона мокнетъ!
Иду я,
Вижу я:
Подъ мостомъ ворона мокнетъ;
Взялъ ворону я за хвостъ,
Положилъ ее на мостъ—
Пусть теперь ворона сохнетъ!
Иду я,
Вижу я:
На мосту ворона сохнетъ;
И т. д.

Но это было въ дѣтствѣ. Взрослому же человѣку отъ такихъ вещей прямо нудно становится. Вопросъ же о народномъ представительствѣ напоминаетъ именно эту ворону, которая то сохнетъ, то мокнетъ.

Онъ движется такъ медленно,—съ остановками, съ попятными отступленіями, — что порою кажется, не перекладывается ли онъ только съ мѣста на мѣсто. 15 іюля и 9 января, Мукденъ и Цусима... историкъ отмѣтитъ эти моменты и многіе другіе; отмѣтитъ—

---

*) Рядъ послѣдующихъ очерковъ былъ посвященъ мною крестьянскому движенію и аграрной проблемѣ. Они выдѣлены мною въ особую книжку (См. «Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ». Спб. 1906 г.).

и ужаснется количеству пролитой крови. Каждый шагъ, прежде чѣмъ онъ сдѣланъ, заливается кровью, и теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что весь путь къ свободѣ будетъ кровавый. Вотъ и опять: Лодзь и Одесса... А бюрократія перекладываетъ да перекладываетъ себѣ «ворону».

Но что особенно удручаетъ—это чисто дѣтское отношеніе, какое до сихъ поръ проявляетъ въ значительной своей части русское общество къ этимъ бюрократическимъ манипуляціямъ. Давно ли почти вся печать съ восторгомъ возглашала: «сохнетъ, ворона, сохнетъ!» Потомъ насталъ продолжительный періодъ унынія: «ворона мокнетъ». Теперь опять восторги: «сохнетъ!»

Начавъ «новую эру» съ 18 февраля, газеты перенесли уже ее на 6 іюня—день пріема государемъ земской депутаціи:

«Это новый огромный шагъ на пути политической реформы, долженствующей подвести незыблемый фундаментъ подъ все зданіе нашей государственности и дать послѣдней новыя формы» (Новое Время»).

„Рѣшительными, не допускающими сомнѣнія, словами Государя положенъ конецъ всякимъ колебаніемъ администраціи въ отношеніи толкованія возвѣщенныхъ отъ имени Монарха государственныхъ реформъ... Этими словами предупреждаются всякія попытки искусственнаго подбора представительства, устраненія отъ него отдѣльныхъ частей населенія, противодѣйствія свободѣ предвыборной агитаціи, воздѣйствія на печать путемъ примѣненія ст. 140 устава о печати и ст. 129 уголовнаго уложенія и т. д... Итакъ да будетъ день 6-го іюня историческимъ днемъ" („Новости")...

„Наконецъ свершился великій, торжественный мигъ... Слова Государя подтверждаютъ, что стремленія лучшихъ сыновъ родины никогда не противорѣчили желаніемъ Верховной власти, и что лучшія желанія народа есть въ то же время и желанія Царя. Отнынѣ никто не посмѣетъ встать между ними... Отнынѣ никакіе циркуляры, никакія запрещенія гг. губернаторовъ не рѣшатся тормозить выполненіе Царской воли, какъ это, къ сожалѣнію, случилось съ Высочайшимъ указомъ 18 февраля... „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ!" („Слово").

„Итакъ совершилось!.. Ледъ растаялъ. На порогѣ быстро воцаряющейся новой эры каждый смѣлый взмахъ крыльевъ выше и выше подымаетъ въ прояснившееся небо, откуда уже цвѣтнымъ ковромъ обрисуется жизнерадостно просыпающаяся Русь" („Разсвѣтъ").

Такъ привѣтствовала столичная печать «зарю новой жизни» («Биржевыя Вѣдомости»). Правда, нѣкоторые органы сумѣли на этотъ разъ воздержаться отъ восторговъ, но и въ нихъ все-таки промелькнула какая-то надежда, что «отнынѣ» что-то «не можетъ имѣть мѣста», что-то должно пойти иначе.

«Отнынѣ», однако, ничего не измѣнилось. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ всѣмъ стало ясно, что ворона опять мокнетъ. 140-я статья устава о цензурѣ и печати функціонируетъ, какъ ни въ чемъ не бывало,—и за эти нѣсколько дней уже двѣ газеты («Русь» и «Вечерняя Почта») испытали ея карающую силу. Что касается ея предупреждающихъ функцій, то онѣ тоже не разъ уже за эти дни о себѣ напомнили, напомнили даже въ связи съ пріемомъ депутаціи. Въ остальныхъ своихъ частяхъ цензурный уставъ тоже дѣйствуетъ: «Русское Слово» получило предостереженіе и воспрещеніе розницы, послѣдняя книга «Русской Мысли» арестована, «Сынъ Отечества», по прежнему, выходитъ не періодически, а когда разрѣшитъ начальство...

Цензурная опека—говорятъ „Русскія Вѣдомости"—снова расправила свои крылья и закрыла уста русской печати... Оказывается, что есть и сейчасъ у нашей бюрократіи какія-то тайны... Какъ будто не всѣ еще онѣ раскрыты на поляхъ Манчжуріи, на улицахъ русскихъ городовъ, въ сознаніи всего русскаго народа...

Съ «судебными гарантіями» «отнынѣ» тоже не произошло ничего особеннаго. Сотыя статьи новаго уголовнаго уложенія не только сохранили свою силу, но все чаще и чаще находятъ себѣ поддержку въ 17 ст. положенія объ усиленной охранѣ и въ 279 статьѣ воинскаго устава о наказаніяхъ. Обвиняемые въ политическихъ преступленіяхъ все чаще и чаще предаются военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени, съ примѣненіемъ наказанія въ 279 статьѣ предусмотрѣннаго, т. е. смертной казни чрезъ повѣшеніе.

Впрочемъ, что значатъ отдѣльныя статьи и отдѣльныя лица въ наше время. Городъ за городомъ, губернія за губерніей переводятся на «военное положеніе». Это уже не «усиленная» и даже не «чрезвычайная» охрана, терпятъ уже не одни «крамольники». Всѣ жители разсматриваются какъ непріятели и съ ними поступаютъ, воистину, по непріятельски. Впрочемъ, и въ международной войнѣ не бываетъ тѣхъ ужасовъ, какія происходятъ во внутренней. Тамъ, вѣдь, они воспрещены международными конвенціями, здѣсь же и этой защиты нѣтъ даже у мирнаго обывателя.

Если бы сотрудникъ «Разсвѣта» дѣйствительно сдѣлалъ «смѣлый взмахъ крыльями», то едва ли бы онъ попалъ «въ прояснившееся небо». Послѣ 6 іюня тучи сгустились еще болѣе, гроза сдѣ-

лалась еще ужаснѣе. Про цвѣтной же коверъ, какимъ обрисовалась бы передъ нимъ Русь, едва ли и говорить нужно.

«Отнынѣ» ничего не измѣнилось. Да и не могло измѣниться.

«Увѣренность намъ даетъ — писали «Новости» — слово Государя, что «привлеченіе выборныхъ людей къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно». Сама депутація, повидимому, въ этихъ именно словахъ видитъ доказательство успѣшнаго выполненія ею своей миссіи. Когда графа Гейдена спросили, былъ ли во время аудіенціи разговоръ о томъ, какой характеръ будетъ носить будущее учрежденіе—законодательный или совѣщательный,— онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, объ этомъ ничего сказано не было, но для насъ вѣдь ясно, какое направленіе приметъ оно въ концѣ концовъ. Вообще мы уѣзжаемъ вполнѣ удовлетворенные, съ сознаніемъ, что успѣшно выполнили нашу миссію...

Такое же впечатлѣніе вынесли, повидимому, и другіе депутаты.

Мы—докладывалъ А. Н. Никитинъ въ петербургской думѣ—въ царскихъ словахъ получили увѣренность, что желанная реформа будетъ выполнена правильно. Это значитъ, что народное представительство будетъ въ самомъ дѣлѣ всенароднымъ, а не узкосословнымъ или національнымъ; что въ немъ данъ будетъ голосъ всѣмъ племенамъ и народамъ, населяющимъ обширную, могущественную Россійскую Имперію безъ различія сословія, вѣроисповѣданія или національности. Таково общее желаніе всей дѣйствующей и мыслящей Россіи. А когда русское общество получитъ всѣ эти желанныя блага, когда у насъ будетъ гарантирована свобода союзовъ, собраній, слова, совѣсти, печати, неприкосновенность жилищъ, отмѣна паспортной системы, тогда начнется новая и плодотворная общественная работа на благо и могущество русскаго царя и всѣхъ его вѣрноподанныхъ.

«Привлеченіе выборныхъ людей къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно». Но какой же другой отвѣтъ могъ ожидаться отъ государя? Неужели же кто-нибудь ожидалъ, что онъ скажетъ, что это дѣло будетъ выполнено *неправильно*. Вѣдь это только приживалки, разносящія въ пузырькахъ «тьму египетскую», могутъ думать, что есть такія страны, гдѣ прямо такъ-таки и пишутъ:

— Суди меня, судія неправедный!

Субъективно государь, конечно, былъ и будетъ убѣжденъ, что онъ поступитъ правильно. Весь вопросъ вѣдь заключался и за-

ключается въ томъ, какимъ путемъ государь думаетъ направить дѣло государственнаго устроительства,—тѣмъ ли, который бюрократія считаетъ правильнымъ, или тѣмъ, который правильнымъ считаетъ общественное мнѣніе. Какой именно изъ этихъ двухъ рѣзко разнящихся путей самъ государь считаетъ правильнымъ?

«Объ этомъ—говоритъ графъ Гейденъ — ничего сказано не было». Но, очевидно, онъ ошибается. По крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи государемъ былъ данъ достаточно опредѣленный отвѣтъ. Онъ говорилъ о представительствѣ, «отвѣчающемъ самобытнымъ русскимъ началамъ». Въ печати была сдѣлана попытка истолковать, что и конституція не противорѣчитъ «самобытнымъ началамъ». Я думаю, однако, что пора уже бросить эту скверную привычку толковать слова государя такъ, какъ хочется. Нужно принимать фактъ, какъ онъ есть, а «самобытная форма» никогда не была и не будетъ синонимомъ «западно-европейской теоріи».

Впрочемъ, и толковать въ настоящее время уже нечего. Государь сказалъ: «я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ». Стало быть, принимая депутацію, онъ былъ въ курсѣ тѣхъ подготовительныхъ работъ, какія были выполнены по этому вопросу подъ руководствомъ г. министра внутреннихъ дѣлъ. Слѣдитъ онъ, конечно, и за обсужденіемъ составленнаго послѣднимъ проекта въ совѣтѣ министровъ. Извѣстно же, какъ рѣзко этотъ проектъ расходится съ тѣми общественными пожеланіями, какія должна была изложить депутація, и при томъ расходится не только по вопросу о характерѣ, какой должно имѣть представительное собраніе, но и по другому кардинальному вопросу—объ избирательной системѣ.

Авторъ проекта,—говорятъ «Русскія Вѣдомости», резюмируя содержаніе послѣдняго, — какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, далекъ отъ мысли, составляющей лозунгъ современнаго политическаго движенія—отъ мысли, что представителямъ страны долженъ принадлежать рѣшающій голосъ въ законодательной работѣ. Поэтому проектируемой государственной думѣ отводится въ общей системѣ управленія мѣсто даже не наравнѣ съ государственнымъ совѣтомъ, а много менѣе значительное. Въ нее предполагается вносить на предварительное обсужденіе тѣ же вопросы, которые подлежатъ разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ. Но, во-первыхъ, всѣ они и въ будущемъ, какъ это нерѣдко случается въ наши дни, могутъ разрѣшаться помимо не только государственной думы, но и государственнаго совѣта, — проектъ не воздвигаетъ никакихъ преградъ этому законодательному творчеству внѣ «установленнаго законодательнаго порядка», — а, во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и прежде всего въ бюджетномъ дѣлѣ, какъ это прямо

указано въ проектѣ, министры, проводя свои предположенія чрезъ государственный совѣтъ, легко могутъ обойтись безъ содѣйствія государственной думы. Другой капитальный вопросъ—организація представительства. Избирательная система, по проекту, разсматриваемому совѣтомъ министровъ, основана на цензѣ (размѣры его пока неизвѣстны), на сословномъ началѣ, даже въ той версіи, которая называется «безсословная система», на многостепенности выборовъ (по общему правилу трехстепенные, для крестьянъ даже четырехстепенные). Словомъ, съ этой стороны проектъ не отвѣчаетъ ни одному изъ тѣхъ началъ, на которыхъ строится народное представительство въ громадномъ большинствѣ проектовъ, исходящихъ отъ общественныхъ группъ и частныхъ лицъ...

Что касается «предварительныхъ гарантій», о которыхъ г. Никитинъ такъ увѣренно говорилъ въ петербургской думѣ, то мы уже видѣли, каковы они были и продолжаютъ быть въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, трудно даже понять, какимъ это образомъ депутація вынесла убѣжденіе, что она «успѣшно выполнила свою миссію». Изъ сказанного ясно, что слѣдуетъ говорить о фіаско, которое она потерпѣла. «Государь—какъ говоритъ «Гражданинъ»—сдѣлалъ то, что французы называютъ donner le change, и сдѣлано это было мастерски». Во всякомъ случаѣ нельзя и думать, — а именно такъ старались представить дѣло нѣкоторыя газеты, — что 6 іюня произошло «объединеніе Царя съ Землею». Напротивъ, въ этотъ день была лишь констатирована существенная разница между взглядами верховной власти и мнѣніемъ той части русскаго общества, изъ среды которой явилась депутація.

Съ извѣстной точки зрѣнія это событіе, пожалуй, и можно назвать «историческимъ фактомъ», но ни въ коемъ случаѣ не «новой эрой».

Эра продолжается прежняя: «ворона мокнетъ».

XVI. Лебедь, щука и волъ.

Іюль.

Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу статьи г. Николая — она: «Наше общественное пробужденіе» *). Задача,

*) Николай — онъ. Наше общественное пробужденіе съ соціально-экономической точки зрѣнія. «Русское Богатство». 1905 г. кн. 6 и 7.

которую поставилъ себѣ уважаемый авторъ, представляется въ высшей степени существенной. Уяснить общій смыслъ захватившихъ насъ событій — ихъ причину и общее направленіе — чрезвычайно важно не только съ научной, но и съ практической стороны.

Важная и безусловно своевременная задача представляется, однако, въ настоящую минуту въ высшей степени трудной. Мы слишкомъ близки къ событіямъ, намъ трудно окинуть ихъ однимъ взглядомъ и невозможно соизмѣрить ихъ даже перспективнымъ масштабомъ. Въ зависимости отъ разныхъ точекъ зрѣнія — болѣе или менѣе удачно выбранныхъ — можно, конечно, уяснить себѣ большую или меньшую долю истины, но все увидѣть, все высмотрѣть едва ли возможно. Помимо этого, задача истолкованія происходящихъ событій представляется тѣмъ болѣе трудной, что циклъ ихъ далеко еще не завершился. Вскрываются новыя обстоятельства, совершаются новые акты, появляются новыя силы...

Переживаемый Россіею кризисъ авторъ подвергъ разсмотрѣнію «съ соціально-экономической точки зрѣнія». Едва ли нужно даже говорить, какія громадныя преимущества она имѣетъ предъ всѣми остальными. Вставъ на эту точку зрѣнія, наблюдатель получаетъ возможность охватить своимъ взглядомъ наибольшую часть происходящаго движенія и вширь и вглубь. Едва ли, однако, было бы правильно причину переживаемаго страною кризиса сводить всецѣло къ факторамъ хозяйственнаго порядка. Оставаться все время исключительно на этой точкѣ зрѣнія, значило бы завѣдомо ограничивать свой кругозоръ, рискуя не только не понять, но и не увидѣть очень многихъ и крайне важныхъ изъ подлежащихъ изученію явленій. Отмѣчу хотя бы такой, достаточно уже опредѣлившійся, фактъ. На окраинахъ – въ Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ и на Кавказѣ — движеніе все время имѣетъ болѣе интенсивный характеръ, чѣмъ внутри Россіи. До извѣстной степени это объясняется, конечно, болѣе глубокими измѣненіями въ ихъ хозяйственномъ строѣ. Едва ли, однако, крестьянское движеніе въ остзейскихъ губерніяхъ получило бы такую силу и едва ли бы оно объединило такіе разнообразные въ хозяйственномъ отношеніи элементы, если бы оно не было вмѣстѣ съ тѣмъ движеніемъ латышей противъ исконныхъ ихъ угнетателей — нѣмцевъ. Едва ли бы движеніе въ Польшѣ было такимъ всеобщимъ, если бы не исключительное ея положеніе въ общероссійскомъ строѣ, объясняемое, какъ извѣстно,

политическими, а не хозяйственными причинами. Наконецъ, движеніе на Кавказѣ едва ли было бы такимъ рѣзкимъ, если бы опять таки не политическое положеніе этой «замиряемой» въ теченіе многихъ уже десятилѣтій окраины и если бы не взаимные національные счеты, которые такъ сильно осложнили тамъ общій кризисъ. Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что не только классовое, но и національное самосознаніе играютъ видную роль въ послѣднемъ. Укажу другой фактъ: евреи, и по собственному ихъ признанію и по наблюденіямъ департамента полиціи, особенно энергично подчеркивающаго это обстоятельство въ своихъ сообщеніяхъ, принимаютъ наиболѣе дѣятельное участіе въ освободительномъ движеніи. Это, конечно, и понятно въ виду исключительнаго по своей безправности положенія данной группы населенія. Еврейскій вопросъ одинъ изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ въ Россіи. Но трудно даже сказать, какой это вопросъ: религіозный, національный или расовый; несомнѣнно одно, что не хозяйственный. Неоднократныя попытки сторонниковъ экономическаго матеріализма подвести подъ него базисъ производственныхъ отношеній и объяснить все дѣло, напримѣръ, какими то классовыми интересами христіанской буржуазіи, съ одной стороны, и еврейской — съ другой, были столь неудачны, что даже останавливаться на нихъ не стоитъ. Можно было бы указать цѣлый рядъ другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что движеніе, какимъ охвачена страна, ни въ коемъ случаѣ нельзя свести, — если, конечно, въ этихъ изысканіяхъ не заходить въ глубь доисторическихъ временъ, — къ одному лишь экономическому первоисточнику. Несомнѣнно, что въ немъ нашли себѣ выраженіе не только хозяйственныя потребности населенія, но также его культурные, религіозные и многіе другіе запросы. Съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, какой всесторонній характеръ имѣетъ переживаемый нами кризисъ. Безъ числа умножившіяся и донельзя обострившіяся народныя нужды, слились въ одинъ потокъ неудержимой силы. Одинъ за другимъ возникавшіе, быстро назрѣвавшіе и безконечно долго откладывавшіеся государственные вопросы сплелись въ одинъ огромный узелъ. И этотъ узелъ нельзя распутать, если мы все время будемъ слѣдить за одной лишь, хотя бы и самой длинной, изъ спутавшихся въ нихъ нитей.

Но и съ соціально-экономической точки зрѣнія, на которой

всѳ время остается г. Николай — онъ, движеніе представляется въ настоящее время несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ какимъ оно могло казаться еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въ своей статьѣ почтенный авторъ слѣдитъ, главнымъ образомъ, за тѣмъ, что оказалось въ немъ общимъ для всѣхъ классовъ. «Всѣ требованія и пожеланія, — говоритъ онъ, — замѣчательно однообразны». «Такъ какъ рѣшительно всѣ общественные слои и профессіи,—поясняетъ онъ,—чувствуютъ на себѣ гнетъ бюрократіи и невозможность общественнаго развитія при подавленіи личной и общественной иниціативы, то всѣ они при всякомъ удобномъ случаѣ выражаютъ тѣ же пожеланія и требованія». «Сила событій, историческая необходимость объединила въ настоящее время всѣ классы націи въ одномъ требованіи свободы самоопредѣленія». Это требованіе такъ рѣзко выдвинулось на первый планъ, что еще недавно многимъ казалось, что въ немъ-то и заключается вся сила. Казалось, что всѣ классы ощущаютъ потребность сдвинуть съ мѣста застрявшій историческій возъ и что они дѣйствительно «дружно всѣ въ него впряглись».

Но это *общее*, что было и есть въ движеніи, съ каждымъ днемъ все больше и больше осложняется тѣмъ *разнымъ*, что стремятся внести участвующія въ немъ силы. «Всѣ въ него впряглись»—и, если всмотрѣться внимательно, то на этомъ въ сущности «общее» и кончается. А дальше, какъ въ баснѣ:

Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ,
А щука тянетъ въ воду.

Изъ этой троицы заниматься ракомъ сейчасъ я совсѣмъ не буду. Его роль для всѣхъ очевидна. Скажу только, что его нельзя отождествлять исключительно съ бюрократіей, что какъ будто бы слѣдуетъ изъ схемы, набросанной г. Николаемъ — ономъ. Теперь уже достаточно выяснилось, что имѣются и «общественные слои», которые желали бы двинуть исторію въ обратномъ направленіи.

Участіе русской интеллигенціи въ движеніи не менѣе важно и не менѣе очевидно, хотя до сихъ поръ ея роль многимъ представляется сомнительной или двусмысленной. Правда, еще недавно въ непроглядной темнотѣ совсѣмъ почти не было видно этого «лебедя» движенія, да и сейчасъ наиболѣе сильные и энергичные

взмахи его крыльевъ можно видѣть и слышать только въ свѣтѣ молній, подъ гулъ громовыхъ раскатовъ. Но онъ первый «впрегся» и все время буквально «рвется» въ надъоблачную высь,—туда, гдѣ вѣчно свѣтитъ солнце. Не будь его, ракъ и щука, можетъ быть, втянули бы страну и не въ такую еще пучину бѣдствій.

Г. Николай—онъ отнюдь не принадлежитъ къ тѣмъ, которые отрицаютъ значеніе интеллектуальнаго фактора въ исторіи. Онъ хорошо знаетъ, что «съ развитіемъ общества... развиваются общественныя силы, стоящія болѣе или менѣе внѣ арены борьбы чисто хозяйственныхъ общественныхъ классовъ»; онъ знаетъ, что эти силы способствуютъ «уясненію и пониманію тѣхъ условій, при наличности которыхъ только и возможно развитіе общественности»; содѣйствуя развитію классоваго самосознанія онѣ служатъ развитію все той же «общественности въ широкомъ смыслѣ слова». Но оперируя надъ данными далеко еще не опредѣлившагося общественнаго движенія, авторъ, какъ я думаю, отнесъ на счетъ «стихійнаго» классоваго самосознанія довольно много такого, что въ сущности сдѣлано этими именно внѣхозяйственными силами.

Въ самомъ дѣлѣ, вернемся къ его тезису: «всѣ требованія и пожеланія замѣчательно однообразны»... Я уже сказалъ какъ г. Николай—онъ объясняетъ это однообразіе. Приведу, впрочемъ, еще одно мѣсто изъ его статьи. «Такъ какъ каждый изъ обособившихся классовъ населенія—говоритъ онъ—находится въ болѣе или менѣе одинаковомъ положеніи по отношенію къ бюрократіи, каждый изъ нихъ чувствуетъ на себѣ ея вліяніе, хотя и не въ равной степени, такъ какъ подъ вліяніемъ новыхъ стихійныхъ условій стихійно развилось классовое самосознаніе, дѣятельное проявленіе котораго встрѣчало препятствіе со стороны бюрократіи, другими словами, такъ какъ всѣ общественные классы встрѣчали препятствіе своему общественному развитію, то неудачи неизвѣстно съ какой цѣлью начатой бюрократіей войны со всѣми ея ужасами, со всѣми жертвами, которыя приходится приносить народу и лично, и имущественно, объединили всѣ классы народа, какъ бы различны ни были интересы каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, на одномъ требованіи—свободнаго самоопредѣленія». Не стану повторять, что «однообразіе» не такъ ужъ замѣчательно, какъ это могло казаться автору, когда онъ писалъ свою статью. Главное же, и то «общее», что дѣйствительно имѣется «въ требованіяхъ и пожеланіяхъ», какъ

можно думать, достигнуто совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ это полагаетъ г. Николай—онъ. Не слишкомъ ли шатко его построеніе, возведенное на такомъ зыбкомъ фундаментѣ, какъ выставленное имъ положеніе, что каждый обособившійся классъ находился въ одинаковомъ положеніи по отношенію къ бюрократіи? Вѣдь ему самому пришлось допустить оговорки: «болѣе или менѣе», «не въ равной степени»... Буржуазія, напримѣръ, какъ мы знаемъ, почти вовсе не встрѣчала препятствій со стороны бюрократіи къ дѣятельному проявленію своего классоваго самосознанія. Откуда же въ ея требованіяхъ и пожеланіяхъ взялось то «общее», что насъ въ данную минуту интересуетъ? Не слѣдуетъ ли допустить, что это «общее», хотя отчасти, сложилось подъ вліяніемъ той внѣхозяйственной силы, о которой было упомянуто выше? Я говорю *отчасти* и подчеркиваю это слово, ибо ниже укажу другой, несравненно болѣе важный факторъ, обусловившій участіе буржуазіи въ «общихъ» требованіяхъ и пожеланіяхъ.

Интеллигенція, какъ моральная и интеллектуальная общественная сила, существуетъ вѣдь не только въ концентрированномъ, но, если можно такъ выразиться, и въ разлитомъ видѣ. «Общественный психическій типъ» интеллигента въ своемъ чистомъ видѣ встрѣчается въ сущности рѣдко. Впрочемъ и другіе чистые типы не менѣе рѣдки,—это, какъ кто-то выразился, своего рода «бѣлые вороны». Возьмите хотя бы типъ пролетарія. Загляните въ душу зауряднаго рабочаго: какую массу чисто буржуазныхъ чувствъ, склонностей и воззрѣній вы въ ней найдете! Элементы пролетарской психологіи у громаднаго большинства лицъ изъ рабочаго класса перемѣшаны съ другими, не только не имѣющими ничего съ ними общаго, но и прямо имъ противоположными. Рабочіе съ чисто пролетарской душой очень еще немногочисленны. Немногочисленны и интеллигенты, всецѣло отдавшіе себя служенію «общественности въ широкомъ смыслѣ этого слова». Но элементы интеллигентности присущи очень уже многимъ людямъ, изъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ,—и изъ среды рабочихъ, и изъ среды буржуазіи.

Однимъ они, конечно, присущи въ большей степени, другимъ—въ меньшей. И даже одинъ и тотъ же человѣкъ въ разное время проявляетъ далеко неодинаковую отзывчивость къ интересамъ «общественности». Въ качествѣ примѣра укажу хотя бы на учащуюся

молодежь, которая такъ близко принимаетъ къ сердцу эти интересы, а потомъ, разойдясь по разнымъ тепленькимъ мѣстамъ, быстро утрачиваетъ всѣ черты интеллигентности.

Нѣтъ ничего мудренаго, что и въ «буржуазныхъ» собраніяхъ, созывавшихся для выраженія всякаго рода «пожеланій и требованій», могли получить преобладаніе мотивы, не имѣющіе ничего общаго съ хозяйственными разсчетами. «Неудачи неизвѣстно съ какою цѣлью начатой бюрократіей войны со всѣми ея ужасами, со всѣми жертвами, которыя приходится приносить народу и лично и имущественно» всколыхнули во многихъ, быть можетъ, заглохшія чувства и заставили ихъ включить въ свои требованія такія вещи, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ хозяйственнымъ интересамъ и даже находятся въ противорѣчіи съ ними. Не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ виду, что «общее» въ требованіяхъ и пожеланіяхъ сводится главнымъ образомъ къ «свободѣ самоопредѣленія», потребность въ которой особенно сильно ощущаетъ не буржуазія, а именно интеллигенція.

По отношенію къ нѣкоторымъ «профессіямъ», относимымъ обыкновенно къ буржуазіи, мое предположеніе можно высказывать съ полною увѣренностью: въ требованіяхъ и пожеланіяхъ адвокатовъ, инженеровъ, врачей и т. д., несомнѣнно, сказался не хозяйственный классъ, а существующая внѣ хозяйственныхъ отношеній интеллигенція. Но и по отношенію даже къ такой средѣ, какъ среда крупныхъ промышленниковъ, мое предположеніе нельзя считать слишкомъ рискованнымъ. Мѣсяца два тому назадъ умеръ крупный фабрикантъ, смерть котораго породила разные толки въ обществѣ. Говорятъ, что этотъ далеко не старый еще человѣкъ передъ смертью пережилъ тяжелую душевную драму. Высказывавшійся на всѣхъ собраніяхъ въ высшей степени либерально, оказывавшій даже матеріальную поддержку радикальнымъ «требованіямъ», онъ не перенесъ испытанія, когда тѣ же самыя требованія предъявили къ нему рабочіе его собственной фабрики. Допустимъ даже, что эта драма вымышлена. Во всякомъ случаѣ элементы ея имѣются въ душѣ уже многихъ представителей капитала. Буржуазная душа уже попорчена,—у однихъ, конечно, больше, у другихъ меньше. И едва ли въ наши дни буржуазія въ цѣломъ можетъ проявить такую жестоковыйность, какую она проявляла въ прежніе вѣка. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ въ своемъ расто-

ряженіи тотъ фактъ, что промышленники выдѣлили изъ своей среды не только г. Найденова, но и Савву Морозова. Разницу въ ихъ отношеніяхъ къ «общимъ» требованіямъ едва ли можно объяснить исключительно разницей въ интересахъ или въ пониманіи ихъ. Вѣроятнѣе другое предположеніе, а именно, что въ душу одного были привнесены извнѣ такія воззрѣнія и чувства, какихъ не оказалось у другого.

Я высказываю свои предположенія, конечно, не за тѣмъ, чтобы попорченную буржуазную душу возвести на пьедесталъ. Совершенно напротивъ: я хочу указать, какъ опасно полагаться на то, что «всѣ классы, какъ бы различны ни были интересы каждаго въ отдѣльности, объединились на одномъ требованіи—свободнаго самоопредѣленія». Ожившія чувства могутъ, вѣдь, заглохнуть, пожеланія и требованія легко могутъ оказаться, да неизбѣжно и окажутся въ противорѣчіи съ реальными интересами. И тогда мы воочію увидимъ, что нѣкоторые классы играютъ въ движеніи роль «щуки».

«А щука тянетъ въ воду»... Это не мое выраженіе. Его употребилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Сѣверянинъ и именно по отношенію къ крупнымъ промышленникамъ.

Присматриваясь попристальнѣе, — говоритъ онъ, — мы безъ труда подъ волнующейся, прорывающейся чрезъ искусственныя плотины жизнью настоящаго момента отличимъ явленія совсѣмъ иного рода и увидимъ, какъ подъ шумъ крупнаго историческаго движенія тысячи и десятки тысячъ дѣловыхъ людей разнаго масштаба „ведутъ свою линію“ и при посредствѣ старыхъ, давно испытанныхъ средствъ усиленно работаютъ ради совершенно тѣхъ же цѣлей, ради которыхъ работали и годъ, и два, и десять лѣтъ назадъ.

Г. Сѣверянинъ приводитъ и факты, наглядно рисующіе, какъ щука тянетъ въ воду, какъ свободные отъ внѣшняго воздѣйствія дѣльцы рвутъ куски за счетъ военныхъ несчастій и даже за счетъ неосуществившихся еще реформъ. Въ «требованіяхъ и пожеланіяхъ» промышленниковъ можно было бы указать не мало любопытнаго. Сейчасъ я отмѣчу однако лишь одно обстоятельство, которое ввело въ заблужденіе даже Николая—она.

«Что главная причина (январской) забастовки—говоритъ между прочимъ онъ — лежала не въ хозяйственныхъ условіяхъ, а въ общихъ, единогласно свидѣтельствуютъ фабриканты и заводчики». Дѣйствительно во всѣхъ почти своихъ заявленіяхъ и петиціяхъ

промышленники неуклонно настаиваютъ, что причина рабочихъ волненій лежитъ всецѣло въ общихъ политическихъ условіяхъ, а не въ ихъ экономическомъ положеніи, что дѣло не въ рабочемъ днѣ, не въ заработной платѣ и не въ другихъ рабочихъ требованіяхъ, а только въ «свободѣ самоопредѣленія». Но развѣ можно опираться на такое свидѣтельство, — на свидѣтельство щуки, увѣряющей, что пискарь вполнѣ доволенъ ея съ нимъ обхожденіемъ? Въ данномъ случаѣ можно вѣрить только самимъ рабочимъ, а въ ихъ требованіяхъ и пожеланіяхъ экономическія нужды несомнѣнно предшествуютъ даже политическимъ. Если же щука увѣряетъ противное, то это значитъ только, что она хоть половину воза желаетъ утянуть въ воду.

Впрочемъ, и по отношенію къ свободѣ самоопредѣленія она все время виляетъ. Фактовъ можно было бы привести много, но я ограничусь однимъ. Промышленники уже собрались въ Петербургѣ, чтобы вмѣстѣ съ бюрократіей — при полномъ отсутствіи представителей отъ рабочихъ — рѣшить рабочій вопросъ. Но въ этотъ самый моментъ разразилась Цусимская катастрофа. Положеніе бюрократіи сдѣлалось очень шаткимъ, дружба съ ней перестала быть заманчивой,—и тогда промышленники предъявили свою знаменитую декларацію: не желаемъ-де обсуждать вопросъ прежде, чѣмъ будутъ собраны народные представители. Бюрократія пережила, однако, трудный моментъ, и вотъ промышленники опять ведутъ съ него какіе-то закулисные переговоры.

Лебедь, щука, ракъ... Читателю можетъ быть уже слышится заключительный аккордъ басни:

...Но только возъ и нынѣ тамъ...

Неужели же возъ такъ и останется, неужели же исторія не двинется? Да! чтобы сдвинуть возъ, нуженъ волъ. Къ счастію, волъ имѣется. Это, конечно, рабочій народъ — подъяремный волъ исторіи.

Медленно и неуклюже, но онъ поднимается все выше и выше. Рано или поздно онъ вташитъ исторію туда, куда такъ страстно рвется лебедь,—въ надъоблачную высь, гдѣ свѣтитъ солнце.

XVII. „Пріобрѣтенная позиція“.

Августъ.

«Свершилось»... «Перевалъ достигнутъ»... «Рубиконъ перейденъ»... «Первый шагъ сдѣланъ»... «Переломъ произошелъ»... «Историческая грань пройдена»... Въ такихъ выраженіяхъ повседневная печать резюмировала значеніе актовъ 6 августа.

«Поворотныхъ пунктовъ» въ русской исторіи газеты за послѣдній годъ отмѣтили уже, какъ извѣстно, не мало: 12 декабря, 18 февраля, 6 іюня... Каждый разъ большинство изъ нихъ начинало «новую эру». Начали они ее и 6 августа, но на этотъ разъ уже безъ увлеченія. На правомъ флангѣ «Учрежденіе Государственной Думы» встрѣтили безъ особаго испуга, на лѣвомъ—безъ всякаго восторга. Даже во вседовольномъ центрѣ никто ни съ кѣмъ не облобызался. И никто тамъ не нашелъ въ себѣ достаточной силы чувства, чтобы сдѣлать «смѣлый взмахъ крыльями» (на что послѣ 6 іюня оказался способнымъ, напримѣръ, сотрудникъ «Разсвѣта») и, «поднявшись въ прояснившееся небо», посмотрѣть оттуда, какимъ «цвѣтнымъ ковромъ обрисуется жизнерадостно просыпающаяся Русь». Попытки перейти въ лирику и даже взять торжественные аккорды, конечно, были. «Осанна, осанна!»—провозгласили «Биржевыя Вѣдомости». Въ націоналистическомъ «Словѣ» г. Сыромятниковъ началъ было славословить не по-еврейски, а по-русски, на манеръ подблюдныхъ пѣсенъ: «Слава государю нашему, слава русскому народу»... Но эти ноты какъ-то сами собою безсильно оборвались.

Не только въ печати, но и вообще въ странѣ учрежденіе Государственной Думы было встрѣчено болѣе, чѣмъ холодно. Телеграфныя агентства, при всемъ ихъ стараніи, ни о какихъ восторгахъ, кромѣ какъ о благодарственныхъ молебствіяхъ по почину губернскихъ властей, да о кое-какихъ ресторанныхъ изліяніяхъ, не сообщили. Самый выдающійся въ этомъ отношеніи фактъ имѣлъ мѣсто въ Москвѣ: содержатель гостиницы «Метрополь», по случаю учрежденія Государственной Думы, поднесъ своимъ гостямъ по бокалу шампанскаго. Впрочемъ, въ Москвѣ полиція догадалась

еще «разрѣшить» *) обывателямъ украсить дома свои флагами и зажечь иллюминацію... Что касается сообщенія телеграфнаго агентства о неописуемомъ восторгѣ, какой новый уфимскій губернаторъ вызвалъ положеніемъ о Государственной Думѣ среди рабочихъ г. Златоуста, то оно, за отдаленностью этого города, до сихъ поръ никѣмъ еще не провѣрено...

Въ этомъ отсутствіи подъема сказалось, конечно, прежде всего утомленіе. По существу ничего, вѣдь, новаго, сравнительно съ 18 февраля и 6 іюня, день 6 августа не принесъ. Повторены лишь ранѣе данныя обѣщанія. Правда, это уже не рескриптъ и не рѣчь, а законъ. Но судьбы законовъ, какъ извѣстно, въ Россіи еще не исповѣдимы. Недавно, напримѣръ, всего лишь 25 іюня 1905 года былъ изданъ законъ—основной законъ—«объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ». Въ этомъ послѣднемъ законѣ между прочимъ говорится:

„Изданіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также измѣненіе, дополненіе, пріостановленіе дѣйствія, отмѣна и преподаваемое высочайшею властью изъясненіе истиннаго разума законовъ и означенныхъ правилъ происходятъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ основными государственными законами“.

Незыблемость основныхъ законовъ подтверждается и въ манифестѣ 6 августа. Между тѣмъ въ нихъ совершенно не предусмотрѣно такого законодательнаго порядка, въ какомъ происходило обсужденіе «Учрежденія Государственной Думы»: не предусмотрѣны въ нихъ ни совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина,—къ слову сказать, составъ коего такъ и остался неизвѣстнымъ,—ни совѣщаніе въ Петергофѣ. Предусмотрѣнъ Государственный Совѣтъ, но онъ, какъ извѣстно, въ разсмотрѣніи актовъ 6 августа не участвовалъ. И если собравшіеся въ «историческое» засѣданіе сената шесть сенаторовъ—больше, какъ из-

*) Я не знаю, въ какой формѣ подобныя „разрѣшенія“ даются въ Москвѣ. Но въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ мнѣ пришлось какъ-то видѣть такую разрѣшительную повѣстку. За „разрѣшеніемъ“ въ ней слѣдовало примѣчаніе: „виновные въ неисполненіи сего распоряженія будутъ подвергнуты штрафу въ 10 руб.“. Если въ Москвѣ практикуется въ такихъ случаяхъ штрафъ, то, конечно, въ размѣрѣ, предусмотрѣнномъ Положеніемъ объ усиленной охранѣ.

вѣстно, по случаю каникулярнаго времени во всѣхъ трехъ департаментахъ не оказалось—постановили всетаки опубликовать эти акты, какъ законъ, то, нужно думать, потому лишь, что не желали задерживать поворотъ въ русской исторіи. Формальную силу новаго «закона», можетъ быть, никто оспаривать и не рѣшится. Но и за всѣмъ тѣмъ нельзя быть увѣреннымъ, что онъ будетъ выполненъ лучше, чѣмъ выполненъ въ данномъ случаѣ законъ 25 іюня и вообще выполняются другіе, въ томъ числѣ и основные, законы.

Отлившись въ форму закона, данныя 18 февраля и 6 іюня обѣщанія пріобрѣли, конечно, большую опредѣленность, но отъ этого въ способности производить впечатлѣніе нисколько не выиграли. Совершенно напротивъ. Раньше ихъ можно было по крайней мѣрѣ подвергать истолкованіямъ. Такъ 6 іюня, какъ извѣстно, было обѣщано, что «привлеченіе выборныхъ людей къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно». Это и давало нѣкоторымъ основаніе надѣяться, что важнѣйшія общественныя пожеланія, высказанныя земскою депутаціею и еще яснѣе формулированныя въ безчисленномъ рядѣ резолюцій и постановленій, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ будутъ удовлетворены. «Учрежденіе Государственной Думы» лишь разрушило эти иллюзіи. Въ первыхъ же строкахъ читатели встрѣтили «старыя условныя фразы, старые, всѣмъ извѣстные термины» *). Ближайшее ознакомленіе съ новымъ закономъ должно было еще усилить это разочарованіе.

Было и еще въ высшей степени важное обстоятельство, которое одно уже, взятое само по себѣ, неизбѣжно должно было заглушить не только проблески какого либо энтузіазма, но и проявленія хотя бы чувства удовлетворенности. Въ актахъ 6 августа не было ни слова ни объ амнистіи, ни о свободахъ, ни о предварительныхъ гарантіяхъ. Напротивъ, указомъ отъ того же числа учрежденія и частныя лица были лишены дарованнаго имъ 18-го февраля права представлять свои виды и предположенія по вопросамъ усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія въ совѣтъ министровъ, т. е. лишены такъ называемаго «права петицій». Въ русскихъ условіяхъ, какъ выяснилось уже и на опытѣ, это право не имѣло ко-

*) „Сынъ Отечества“, 7 августа.

нечно реальнаго значенія, такъ какъ не могло никоимъ образомъ повліять на теченіе дѣлъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ; но оно давало для обывателей опорную точку въ отстаиваніи передъ мѣстною администраціею своего права, какъ гражданъ, обсуждать нѣкоторые вопросы. Отнынѣ, какъ сказано въ указѣ 6 августа, «виды и предположенія по вопросамъ, касающимся государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія, имѣютъ восходить къ Намъ порядкомъ, въ Учрежденіи Государственной Думы установленнымъ». Въ положеніи о Государственной Думѣ этотъ путь дѣйствительно указанъ, но только отъ Думы къ верховной власти. Какимъ же путемъ «виды и предположенія» могутъ доходить до Думы остается неизвѣстнымъ, а, главное, самая возможность составленія ихъ для частныхъ лицъ и учрежденій отнынѣ сдѣлалась еще болѣе проблематичной.

Не лишне будетъ при этомъ отмѣтить, что еще до опубликованія указа 6 августа, содержаніе его дошло до публики въ формѣ воспрещенія обсуждать вопросы государственнаго благоустройства. 5 августа московскій генералъ-губернаторъ П. П. Дурново обратился къ представителямъ земствъ со слѣдующею рѣчью:

„Въ послѣднее время на многихъ земскихъ собраніяхъ и на частныхъ собраніяхъ представителей земствъ неоднократно подымались вопросы о предстоящей государственной реформѣ. Обсужденіе ихъ велось на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля. Многія постановленія земствъ грѣшили неясностью и вызывали недоразумѣнія, но многія изъ пожеланій земскихъ дѣятелей были приняты во вниманіе при созданіи проекта Государственной Думы и положены въ основу этого важнаго государственнаго акта. Въ настоящее время эта созидательная работа закончена. Черезъ два—три дня по волѣ Государя Императора будетъ изданъ манифестъ о реформѣ и тогда должны считаться выполненными всѣ обѣщанія въ рескриптѣ 18-го февраля. Всѣ права, которыя предоставлены общественнымъ организаціямъ этимъ манифестомъ уже утрачиваютъ силу. Дальнѣйшей созидательной работы въ частныхъ совѣщаніяхъ уже не потребуется, и я, со своей стороны, долженъ васъ предупредить, что послѣ опубликованія манифеста я уже не могу допустить въ Москвѣ какихъ бы то ни было частныхъ совѣщаній, земскихъ съѣздовъ или какихъ бы то ни было коллективныхъ обсужденій государственныхъ вопросовъ въ частныхъ собраніяхъ, а равно и въ земствахъ. Самый вопросъ о государственной реформѣ нужно считать окончательно исчерпаннымъ".

Въ то время, когда созидательная работа, казалось, только еще начинается, администрація объявляетъ ее уже «законченной». Едва ли можно сомнѣваться, что и въ другихъ мѣстахъ мѣстныя власти такъ же истолкуютъ указъ 6 августа,—тѣмъ болѣе, что, какъ сказано въ манифестѣ, «заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи Учрежденія Государственной Думы» государь «сохранилъ всецѣло за собою».

При оцѣнкѣ впечатлѣнія, произведеннаго актами 6 августа, нельзя упускать изъ виду и еще одного характернаго обстоятельства. Въ тотъ же день былъ подписанъ указъ, коимъ введено военное положеніе въ Курляндской губерніи. За протекшіе послѣ того немногіе дни—а я пишу эти строки 15 августа—военное положеніе введено въ Варшавѣ и Варшавскомъ уѣздѣ, а Ковенская губернія объявлена въ положеніи усиленной охраны. Вмѣсто отмѣны или, по крайней мѣрѣ, пріостановки дѣйствія исключительныхъ законовъ, чего, быть можетъ, нѣкоторые ждали, сразу, такимъ образомъ, стала выясняться перспектива, что ко времени выборовъ, можетъ быть, и вся Россія будетъ объявлена на военномъ положеніи. Въ виду такой «предварительной гарантіи», можно думать, даже «реальные политики» должны усомниться въ возможности энергично защищать «пріобрѣтенную позицію».

Достаточно—говорятъ „Русскія Вѣдомости“—заглянуть въ хронику любой газеты за послѣдніе дни, чтобы убѣдиться, что никакіе политическіе выборы не мыслимы, пока не будутъ даны минимальныя гарантіи *) противъ административнаго произвола. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ представителей можетъ послать въ Думу населеніе, если наканунѣ выборовъ административной высылкѣ подвергается такой извѣстный консервативный дѣятель, какъ проф. Ярошенко, первый ректоръ новороссійскаго университета по уставу 1884 г., если на другой день по обнародованіи учрежденія Государственной Думы подвергаются аресту въ качествѣ государственныхъ преступниковъ, заслуживающихъ ссылки на каторгу, такіе умѣренные и лояльные люди, какъ профессора Брандтъ, Гордѣенко и Милюковъ или д-ръ Святловскій? О какихъ выборахъ можетъ быть рѣчь, если еще и теперь земскіе начальники и прочіе опекуны народа считаютъ опаснымъ распространеніе въ крестьянской средѣ Высочайшаго рескрипта А. Г. Булыгину или рѣчей на Высочайшемъ пріемѣ земской депутаціи и конфискуютъ брошюры, изданныя

*) Таковыми газета считаетъ: указы о печати, объ общественныхъ собраніяхъ и союзахъ, объ амнистіи, о пріостановкѣ дѣйствія усиленной охраны и военнаго положенія и объ отмѣнѣ карательныхъ полномочій, предоставленныхъ административной власти.

съ соблюденіемъ всѣхъ дѣйствующихъ правилъ? Турецкая цензура, какъ повѣдало о томъ на дняхъ одно изъ нашихъ оффиціальныхъ агенствъ, пошла по этому пути еще дальше; она не пропустила въ печать ни слова о нашей Государственной Думѣ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ того же агентства, вѣсть о Думѣ распространилась по столицѣ султана, возбуждая зависть въ младотуркахъ къ участи русскихъ и опасенія въ высшихъ сферахъ, какъ бы примѣръ Россіи не заразилъ Турціи. Надо ожидать, однако, что въ непродолжительномъ времени „Россійское Агентство" возвѣститъ намъ, что, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ его сообщеній о русскихъ дѣлахъ, во всѣхъ слояхъ населенія Оттоманской имперіи наступило полное успокоеніе.

Перспектива—хуже того: дѣйствительность,—которая въ состояніи успокоить турецкія власти, должна была, конечно, погасить всякій проблескъ радости въ сердцѣ даже жизнерадостнаго обывателя.

Сказаннаго я думаю вполнѣ достаточно, чтобы объяснить непосредственное впечатлѣніе, произведенное актами 6 августа. Говоря коротко, никакого «преображенія» русской жизни въ этотъ день—какъ ни соблазнительно для многихъ было воспользоваться этимъ образомъ—не оказалось. И праздника не было. Я не могу, конечно, ограничиться констатированіемъ этого факта. Я долженъ постараться еще пояснить мѣсто, какое акты 6 августа займутъ въ исторіи, и роль, какую они сыграютъ въ ближайшей жизни. Въ исторію впрочемъ и вообще въ даль, какъ я думаю, заглядывать нечего. Въ самомъ манифестѣ предусматривается необходимость въ «Учрежденіи Государственной Думы» «измѣненій, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному». Правда, эти измѣненія отложены до того времени, когда «жизнь сама укажетъ», но уже теперь несомнѣнно, что жизнь начнетъ дѣлать свои указанія очень скоро, даже немедленно. Съ несомнѣнностью почти можно утверждать, что первая Государственая Дума не доживетъ до срока своихъ пятилѣтнихъ полномочій. Можно сомнѣваться даже и въ томъ, соберется ли она. Событія развиваются съ такою быстротою, а «потребности времени» выяснились уже съ такою остротою и очевидностью, что даже пятимѣсячный срокъ представляется слишкомъ длиннымъ для неизбѣжнаго «согласованія». Поэтому я ограничусь разсмотрѣніемъ лишь ближайшихъ послѣдствій, какими можетъ сказаться въ жизни опубликованіе «Учрежденія Государственной Думы» и при томъ въ одномъ направленіи. Внесетъ ли оно въ обществен-

ную и народную среду успокоеніе, котораго такъ жаждетъ страна?

Борьба, конечно, не кончилась и не можетъ кончиться. Въ этомъ—всѣ согласны. Да и какъ бы она могла кончиться? Вѣдь вопросъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы въ Россіи появились «народные представители»... Да и какіе еще представители: «412 мелкихъ чиновниковъ».

Говорю: мелкихъ, — пояснилъ свою мысль „бюрократъ", которому принадлежитъ это выраженіе, — потому что не могу назвать крупнымъ чиновника, который получаетъ десять цѣлковыхъ суточныхъ, не имѣетъ права ни на производство въ чины, ни на награжденіе орденами („Слово", 11 августа).

Вотъ какъ этихъ «представителей» будетъ трактовать бюрократія... Суть не въ представителяхъ, каковы бы они ни были, а въ томъ, чтобы найти новыя формы, въ которыхъ могла бы успокоиться и свободно течь взбаломученная жизнь и въ которыхъ могли бы найти себѣ равновѣсіе взбудораженныя силы. Представительныя учрежденія важны не сами по себѣ, а потому, что они открываютъ возможность борьбы въ новыхъ формахъ, борьбы не бомбами и револьверами, а словомъ и убѣжденіемъ. Поставленный мною вопросъ насчетъ успокоенія сводится такимъ образомъ къ другому: открываетъ ли «Учрежденіе Государственной Думы» возможность для общественныхъ силъ такой мирной борьбы? Представляется ли новая арена достаточно широкой, чтобы вмѣстить всѣ имѣющіяся силы? Представляется ли она для нихъ доступной? Могутъ ли народная мысль и народная воля найти себѣ въ Государственной Думѣ полное и ясное выраженіе?

И на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Про народную волю въ сущности и говорить нечего: ей, какъ извѣстно, вовсе не удѣлено мѣста въ Государственной Думѣ. Можно было бы, конечно, надѣяться, что сосредоточенная въ Думѣ мысль, поддержанная извнѣ проявленіями воли, окажется, въ концѣ концовъ, всетаки достаточно сильнымъ факторомъ государственной жизни. Но въ томъ-то и дѣло, что даже народная мысль проникнетъ въ Думу лишь въ жалкихъ обрывкахъ, ибо наиболѣе важныя и по своей численности, и по своей активности общественныя силы вовсе не получатъ доступа въ Думу.

Въ Высочайшемъ манифестѣ говорится, что дѣйствіе новыхъ

законовъ будетъ распространено съ нѣкоторыми измѣненіями на всю Имперію. Теперь, однако, къ участію въ выборахъ привлекается населеніе лишь 51 губерніи. Когда будутъ привлечены окраины—неизвѣстно, а мы уже знаемъ какъ медленно обыкновенно распространяется на нихъ дѣйствіе «общихъ законовъ по Имперіи». Правда, на этотъ разъ повелѣно поспѣшить съ этимъ дѣломъ, но мы знаемъ и то, какъ спѣшитъ бюрократія, когда надъ нею ничто не каплетъ. Не только возможно, но и вполнѣ вѣроятно, что въ первыхъ выборахъ, которые должны закончиться въ половинѣ января, окраины вовсе не примутъ участія. А вѣдь эти выборы самые важные, ибо первой же Думѣ предстоитъ разрѣшить самые главные и самые острые вопросы. На эти, устраненныя отъ первыхъ выборовъ, окраины приходится (по переписи 1897 г.) 34 милліона населенія. И все это многомилліонное населеніе будетъ лишено возможности выразить свои мысли при посредствѣ Государственной Думы. Достаточно напомнить, что среди окраинъ числятся Польша и Кавказъ, т. е. наиболѣе активныя въ переживаемомъ движеніи части Имперіи. Могутъ ли онѣ успокоиться, зная, что безъ нихъ рѣшаются ихъ судьбы?

Но и во внутреннихъ губерніяхъ участіе въ выборахъ приметъ лишь ничтожная часть населенія. Въ городахъ процентъ лицъ, пользующихся избирательнымъ правомъ, опускается въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти до смѣшной цифры. Въ Петербургѣ, напримѣръ, съ его $1^1/_2$ милліоннымъ населеніемъ, въ выборахъ примутъ участіе лишь 9,500 лицъ, т. е. значительно менѣе $1^0/_0$. Не лучше въ общемъ дѣло обстоитъ и въ другихъ городахъ. Рабочія массы—а лицъ, занимающихся наемнымъ трудомъ по подсчету, сдѣланному Центральнымъ Комитетомъ для В. К. Плеве, въ Россіи насчитывается около 10 милл.—цѣликомъ будутъ устранены отъ выборовъ. Между тѣмъ это опять таки самая активная часть населенія. Можетъ ли она успокоиться? Въ городахъ къ участію въ выборахъ допущены лишь лица съ крупнымъ имущественнымъ цензомъ, только богачи. Могутъ ли они выразить мысль остального населенія. Да и какъ же они это сдѣлаютъ, если «сытый голоднаго не понимаетъ?»

По отношенію къ деревнѣ вопросъ на первый взглядъ ставится лучше. Въ выборахъ приметъ участіе какъ будто все крестьянское населеніе. Въ дѣйствительности это совсѣмъ не такъ

Къ участію въ выборахъ будутъ привлечены лишь волостные сходы, состоящіе по общему правилу изъ уполномоченныхъ. Послѣдніе составляютъ лишь около 10% всѣхъ домохозяевъ, по отношенію же ко всему взрослому мужскому населенію около 7%, а ко всей массѣ крестьянства менѣе 2%. Правда, уполномоченные отобраны изъ всего населенія, но отобраны уже раньше, внѣ всякой связи съ мыслями, какія нужно выразить при посредствѣ Государственной Думы, да и какъ еще отобраны?! Могутъ ли они выразить мысль всего крестьянства, — мысль, особенно усиленно работавшую въ послѣдніе мѣсяцы? И можетъ ли крестьянское населеніе успокоиться?

Отъ выборовъ, наконецъ, устранена почти вся интеллигенція, т. е. хотя и малочисленный, но въ высшей степени активный и при томъ крайне важный для того, чтобы ясно выразить народную мысль, слой населенія. Можетъ ли она успокоиться? И тѣмъ болѣе, можетъ ли она другихъ успокаивать?

Самая система выборовъ установлена такая, которая до крайности должна будетъ затруднить выраженіе мысли даже той части населенія, которая получаетъ избирательное право. Выборы будутъ—двухстепенные, для крестьянъ же—трехстепенные, а если вести счетъ не отъ волостныхъ уполномоченныхъ, а отъ населенія, то четырехстепенные. Мнѣ приходилось уже говорить, что при такой системѣ будутъ выбираться не программы, не мысли, а лица. И этотъ выборъ для крестьянъ окажется особенно труднымъ, ибо среди нихъ, съѣхавшихся изъ разныхъ уѣздовъ, вовсе почти не окажется лицъ, которыя всѣмъ имъ были бы извѣстны,—за исключеніемъ развѣ тѣхъ волостныхъ старшинъ, которые уже получили отъ начальства почетные кафтаны.

Прибавьте къ этому вышеупомянутыя перспективы, которыя должны успокоить турецкія власти. Газеты помѣстили слухъ, что предвыборныя собранія будутъ разрѣшены, съ тѣмъ, однако, чтобы на нихъ не было ничего «вреднаго». Что это значитъ—догадаться не трудно. «Пропаганда», напримѣръ, издавна считалась и считается вредной, и она, стало быть, будетъ устранена. Но вѣдь это и есть та самая мысль,—дѣятельная мысль,—которая должна найти себѣ путь въ Думу. Нужно ли говорить про тѣ «внушенія», которыя на всѣхъ ступеняхъ будутъ дѣлаться крестьянскимъ выборщикамъ? Нужно ли напоминать про черносотенные кадры, которые бу-

дутъ висѣть тяжкой угрозой надъ всѣми «несогласно мыслящими»?.

Допустимъ однако, что кое-какія обрывки народной мысли будутъ собраны и принесены въ Думу. Какая же судьба ихъ будетъ? На этотъ вопросъ мнѣ легче всего отвѣтить устами вышеупомянутаго «бюрократа»:

Пробѣгая холоднымъ разумомъ статьи только-что обнародованнаго законоположенія,—объяснилъ сей почтенный мужъ своему собесѣднику „журналисту"—я затрудняясь найти въ немъ хотя бы намекъ на какую-нибудь новизну въ существующемъ режимѣ. Все остается абсолютно по-старому. Я даже склоняюсь къ мысли, что „бюрократическое всевластіе", какъ нынче въ модѣ выражаться, пожалуй, даже усилится орнаментомъ призрачнаго народовластвія. Какъ встарь, дѣла будемъ вершить мы, но создастся фикція, будто самъ народъ становится хозяиномъ своей судьбы, что, конечно, только намъ на руку, ибо мы всегда были настолько умны, что хорошо понимали цѣну того внѣшняго декорума, который сблекаетъ живую сущность вещей, какъ хорошо сшитое платье. Само собою понятно, что названный декорумъ можетъ, согласно требованіямъ моды, создаваться въ разныхъ стиляхъ. Для маскарада одинаково пригодны и тога цезаря, и фригійскій колпачекъ. Для меня важно, чтобы дѣлалось то, что я хочу, а совсѣмъ не то, на какомъ бланкѣ я буду писать велѣніе моей воли...

Допустимъ, что 412 новыхъ—вѣдь вы на этомъ дѣлаете ударѐніе—умныхъ дѣловитыхъ людей, дѣйствительно, появились на сценѣ нашей исторіи. Что же дальше? Ну, эти новенькіе, по неопытности гимназистовъ, заявятъ требованіе свободы слова. Имъ отвѣтятъ, что г. Кобеко какъ разъ занятъ этимъ вопросомъ. Они возбудятъ ходатайство объ ускореніи дѣла. Ну, г. Кобеко напишетъ соотвѣтственную бумагу, и онъ, конечно, ни на одну іоту не усилитъ интенсивности своей работы, да если бы и захотѣлъ это сдѣлать,—не сможетъ, ибо въ атмосферѣ канцелярской тайны всегда возможно затормазить дѣло, а то и вовсе свести его на нѣтъ..

Клочки народной мысли попадутъ въ бюрократическую ступу. «Народные представители» будутъ препираться съ г. Кобеко, а въ это время въ странѣ будутъ люди пухнуть и умирать отъ голода, голодать отъ безработицы. «Мелкіе чиновники» займутся въ стѣнахъ Думы словопреніемъ съ крупными, а на улицахъ по прежнему будутъ раздаваться залпы и взрывы...

Такова «пріобрѣтенная позиція»... Общественная мысль вѣдь недаромъ такъ настойчиво выдвигала и выдвигаетъ идею учредительнаго собранія. Россіи сейчасъ нужна не будничная работа, опутанная вдобавокъ бюрократической волокитой. Не мелкія перестройки нужны, нужно перестроить все зданіе, нужна спѣшная ра-

бота внѣ всякихъ условностей. И къ этой работѣ нужно привлечь весь народъ на началахъ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго голосованія.

П. Н. Милюковъ полагаетъ, что пріобрѣтенная позиція «окажется далеко не лишней» и что «было бы непростительной политической ошибкой оставить эту позицію безъ защиты или даже очистить ее безъ боя». Но стратегія учитъ, что не всякую позицію слѣдуетъ занимать и не всякую позицію нужно защищать во что бы то ни стало. Бываетъ такъ, что непріятель преднамѣренно очищаетъ позицію, чтобы отрѣзать занявшія ее силы отъ главнаго войска. Бываютъ позиціи столь неудобныя, что занявшіе ихъ рискуютъ очутиться подъ огнемъ тѣхъ самыхъ силъ, съ которыми они только что шли вмѣстѣ.

Пусть же тѣ, которые могутъ и желаютъ занять пріобрѣтенную позицію, сначала подумаютъ, достаточно ли она удобна и достаточно ли она надежна. Пусть они взвѣсятъ и разсчитаютъ, не окажутся ли они отрѣзанными и не попадутъ ли они подъ выстрѣлы главныхъ силъ, отъ которыхъ оторвутся...

XVIII. Уличная борьба и игра въ шахматы.

Сентябрь.

10 августа состоялось частное совѣщаніе петербургскихъ городскихъ гласныхъ по вопросу о томъ, какъ надлежитъ городскому общественному управленію отозваться на учрежденіе Государственной Думы. Въ этомъ совѣщаніи нѣкоторыми гласными были высказаны крайне характерныя мнѣнія. Такъ, гл. Оппенгеймъ, возражая г. Фальборку, находилъ, что

главное достоинство положенія именно въ томъ и заключается, что отъ представительства устраненъ рабочій классъ, а также малоимущіе или населеніе съ среднимъ достаткомъ. Необходимо поэтому, по мнѣнію г. Оппенгейма, довести до свѣдѣнія Государя Императора чувства особой радости, овладѣвшей петербургскимъ общественнымъ управленіемъ при ознакомленіи съ положеніемъ, а также ознаменовать опубликованіе манифеста какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, напримѣръ, устройствомъ дешевыхъ квартиръ.

Точка зрѣнія—можно сказать—вполнѣ опредѣленная и мысль до конца выдержанная: богатымъ—Таврическій, Гатчинскій или спеціально выстроенный для Думы дворецъ, а малоимущимъ людямъ—дешевыя квартиры. Каждому—по потребностямъ. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать г. Оппенгейму, это то, что онъ забылъ о крестьянахъ, которые тоже къ паркету не привычны. Не будемъ, однако, не въ мѣру придирчивы. Во всякомъ случаѣ и о крестьянахъ, если не г. Оппенгеймъ, то другіе подумали.

— А гдѣ же они будутъ жить? Мнѣ кажется,—заявилъ кн. Мещерскій,—что это вопросъ весьма важный и... слѣдовало бы подумать о томъ, чтобы для крестьянскихъ выборныхъ въ государственную думу устроить удобное и дешевое общежитіе...

Оставалось только придумать подходящую обстановку, въ которой «гигіеническія скамейки» той или иной системы заняли бы, конечно, видное мѣсто. Со свойственнымъ ему знаніемъ этого дѣла кн. Мещерскій, вѣроятно, обдумалъ бы всѣ детали, но его проектъ, къ сожалѣнію, остался не законченнымъ. Кулакъ, розга, нагайка и другія подобныя орудія управленія въ послѣднее время, какъ извѣстно, экспропріированы изъ вѣдѣнія сіятельнаго публициста. Ими завладѣли Грингмутъ, Казецкій, Бергъ, Шараповъ... А это—люди азартные, и даже кн. Мещерскому за ними не угнаться. Взять хотя бы г. Шарапова.

Говорятъ,—писалъ онъ въ „Русскомъ Дѣлѣ",—что для россійскаго парламента уже предназначается Таврическій дворецъ. Было бы полезно теперь уже принять мѣры къ удобному размѣщенію въ немъ надлежащаго количества войска, особенно казаковъ съ ихъ всеобщей, равной, прямой и при томъ не тайной, а весьма явной... подачей спасительнаго патріотическаго голоса. Эти голоса, если Россіи сужденно жить, будутъ, вѣроятно, „подаваться" вслѣдъ за первыми же голосованіями первой россійской палаты депутатовъ...

Передъ такою «безпредѣльною наглостью»—недаромъ ее кн. Мещерскій считаетъ однимъ изъ основныхъ свойствъ Шараповской души—задуманное имъ самимъ «общежитіе» представляется какимъ-то пустячкомъ. Впрочемъ, у г. Грингмута другіе планы, и онъ предвидитъ другія перспективы. «Московскія Вѣдомости» полагаютъ, что «въ первый же день открытія Государственной Думы придется ее охранять войсками»,—охранять, конечно, отъ тѣхъ

«малоимущихъ» людей, которые, быть можетъ, не удовлетворятся обѣщанными имъ «дешевыми квартирами» *).

Таковы неизбѣжныя метаморфозы, какія должна была претерпѣть мысль г. Оппенгейма. Одобренный имъ проектъ подраздѣленія россійскихъ гражданъ можетъ быть реализованъ, очевидно, только при содѣйствіи вооруженной силы. Все затрудненіе лишь въ томъ, что гг. Шараповы и Грингмуты пока недоумѣваютъ, въ какую сторону ее придется направить.

Вернемся, однако, въ совѣщаніе петербургскихъ гласныхъ. Тамъ были высказаны и другія интересныя мысли, при чемъ рекордъ на этотъ разъ побилъ, несомнѣнно, профессоръ государственнаго права Дымша. Онъ считалъ необходимымъ

привѣтствовать обнародованный актъ потому, что дарованныя реформы не стоили русскому народу ни одной жертвы, не въ примѣръ Западной Европѣ, гдѣ дарованіе представительнаго правленія обходилось народу въ тысячи жизней.

Газеты обнаружили склонность отнестись къ этому мнѣнію, какъ къ курьезу. Въ самомъ дѣлѣ, бываетъ вѣдь, что у человѣка «умъ за разумъ заходитъ». Къ тому же разсѣянность, хотя бы она доходила до полнаго непониманія того, что происходитъ вокругъ, издавна свойственна ученымъ людямъ. Но я думаю, что въ данномъ случаѣ дѣло не въ разсѣянности отдѣльнаго ученаго. Если бы за мыслью г. Дымши мы послѣдили такъ же, какъ и за мнѣніемъ г. Оппенгейма, то, несомнѣнно, въ тѣхъ или иныхъ видоизмѣненіяхъ нашли бы ее у многихъ и многихъ общественныхъ дѣятелей даннаго общественнаго слоя. Напримѣръ, рижскіе профессора въ своемъ воззваніи къ студентамъ пишутъ:

Всѣмъ намъ пришлось пережить время, событія котораго уже отошли въ область исторіи. Теперь мы собрались для общаго труда при измѣнившихся къ лучшему обстоятельствахъ...

Развѣ это не та же мысль, что и у г. Дымши? Всѣ «событія» для гг. профессоровъ кончились, какъ только они получили воз-

*) Въ числѣ другихъ однородныхъ проектовъ можно указать и проектъ профессора А. И. Введенскаго, который, какъ сообщаютъ газеты, „обратился къ министру народнаго просвѣщенія ген.-лейт. Глазову съ предложеніемъ закрыть на время созыва государственной думы всѣ высшія учебныя заведенія“.

можность выбрать изъ своей среды директора. Съ этого момента началась новая исторія...

Другіе ту же мысль маскируютъ, конечно, замысловатѣе, и вообще превращенія, въ какихъ приходится встрѣчать ее, очень причудливы. Но и за всѣмъ тѣмъ не трудно разсмотрѣть тоже непониманіе и даже нежеланіе понять, что происходитъ въ странѣ. Отсюда и это удивительное самолюбованіе и эта изумительная вѣра въ свои силы,—точнѣе, въ свои ходы. Точно неискусные игроки играютъ въ шахматы: двинутъ ферзь, вродѣ какой-нибудь депутаціи,—и любуются, какъ будто всякій шахъ равносиленъ мату. Или, какъ теперь: засядутъ на конька предвыборной агитаціи,—и мечтаютъ выиграть на немъ партію, какъ будто можно объѣхать «чудище обло, огромно, стозѣвно и лаяй». Гг. шахматисты! оторвитесь на минутку и посмотрите на улицу...

Я подсчиталъ газетныя сообщенія о случаяхъ употребленія оружія за первые восемь мѣсяцевъ 1905 г. Такихъ случаевъ оказалось свыше 650. Тутъ и массовыя столкновенія, и отдѣльные террористическіе акты; сюда же я отнесъ и смертныя казни. Составленный мною по случайнымъ газетнымъ сообщеніямъ перечень завѣдомо не полонъ *), но и за всѣмъ тѣмъ, какая масса человѣческихъ жертвъ уже принесена! Усчитать ихъ всѣ совершенно не мыслимо. Извѣстно лишь, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ нужно считать десятками, въ другихъ сотнями, а въ нѣкоторыхъ даже тысячами...

Статистика жертвъ немыслима, сдѣланный мною подсчетъ фактовъ завѣдомо не точенъ. Но и приведенная цифра, какъ я думаю, можетъ дать представленіе о тѣхъ мукахъ, какія переживаетъ страна. И она можетъ засвидѣтельствовать всю безцѣльность политиканства. Какіе, въ самомъ дѣлѣ, результаты имѣли всѣ ходы шахматистовъ? Гдѣ же пресловутый «Рубиконъ», который они такъ много разъ переходили? Мирныя забастовки и манифестаціи все чаще и чаще переходятъ въ вооруженныя свалки и даже сраженія. Камни давно уже уступили мѣсто револьверамъ, но и револьверы уже вытѣсняются ружьями и бомбами. Сколько за одинъ послѣдній

*) Въ „Русскомъ Богатствѣ", гдѣ я сдѣлалъ попытку его напечатать и гдѣ его вычеркнулъ цензоръ, онъ занялъ $2^1/_2$ печатныхъ листа. Перепечатывать его теперь, послѣ тѣхъ потоковъ крови, которые были уже потомъ пролиты, конечно, нѣтъ смысла.

мѣсяцъ открыто лабораторій и складовъ оружія! Даже по оффиціальной терминологіи движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ, напримѣръ, получило уже «рѣзко революціонный и зачастую анархическій характеръ»; въ Одессѣ констатированъ «открытый мятежъ», въ Лодзи—«вооруженное возстаніе». На Кавказѣ форменная война съ примѣненіемъ всѣхъ родовъ оружія. Миръ съ японцами подписанъ, а газеты сообщаютъ о новой мобилизаціи...

Флюгеръ русской публицистики—«Новое Время»—упорно предвѣщаетъ въ послѣднее время сердитый шквалъ, которымъ каждую минуту можетъ разразиться все крѣпнущій нордъ. Суворинская газета требуетъ «драконовской системы» и за образецъ для современныхъ администраторовъ ставитъ Гурко съ его «знаменитымъ приказомъ»: не жалѣть патроновъ. Приказъ генерала Скалона показываетъ, что «Новое Время» пишетъ не напрасно и что Гуркинскія традиціи не умерли.

«Перевалъ», о которомъ недавно трубили даже почтенные люди, очевидно еще не достигнутъ. Можетъ быть, онъ и близокъ, но самый трудный переходъ еще впереди. И едва ли этотъ переходъ можно совершить въ костюмѣ «лойяльности», въ которомъ удобно играть только въ шахматы...

XIX. Сомнительная автономія.

Сентябрь.

Въ послѣднее время слово «автономія» сдѣлалось очень ходкимъ. Еще недавно въ «Петербургскомъ Листкѣ» появилось, напримѣръ, такое сообщеніе:

Въ вѣдомство учреждаемаго министерства полиціи войдетъ на автономныхъ началахъ отдѣльный корпусъ жандармовъ, который предполагается значительно пополнить...

Но эту автономію, хотя она представляетъ безспорный фактъ современной жизни, русская печать обсуждать, конечно, не можетъ. Я имѣю въ виду другую автономію, болѣе сомнительную, а именно академическую, разговорами о которой сейчасъ полны всѣ газеты.

Откуда взялось въ данномъ случаѣ слово «автономія» понять довольно трудно.

Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 27 августа совѣтамъ университетовъ и соотвѣтствующимъ коллегіямъ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній предоставлено право избирать ректора и декановъ, представляемыхъ затѣмъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ на «обязанность и отвѣтственность» совѣтовъ возложены «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни». О какой-либо автономіи въ указѣ не упоминается ни слова. Поводъ къ разговорамъ о ней могло дать появившееся за два дня передъ тѣмъ правительственное сообщеніе о работахъ особой коммиссіи, признавшей необходимымъ «основать преобразованіе высшихъ учебныхъ заведеній на началахъ внутренняго самоуправленія», и особаго совѣщанія, признавшаго необходимымъ «положить въ основу преобразованія предоставленіе коллегіямъ профессоровъ возможной самостоятельности въ дѣлѣ управленія каждымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ руководствѣ учебнымъ въ немъ строемъ и въ охраненіи правильнаго и спокойнаго теченія академической жизни». Но это «внутреннее» самоуправленіе (обратившееся въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ въ «возможную» самостоятельность «профессорскихъ коллегій») будетъ дано лишь по завершеніи работъ по составленію новаго университетскаго устава. Другими словами: это одна изъ Улитъ, которая еще ѣдетъ и при томъ которая выѣхала много позже другихъ. Пока же профессорскимъ коллегіямъ предоставлены лишь «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни». Возстановить «правильный ходъ» послѣдней другими средствами правительство оказалось не въ силахъ, и оно рѣшилось прибѣгнуть къ содѣйствію профессорскихъ коллегій. Таковъ несомнѣнно «истинный разумъ» новыхъ временныхъ правилъ, совершенно ясно видный и изъ ихъ текста, и изъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ состоялось и которыми было обусловлено ихъ появленіе.

Сами профессорскія коллегіи обнаружили, однако, склонность къ нѣсколько иному пониманію предоставленныхъ имъ полномочій. Такъ, совѣтъ петербургскаго университета въ своей резолюціи, принятой большинствомъ 28 голосовъ противъ 22, призналъ, что «временныя правила по управленію высшими учебными заведеніями содержатъ въ принципѣ полный отказъ отъ пагубныхъ началъ уни-

верситетскаго устава 1884 года и что ими предоставляется совѣту широкая власть во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ, какъ учебныхъ, такъ и административныхъ». Еще рѣшительнѣе высказался на этотъ счетъ новый ректоръ московскаго университета кн. С. Н. Трубецкой. «Университетъ—сказалъ, между прочимъ, онъ благодаря своихъ коллегъ за избраніе,—одержалъ великую нравственную побѣду. Мы получили разомъ то, чего желали; мы побѣдили силы реакціи... Совѣтъ нынѣ есть хозяинъ университета». Нельзя, конечно, допускать и мысли, что желанія кн. Трубецкого ограничивались возможностью,—которая дѣйствительно осуществилась,—сдѣлаться ректоромъ по выбору. Да и быть «хозяиномъ университета», какую роль онъ отводитъ совѣту, конечно, не значитъ еще послушно слѣдовать въ чемъ бы то ни было извнѣ даннымъ предписаніямъ. Говоря, что «мы получили разомъ то, чего желали», новый ректоръ московскаго университета разумѣлъ, очевидно, автономію, понимаемую въ достаточно широкомъ смыслѣ этого слова.

Но такая интерпретація временныхъ правилъ... неизбѣжно окажется, какъ я думаю, чреватой всяческими недоразумѣніями и мучительными коллизіями. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же автономію отождествлять съ «обязанностью» нести заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни,—съ обязанностью, уравновѣшенной очень немногими правами, въ числѣ которыхъ начальство надъ инспекціей и судъ надъ студентами представляются едва ли не самыми важными. Понятіе автономіи, конечно, много шире и этихъ правъ, и этой обязанности. Напомню хотя бы нѣкоторые вопросы, съ которыми уже пришлось считаться «автономнымъ» университетамъ.

Автономный (если это слово не заключать въ кавычки) университетъ долженъ, напримѣръ, самъ опредѣлять контингентъ своихъ слушателей. Публика такъ и поняла автономію, въ наличности которой ее увѣрили. Въ совѣты нѣкоторыхъ университетовъ уже поступили петиціи о допущеніи женщинъ къ слушанію въ нихъ лекцій. Кто и какъ разрѣшитъ этотъ вопросъ? Допустимъ, что вопросъ о женщинахъ «столь трудный и сложный», что его—какъ и вопросъ о женской политической равноправности на земскомъ съѣздѣ—можно отложить. Но вотъ другой вопросъ, уже неотложный и съ которымъ опять-таки должны уже считаться совѣты. Я имѣю

въ виду вопросъ о евреяхъ, которымъ прежнею университетскою администраціею было отказано въ пріемѣ въ виду нормы и которые теперь со дня на день ждутъ отъ новыхъ «хозяевъ» рѣшенія своей участи. Неужели и въ автономной академіи норма — хотя бы и «повышенная» — сохранится? Столь же неотложнымъ является вопросъ объ исключенныхъ. Они, конечно, будутъ приняты. Но въ такомъ случаѣ не будетъ ли исключеніе замѣнено на будущее время воспрещеніемъ жительства въ университетскихъ городахъ и много ли въ такомъ случаѣ выиграетъ наука? Впрочемъ, въ данномъ случаѣ я выхожу уже за предѣлы академіи, между тѣмъ какъ много затрудненій предвидится и въ ея стѣнахъ.

Самое главное дѣло, конечно, учебное, а въ немъ первую роль играютъ ученыя силы. Автономная школа, конечно, сама должна выбирать ихъ. Но какъ же быть съ г. Голенкинымъ, повѣсть о которомъ недавно разсказалъ въ «Сынѣ Отечества» проф. Тимирязевъ? Вѣдь во временныхъ правилахъ сказано лишь о выборныхъ ректорахъ, деканахъ и секретаряхъ факультетовъ — послѣднихъ, впрочемъ, какъ потомъ оказалось, «по штату» не положено и выбирать ихъ не приказано, — но нѣтъ ни слова о профессурѣ. Стало быть, и впредь случаи назначенія помимо совѣта, «внѣ конкурса» останутся. Допустимъ, впрочемъ, что «бабушка», въ виду серьезности положенія нѣсколько отступитъ, но едва ли отступятъ другіе департаменты, умѣющіе ворожить. Мистеръ Стэдъ (есть такой благодѣтель!) освободилъ — по крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ увѣряетъ — П. Н. Милюкова. Но едва ли какой-нибудь совѣтъ — даже съ помощью мистера Стэда — возведетъ его на каѳедру. Впрочемъ, и болѣе сильные люди, чѣмъ мистеръ Стэдъ, могутъ оказаться безсильны. Совѣтъ С.-Петербургскаго политехникума, съ согласія министра финансовъ, въ вѣдѣніи коего онъ находится, пригласилъ въ качествѣ профессора М. М. Ковалевскаго, но послѣдній не былъ допущенъ къ должности петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Совѣтъ оставилъ каѳедру и часы, предназначенные для г. Ковалевскаго, незамѣщенными и намѣренъ жаловаться въ сенатъ въ случаѣ вторичнаго его неутвержденія. Но какъ и, главное, когда разсудитъ сенатъ,—конечно, не извѣстно. Я взялъ имена, не только особенно популярныя, но и наименѣе, быть можетъ, для департаментовъ непріятныя. Между тѣмъ, вѣдь изгоевъ русской высшей школы имѣются десятки... Но дѣло не только въ изгояхъ

а и въ новыхъ силахъ, въ которыхъ такъ нуждается наука. «Русскія Вѣдомости» привѣтствовали свободную науку въ свободномъ университетѣ. Но развѣ можетъ быть свободная наука въ несвободной странѣ?

Высшая школа должна работать не только за страхъ, не только «по штату», но и за совѣсть. Она должна «распространиться», чтобы широко и свободно сѣять высшую науку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже возникъ вопросъ о публичныхъ лекціяхъ и т. д. Допустимъ, что департаменты терпимо отнесутся къ свободной наукѣ, которая будетъ читаться студентамъ, но могутъ ли они остаться спокойными, когда въ университетъ потянется публика, валомъ повалятъ рабочіе? Вѣдь трудно себѣ даже представить, чтобы въ его стѣнахъ надолго воцарилось свободное слово, когда вокругъ будетъ прежняя «мерзость запустѣнія». Вѣдь это древніе только церемонились съ «убѣжищами»...

BIBLIOTHÈQUE TOURGUENEF

Сказаннаго, я думаю, достаточно для характеристики тѣхъ затрудненій, съ какими должна будетъ считаться «автономная» школа. Указывая ихъ, я вовсе не желаю, однако, сказать, что объ автономіи нечего и думать. Напротивъ, къ ней необходимо стремиться, ее необходимо осуществлять, пренебрегая неизбѣжными въ этомъ случаѣ конфликтами. Нѣкоторые профессора, несомнѣнно, такъ и смотрятъ на дѣло, разсчитывая осуществить автономію «явочнымъ» порядкомъ. Но она не осуществлена еще, и уже поэтому торжествующій тонъ С. Н. Трубецкого мнѣ представляется преждевременнымъ. Конечно, намъ пріятно видѣть почтеннаго дѣятеля въ качествѣ выборнаго ректора московскаго университета, но вѣдь не это намъ нужно. Намъ нужна свободная академія и ея мы не получили. Получимъ ли—это вопросъ, который должно рѣшить ближайшее будущее.

По совѣсти сказать, у меня на этотъ счетъ существуютъ большія опасенія и не только потому, что «рожонъ» можетъ оказаться черезчуръ еще сильнымъ, но и потому, что я не особенно увѣренъ въ тѣхъ силахъ, которыя должны въ данномъ случаѣ «переть» противъ него. Чтобы отстоять науку, нужны вѣрные ей слуги, а не «услужающіе», какъ выразился г. Хирьяковъ въ «Сынѣ Отечества». Весь вопросъ въ данномъ случаѣ заключается вѣдь въ личномъ составѣ профессорскихъ коллегій, но мертвящій режимъ

не даромъ такъ долго царилъ въ высшей школѣ. И я не знаю, кого въ ней теперь больше: «слугъ» или «услужающихъ».

Крайне характернымъ въ данномъ случаѣ представляется тотъ фактъ, что на административныя должности въ цѣломъ рядѣ учебныхъ заведеній выбраны тѣ же самыя лица, которыя были достаточно усердными или, по крайней мѣрѣ, послушными проводниками «пагубныхъ началъ». Возможно, конечно, что, оставшись на прежнихъ мѣстахъ по выбору, всѣ эти лица окажутся послушными исполнителями совѣтскихъ предначертаній. Но не значитъ ли это, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ людьми, уже приспособившимися служить любому хозяину, и въ конечномъ счетѣ, конечно, тому, кто окажется сильнѣе. Да и какія же это будутъ предначертанія, если для выполненія ихъ не нашлось никого, кромѣ «услужающихъ?»

Нужно ли, далѣе, говорить, какая автономія установится, напримѣръ, въ горномъ или въ Харьковскомъ технологическомъ институтѣ, гдѣ составъ профессоровъ при В. К. Плеве былъ раскассированъ и замѣненъ новымъ, можетъ быть, и не очень ученымъ, но за то вполнѣ покладливымъ и даже въ смыслѣ выполненія начальственной программы очень активнымъ? Конференція Петербургскаго историко-филологическаго института, чтобы избавиться отъ «временныхъ правилъ», которыхъ требовали студенты, выразила «довѣріе» своему нынѣшнему директору Латышеву, каковое довѣріе, по ея мнѣнію, равносильно избранію. Студентамъ же проф. Соколовъ объяснилъ, что «академической свободой они пользуются въ неограниченномъ размѣрѣ, ибо никто не мѣшаетъ студентамъ *учиться*, сколько имъ угодно»: Проф. А. И. Введенскій,—тотъ самый, который предложилъ привѣтствовать открытіе Государственной Думы закрытіемъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга,—къ этому прибавилъ, что «прекращеніе занятій есть нарушеніе дисциплины, а потому—кара необходима». Допустимъ, что филологи, вопреки желаніямъ профессоровъ, добьются «автономіи». Но не сведется ли вся она въ такомъ случаѣ къ карамъ за прекращеніе занятій, къ чему прибѣгнули въ данномъ случаѣ студенты?

Но и тамъ, гдѣ выбраны новыя лица, за самостоятельность и независимость высшей школы далеко не вездѣ можно быть увѣреннымъ. На вновь открытыхъ высшихъ женскихъ техническихъ курсахъ, напримѣръ, директоромъ избранъ проф. Щукинъ, и это

избраніе было довольно своеобразно отмѣчено его товарищами по профессіи.

Намъ сообщаютъ,—читаемъ мы въ „Сынѣ Отечества“, — что на послѣднемъ засѣданіи постояннаго комитета инженеровъ, между прочимъ, было постановлено выразить сожалѣніе по поводу рѣшенія совѣта женскихъ политехническихъ курсовъ, выбравшаго директоромъ курсовъ Н. Д. Щукина. Профессоръ Щукинъ, какъ извѣстно, заявилъ себя тѣмъ, что немедленно, по возбужденіи дѣла о профессорѣ В. Л. Кирпичевѣ, поторопился прислать „отреченіе“ отъ званія члена объединенія инженеровъ. Комитетъ считаетъ, что молодое женское высшее образованіе въ Россіи, въ настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ переходнаго времени, требуетъ людей болѣе стойкихъ въ своихъ общественныхъ взглядахъ, а не приспособляющихся къ настроенію минуты и „видамъ“.

Кто будетъ избранъ директоромъ на Бестужевскихъ курсахъ, еще не извѣстно, такъ какъ «автономія» имъ пока только обѣщана. Но однимъ изъ серьезныхъ кандидатовъ считается А. И. Введенскій, получившій лишь двумя записками меньше проф. Фаусека. Одна возможность получить такого директора, который въ качествѣ вліятельнаго профессора зарекомендовалъ себя самымъ недвусмысленнымъ образомъ, уже взволновала курсистокъ.

Въ петербургскомъ университетѣ, какъ считаютъ, перевѣсъ взяла либеральная партія, и ректоромъ избранъ проф. Боргманъ. Но...

Профессоръ Ждановъ (бывшій ректоръ), думавшій превратить университетъ въ фортъ Шаброль, получилъ 34 голоса! Это половина профессоровъ петербургскаго университета!

Половина профессорской коллегіи—говоритъ „Русь“—оказалась до такой степени не въ состояніи сознательно отнестись къ дѣлу, что чуть было въ самомъ началѣ не бросила той искры, отъ которой могъ сразу же начаться пожаръ.

Характернѣе всего въ данномъ случаѣ, конечно, то обстоятельство, что часть профессоровъ вотировала и за г. Боргмана, и за г. Жданова. Такимъ образомъ, приходится признать что-нибудь одно изъ двухъ: или разница между ними не такъ ужъ значительна, или же многіе профессора этой разницы не видятъ. Если мы допустимъ послѣднее, то и въ такомъ случаѣ нельзя рѣшить, какъ будетъ хозяйничать совѣтъ—во вкусѣ ли г. Жданова, или во вкусѣ г. Боргмана. Группа, которая будетъ давать перевѣсъ, въ рѣшительную минуту легко можетъ вернуться къ политикѣ перваго,

и тогда мы, конечно, увидимъ двери въ залы петербургскаго университета опять забронированными.

Для того, чтобы осуществлять автономію, явочнымъ порядкомъ, нужна, конечно, рѣшимость. Но ея, повидимому, у совѣтовъ и выбранныхъ ими лицъ—даже тамъ, гдѣ выбраны сторонники автономіи,—не особенно много. Такъ, напримѣръ, по вопросу о пріемѣ евреевъ ректора петербургскаго и московскаго университетовъ дали уклончивый отвѣтъ, поставивъ рѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ министерства, хотя и обѣщали съ своей стороны возбудить соотвѣтствующее ходатайство. По нѣкоторымъ другимъ вопросамъ «автономныя» школы также обнаружили склонность идти путемъ ходатайствъ, жалобъ и «мотивированныхъ заявленій». Допуская даже, что таковыя будутъ имѣть «полное значеніе», мы все-таки должны сказать, что это не автономія.

Между тѣмъ положеніе совѣтовъ очень щекотливое. Они легко могутъ очутиться «между молотомъ жизни и наковальней ея устоевъ», или, говоря менѣе образно, между студенчествомъ и департаментомъ. Правда, первую часть возложенной на нихъ обязанности—возстановить занятія—они, можетъ быть, выполнятъ, но самообольщаться этимъ все-таки не слѣдуетъ, ибо трудно даже сказать, кто въ дѣйствительности на этотъ разъ открылъ или откроетъ учебныя заведенія. Совѣты, конечно, сдѣлали все возможное, вплоть до удаленія воздвигнутыхъ г. Ждановымъ укрѣпленій. Много старались и сторонніе радѣтели, которые, конечно, склонны будутъ приписывать себѣ заслугу. Въ числѣ этихъ радѣтелей оказались даже «изгои»: В. А. Гольцевъ, М. М. Ковалевскій, Н. И. Карѣевъ. Особенно поусердствовалъ первый. Онъ обратился съ воззваніемъ «къ студентамъ», въ которомъ между прочимъ, писалъ:

Дорогіе товарищи!.. Учиться! Какое это благородное и отвѣтственное назначеніе!.. Учиться, учиться! Что можетъ быть въ настоящее время настоятельнѣе? Учиться не подъ палкой, не въ полицейскомъ режимѣ, а подъ руководствомъ людей — ими при всѣхъ горькихъ условіяхъ не оскудѣли русскіе университеты—всею душою преданныхъ свободному изслѣдованію и гражданскому долгу.

Общественныя явленія много сложнѣе біологическихъ. Ни одинъ добросовѣстный студентъ-медикъ не возьмется лѣчить трудного больного. Почему же такъ легко относиться къ врачеванью общественныхъ недуговъ? Повѣрьте, что во мнѣ говоритъ не охладѣвшая кровь, что я по прежнему преклоняюсь передъ великодушіемъ и самоотверженіемъ молодости. Но во

имя народа, которому не въ моготу раззоряющее его экономически и духовно невѣжество учитесь, учитесь! Верните съ историческими процентами то, что вы должны. Потерпите нѣкоторыя неудобства... Не сыграйте въ руку реакціи. Нѣкоторые органы „истинно-русскаго“ хамства уже учитываютъ въ свою пользу безпорядки въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, уже видятъ съ лакейскимъ злорадствомъ крушеніе профессорской автономіи. Помните, что общественному мнѣнію дорога эта автономія,..

Повидимому, г. Гольцевъ полагаетъ, что, если безпорядки происходили въ прошломъ (не даромъ же онъ посылаетъ упрекъ за легкое отношеніе къ общественнымъ недугамъ), и тѣмъ паче, если они произойдутъ въ будущемъ, то не иначе, какъ потому, что студенты не желаютъ или не понимаютъ, что нужно учиться. Усвоивъ эту точку зрѣнія,—на которой, къ слову сказать, съ самаго начала стояли всѣ «истинно-русскіе» органы,—г. Гольцевъ такъ хорошо доказалъ необходимость учиться, что даже Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ одобрилъ: «Хотя и изгой, а по нашему пишетъ».

Этотъ человѣкъ—читаемъ мы въ «Свѣтѣ»—говоритъ нынѣ то, взываетъ къ тому, къ чему взывали мы съ самаго начала студенческихъ забастовокъ... Путающіеся въ политику юноши могутъ служитъ только помѣхой для всякой дѣятельности. Это всегда говорили мы. Это говорятъ нынѣ кн. С. Н. Трубецкой и В. А. Гольцевъ.

Но въ сердцахъ молодежи воззваніе В. А. Гольцева, если судить по отвѣтнымъ изъ этой среды репликамъ, отклика совсѣмъ не встрѣтило. Да и трудно было бы на это разсчитывать. Большее непониманіе душевной драмы, которую изъ поколѣнія въ поколѣніе переживаетъ наша молодежь, трудно себѣ и представить...

Г. Гольцевъ угощаетъ только «маленькими неудобствами». Однако совѣты не гарантируютъ возможности—а въ ней вѣдь вся суть—учиться. Такъ, въ цитированной уже резолюціи совѣта петербургскаго университета мы, между прочимъ, читаемъ:

Какъ совѣты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и само правительство признаютъ зависимость студенческихъ волненій отъ общихъ политическихъ условій русской жизни. Пока жизнь русскаго общества не будетъ умиротворена осуществленіемъ и органическимъ развитіемъ возвѣщенныхъ общихъ реформъ, полное успокоеніе академической жизни не можетъ быть достигнуто ни властью, ни нравственнымъ вліяніемъ совѣта. Въ частности и въ интересахъ академической жизни по глубокому убѣжденію совѣта особенно настоятельнымъ слѣдуетъ признать обезпеченіе свободы печатнаго и устнаго слова, свободы собраній и союзовъ и неприкосновенности личности.

Только при такихъ условіяхъ, устраняющихъ возможность административнаго произвола и обезпечивающихъ всѣмъ и каждому право открыто выражать какъ единолично, такъ и коллективно свои убѣжденія, взволнованное настроеніе студенчества найдетъ нормальные выходы, и тѣмъ самымъ будетъ устранена коренная причина тѣхъ печальныхъ явленій, которыя донынѣ тормазили нормальный ходъ научной и учебной работы".

Въ самомъ дѣлѣ, нужно прямо смотрѣть въ глаза дѣйствительности. Не вмѣшиваться въ политику, особенно въ наше взволнованное время, юноши не могутъ. Если бы я могъ привести наиболѣе характерныя студенческія резолюціи, то для читателей совершенно ясно было бы, что именно «политика» и побуждаетъ молодежь, при очевидной почти невозможности спокойно учиться, собраться сейчасъ въ стѣны учебныхъ заведеній. «Новое Время», подсмѣиваясь надъ постановленіями большинства сходокъ, признавшихъ неизбѣжность политическихъ собраній въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, полагаетъ, что этого не въ состояніи были бы понять «ни Жоресъ, ни Бебель».

Это совсѣмъ новая политическая платформа. Политическія собранія въ самыхъ свободныхъ странахъ (Англія, Франція, Швейцарія) происходятъ въ парламентахъ, въ клубахъ, въ концертныхъ и театральныхъ залахъ, въ гостиницахъ, въ манежахъ, даже на площадяхъ и въ паркахъ, но только не въ зданіяхъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Если гг. студенты въ этихъ странахъ и участвуютъ (очень рѣдко!) въ собраніяхъ политическаго характера, то не въ качествѣ студентовъ, а просто въ качествѣ гражданъ. Почему же русскіе студенты хотятъ устроить изъ университетовъ помѣщенія для политическихъ собраній? Въ университетахъ учатся, а въ парламентахъ занимаются политикой. Гг. студенты особливо должны проникнуться этимъ сознаніемъ теперь, когда по окончаніи курса имъ предоставлена вовможность къ широкой и свободной политической дѣятельности.

То же въ сущности пишутъ и «Русскія Вѣдомости»: «Тѣ изъ учащихся, которые чувствуютъ себя призванными и подготовленными къ политической дѣятельности, имѣютъ возможность осуществлять ее помимо университета. «Имѣютъ возможность»... но гдѣ же? Въ какихъ клубахъ, на какихъ площадяхъ гг. студенты могутъ чувствовать себя «гражданами». «Имѣютъ возможность»... По отношенію къ Россіи это не рѣшилось сказать даже «Новое Время» и сочло за лучшее ограничиться посулами. Повторяю нужно прямо глядѣть въ глаза дѣйствительности и заранѣе предвидѣть, что чѣмъ свободнѣе будетъ чувствоваться въ университетѣ, тѣмъ больше

будутъ стягиваться къ нему люди, тѣмъ скорѣе окажется онъ въ центрѣ.

И вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ отнесутся къ этому профессорскія коллегіи. Сумѣютъ ли онѣ проявить надлежащій тактъ и необходимую выдержку? Больше того: сумѣютъ ли онѣ съиграть почетную роль, какую имъ, быть можетъ, предоставляетъ исторія?

Долженъ признаться, что и на этотъ счетъ у меня существуютъ большія опасенія. За совѣтъ московскаго университета, въ которомъ, повидимому, оказалось наибольшее количество сторонниковъ новаго курса, я опасаюсь не меньше даже, чѣмъ за другіе. Не первый уже разъ правительство обращается къ нему за содѣйствіемъ. Не далѣе, какъ въ 1901 году онъ сдѣлалъ попытку заткнуть «злосчастную отдушину», въ какую, по его мнѣнію, злонамѣренные люди обратили университетъ. Каждый—писали московскіе профессора въ своемъ воззваніи—старается пропустить черезъ него свое политическое или соціальное недовольство *). Можетъ быть, и теперь они возобновятъ свою попытку...

Если они сдѣлаютъ это,—а склонность въ этомъ направленіи уже проявлена—то, конечно,—съ самыми добрыми намѣреніями. Московская «профессорская» газета «Русскія Вѣдомости»—уже ссылается на «чувство собственнаго коллективнаго самосохраненія, сознаніе необходимости сохранить университетъ и обезпечить въ немъ возможность правильныхъ занятій». Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вотъ и г. Гольцевъ говоритъ: «общественному мнѣнію дорога эта автономія». Какъ же не сохранить то, что «мы разомъ получили»?

Автономія, конечно, дорога, но не та, которая сведется къ самосохраненію. Да и вообще о «самосохраненіи», какъ я думаю,

---

*) Цитирую по памяти, но думаю, что многіе читатели хорошо помнятъ это знаменитое объявленіе, подъ которымъ стояли подписи почти всѣхъ профессоровъ московскаго университета. Послѣ ходили слухи, что профессора одобрили его, не вслушавшись, а нѣкоторые увѣряли, что ихъ именами злоупотребили. Однако, никто изъ нихъ публично не заявилъ протеста. Гдѣ-же гарантія, что и теперь кто-нибудь не „злоупотребитъ“ ими?

Я могъ бы даже не дѣлать этой оговорки. Въ самомъ дѣлѣ, важно вѣдь то, что было сдѣлано на площади, а не то, что люди потомъ передавали на ухо.

говорить не время. На очереди стоитъ вопросъ о сохраненіи вида, народа, а для этого нерѣдко нужно самопожертвованіе.

Время, въ которое мы живемъ, жестокое. Исторія какъ бы говоритъ:

— Не милости хощу, а жертвы...

XX. Памяти парламентера.

Октябрь.

29 сентября скончался кн. С. Н. Трубецкой—одинъ изъ самыхъ популярныхъ общественныхъ дѣятелей послѣдняго времени. Двѣ-три нервныхъ и отрывочныхъ реплики, поданныхъ въ предъидущей главѣ мною по адресу «перваго выборнаго ректора Московскаго университета», не могутъ, конечно, замѣнить некролога. Общественная роль покойнаго требуетъ болѣе спокойной съ нашей стороны оцѣнки.

Еще годъ тому назадъ имя кн. С. Н. Трубецкого—профессора—почти вовсе не было извѣстно широкимъ кругамъ публики. Только одинъ разъ, если не ошибаюсь, имя покойнаго оказалось до извѣстной степени связаннымъ съ теченіями общественной мысли, привлекавшими къ себѣ вниманіе русской интеллигенціи. Когда въ нѣдрахъ марксизма зародилось теченіе, нашедшее потомъ свое выраженіе въ лозунгѣ: «назадъ, къ Канту», то П. Б. Струве и нѣкоторые другіе видные тогда марксисты, перенесшіе свои изысканія на философскую почву, начали печатать свои статьи въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи», выходившемъ подъ редакціей С. Н. Трубецкого. Извѣстный дотолѣ только спеціалистамъ, журналъ появился въ болѣе широкихъ кругахъ читающей публики. Преклонявшіеся въ ту пору передъ г. Струве, русскіе ученики Маркса готовы были, казалось, съ головой уйти въ увлекшую его «гносеологію». Но это продолжалось очень не долго. Область была слишкомъ спеціальна, и экскурсіи въ нее для непосвященныхъ были слишкомъ утомительны. Одно это, впрочемъ, не остановило бы читателей, преодолѣвавшихъ и не такія трудности. Но самое теченіе, по мѣрѣ того какъ выяснялись его характеръ и дѣйствительное направленіе, оказалось не достаточно властнымъ,

чтобы увлечь сколько-нибудь значительную часть русской интеллигенціи. Естественное и даже неизбѣжное движеніе «отъ марксизма къ идеализму» пошло въ дѣйствительности другими путями. Въ эту же сторону направились лишь тѣ изъ неудовлетворявшихся матеріалистической догмой, которые искали примиренія съ дѣйствительностью. Это былъ путь отъ ученаго доктринерства къ «реальной политикѣ», отъ непреклонной ортодоксіи ко всевозможнымъ компромиссамъ. Но и въ этомъ направленіи многіе воспользовались болѣе прямой дорогой, не утруждая себя утомительнымъ блужданіемъ въ дебряхъ метафизики. Не въ идеализмѣ и даже не въ метафизическомъ идеализмѣ было дѣло; не онъ, во всякомъ случаѣ, помогъ потомъ всѣмъ, шедшимъ въ эту сторону, сойтись на одной платформѣ. Не сильная, не широкая и не глубокая струя общественной мысли, прошедшая черезъ «Вопросы философіи и психологіи«, не могла, конечно, сдѣлать имя ихъ редактора популярнымъ. При томъ самъ онъ въ этомъ теченіи не игралъ активной роли: къ нему шли, а не онъ велъ отправившихся къ Канту...

Не онъ велъ... Съ извѣстнымъ правомъ это, я думаю, можно сказать и объ общественной дѣятельности кн. С. Н. Трубецкого, сдѣлавшей его имя извѣстнымъ широкимъ кругамъ публики. Эта дѣятельность, поскольку она протекала на глазахъ всей Россіи, продолжалась очень не долго. Ее не трудно окинуть однимъ взглядомъ и, если ужъ характеризовать ее однимъ словомъ, то я бы сказалъ, что это была дѣятельность не вождя, а парламентера.

Въ качествѣ парламентера, именно, покойный произнесъ рѣчь 6 іюня, доставившую ему общероссійскую извѣстность. Въ мягкой и нѣсколько затуманенной формѣ онъ изложилъ пожеланія пославшей его группы. Едва ли нужно напоминать, какъ скромны были эти пожеланія: всеобщее избирательное право и предварительныя гарантіи. Напрасно многіе потомъ старались вычитать въ рѣчи кн. Трубецкого и третье, казалось бы, непремѣнное пожеланіе,—а именно пожеланіе относительно законодательной власти представительнаго собранія. Но этого, какъ разъяснили потомъ сами участники депутаціи, высказано не было. Какъ ни скромны были высказанныя пожеланія, они оказались, однако, непріемлемыми. Но и это не поколебало вѣры въ возможность получить свободу путемъ переговоровъ...

29 сентября кн. С. Н. Трубецкой явился вновь въ Петербургъ

въ качествѣ парламентера, на этотъ разъ отъ старѣйшаго университета. Пожеланіе, которое онъ взялся высказать, было еще скромнѣе—рѣчь шла только о свободѣ собраній; и высказано оно было въ несравненно болѣе скромной обстановкѣ—передъ министромъ и въ одной изъ бюрократическихъ коммиссій. Выполняя эту миссію, кн. С. Н. Трубецкой и умеръ, какъ выразились «Русскія Вѣдомости», «въ самомъ станѣ противниковъ».

Между этими двумя датами,—между началомъ всероссійской извѣстности кн. С. Н. Трубецкого и его преждевременной и тяжко поразившей всѣхъ кончиной,—необходимо отмѣтить его дѣятельность въ качествѣ перваго выборнаго ректора московскаго университета. Самая «автономія», какъ полагаютъ, явилась на свѣтъ не безъ его участія. По крайней мѣрѣ, въ печати высказывалось предположеніе, что «правила 27 августа» имѣютъ связь съ запиской, представленнной кн. Трубецкимъ по лично данному ему 6 іюня порученію. До извѣстной степени это былъ, стало быть, результатъ тоже переговоровъ и при томъ удавшихся,—конечно, потому, что другого исхода у бюрократіи не было. Подавая записку и вступая потомъ въ должность ректора, покойный, нужно думать, былъ искренно убѣжденъ, что возможно создать свободный университетъ, хотя бы страна и не была еще свободна. Въ предъидущей главѣ я привелъ отрывокъ изъ его рѣчи, въ которой такъ громко звучала торжествующая нота: «Мы получили—сказалъ онъ—разомъ то, что желали; мы побѣдили силы реакціи»... Жизнь не замедлила, однако, убѣдить его въ невозможности примирить непримиримое,—примирить свободный университетъ съ полицейскимъ режимомъ. Пріемлемое для бюрократіи оказалось непріемлемымъ въ жизни. Вмѣсто свободнаго университета, получилась «злосчастная отдушина», заткнуть которую было уже не мыслимо. Не прошло и мѣсяца, какъ кн. Трубецкому пришлось ѣхать для новыхъ переговоровъ съ «силами реакціи»...

Не долго кн. Трубецкой пробылъ на политической аренѣ, но за это время онъ испыталъ всю горечь выпавшей на его долю миссіи. Въ случаѣ удачи она была такъ же горька, какъ и въ случаѣ неудачи. Она же его и сломила...

Между тѣмъ, сама судьба, казалось, готовила покойнаго для роли парламентера. Искренній и преданный сторонникъ свободы, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ своихъ соратниковъ, онъ былъ

въ то же время свой человѣкъ и «въ станѣ противниковъ». По рожденію, воспитанію и связямъ онъ принадлежалъ къ той средѣ, съ которой долженъ былъ вести переговоры. Наглядно это сказалось у его гроба, проводить который собрались представители обѣихъ враждующихъ армій. «У вѣнковъ—сообщаютъ газеты—рѣзко преобладали красныя ленты». И тутъ же вѣнокъ изъ бѣлыхъ орхидей, возложенный гр. Гейденомъ отъ царскаго имени.

Едва ли кто другой подходилъ къ трудной роли, какая выпала на долю кн. С. Н. Трубецкого. Принимаемый, какъ свой человѣкъ, оно, несомнѣнно, умѣлъ говорить съ противниками, умѣлъ говорить такъ, что его слушали, что его понимали, что съ нимъ соглашались. Даже въ этомъ роковомъ для кн. Трубецкого засѣданіи, по словамъ присутствовавшаго на немъ лица, «сразу было видно общее согласіе членовъ совѣщанія съ предложеніями покойнаго»... Лучшаго парламентера русскимъ либераламъ найти было бы трудно.

Другой вопросъ: нужны ли были эти переговоры? Чего, въ самомъ дѣлѣ, добилась бы та же земская депутація даже въ случаѣ удачи? Заключивъ тогда миръ, она уступила бы конституцію...

Не на мирныхъ конгрессахъ, а на полѣ брани пишется исторія. И странно было бы разсчитывать, что врага можно побѣдить доводами.

«Покойный—пишетъ П. Н. Милюковъ—былъ однимъ изъ послѣднихъ, которые еще вѣрили, что общественную борьбу можно вести доводами моральнаго убѣжденія и что возможно какое-то примиреніе, и за свою вѣру онъ заплатилъ своею жизнью... Многое, во что, скрѣпя сердце, долго и упорно вѣрило русское общество, умретъ вмѣстѣ съ нимъ»...

П. Н. Милюковъ лучше меня знаетъ ту среду, о которой пишетъ, но я всетаки боюсь, что онъ ошибается. Вѣра въ «возможность примиренія» не на кн. С. Н. Трубецкомъ только держалась и едва ли съ его смертью она окончательно угасла. Я боюсь, что русскіе либералы опять при первой возможности вступятъ въ переговоры и опять пошлютъ парламентера въ «станъ противниковъ»... Склонность въ этой средѣ найти компромиссъ между идеалами и дѣйствительностью такъ велика, что возможно даже сотрудничество...

Не случайно я упомянулъ о томъ теченіи, одна изъ струг

котораго прошла черезъ «Вопросы философіи и психологіи». Думаю, что, какъ тогда, такъ и теперь роль кн. С. Н. Трубецкого была одинакова. Не онъ велъ... Сами шли и сами пришли—вмѣсто высокихъ идеаловъ къ метафизическому идеализму и вмѣсто активной борьбы къ мирнымъ переговорамъ...

Отдадимъ нашъ долгъ честному гражданину, погибшему въ борьбѣ, для которой онъ не зналъ другого оружія, кромѣ доводовъ. Но не будемъ возлагать на него одного всю тяжесть отвѣтственности. Ее должны раздѣлить съ нимъ всѣ тѣ, которые съ разныхъ сторонъ собрались на платформѣ такъ называемой «реальной политики».

XXI. О голодѣ и писательскомъ безсиліи.

Октябрь.

I.

Центральный статистическій комитетъ, какъ сообщили газеты, подвелъ итоги: весь сборъ хлѣбовъ въ Россіи въ настоящемъ году опредѣлился въ 2.535 милліоновъ пудовъ,—менѣе, чѣмъ въ прошломъ году, на 789 милл. пудовъ или на 23%. По сравненію со среднимъ сборомъ за предшествующее пятилѣтіе недоборъ достигаетъ 316 милл. пудовъ. «Нормальной» цѣной ржи министерство считаетъ въ настоящее время 75 коп. за пудъ *). При такой цѣнѣ исчисленный статистическимъ комитетомъ недоборъ составитъ: по сравненію съ неблагополучнымъ пятилѣтіемъ почти 240 милл. рублей, а по сравненію съ прошлымъ годомъ—болѣе 570 милл. рублей.

Но центральный комитетъ считалъ только зерно. Недоборъ въ сѣнѣ, соломѣ, картофелѣ, льнѣ, пенькѣ, молокѣ и другихъ продуктахъ долженъ составить, быть можетъ, такую же сумму. Общую цифру недобора нужно, такимъ образомъ, вѣроятно, удвоить. По-

*) Средняя цѣна ржи обыкновенно бываетъ близка къ средней цѣнѣ всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ, производимыхъ въ Россіи, и потому можетъ служить основаніемъ для приблизительной оцѣнки жатвы. Необходимо, однако, замѣтить, что въ дѣйствительности цѣна на рожь во многихъ неурожайныхъ губерніяхъ уже превысила министерскую „норму". Въ Псковской, напримѣръ, губерніи за мѣшокъ муки ($4^1/_2$ п.) платятъ уже 5 руб.

лучится милліардъ или полъ-милліарда, смотря по тому, съ чѣмъ мы будемъ сравнивать.

Японская война стоила, какъ предполагаютъ, около двухъ милліардовъ, но они будутъ разложены на много лѣтъ, на нѣсколько поколѣній. Эту же сумму — сумму недобора — страна должна такъ или иначе оплатить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Милліардъ или полъ-милліарда—это «общая» цифра, общая для всей Россіи. Едва ли нужно пояснять, что она въ данномъ случаѣ значитъ. Достаточно напомнить, что эти самые «общіе итоги», когда они не были еще извѣстны въ цифровыхъ знакахъ, наши оффиціозы пытались использовать въ цѣляхъ успокоенія публики. Выходило чуть ли не полное благополучіе.

Если—читали мы—урожай нынѣшняго года въ отдѣльныхъ районахъ и ожидается весьма неблагопріятнымъ, то въ общемъ итогѣ, насколько можно судить по даннымъ „Торгово-Промышленной Газеты“ и „С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства“, положеніе представляется не столь мрачнымъ, какъ это можно было бы думать по газетнымъ оцѣнкамъ, авторы которыхъ допустили въ своихъ выводахъ рискованныя обобщенія... Объ общемъ неурожаѣ въ странѣ говорить нѣтъ никакого основанія; недоборъ въ однихъ районахъ компенсируется излишками сбора въ другихъ, и потому по общимъ экономическимъ итогамъ сельско-хозяйственный годъ, надо полагать, не будетъ ниже средняго.

Оффиціозъ обманулся въ своихъ разсчетахъ: сельско-хозяйственный годъ «по общимъ экономическимъ итогамъ» оказался ниже средняго, по крайней мѣрѣ, на полъ-милліарда. Но и помимо этого общій итогъ представляетъ не что иное, какъ самое «рискованное обобщеніе». Недоборъ однихъ районовъ въ немъ «компенсированъ» излишками другихъ. Откиньте эти излишки, вернитесь отъ итога къ слагаемымъ, — и передъ вами окажутся несравненно болѣе «мрачныя» цифры.

За 15 лѣтъ—писалъ предсѣдатель тульской губернской управы въ своемъ воззваніи— пятая голодовка и такая, какой мы еще не видѣли... Не родилась рожь—нѣтъ хлѣба, нѣтъ соломы, единственнаго топлива черноземной полосы. Не родились овсы и травы—нѣтъ корма. До послѣднихъ дней была надежда на просо, гречь, картофель, ячмень и другіе подспорные хлѣба, но засуха послѣдняго мѣсяца унесла и эти надежды.

Весь хлѣбъ—пишутъ изъ Епифанскаго уѣзда—уже съѣденъ. Гумна пусты. Соломы нѣтъ. Топятъ конскимъ навозомъ, медленно и съ трудомъ собирая его по полямъ. Нѣтъ ни сѣна, ни корма для скота; нѣтъ молока для малолѣтнихъ ребятъ.

«Ничего нѣтъ»—таковы нѣкоторыя изъ величинъ, какія покрыло собою «рискованное обобщеніе». Какъ великъ недоборъ безъ компенсаціи его излишками, мы узнаемъ не прежде, чѣмъ появятся подробныя публикаціи центральнаго комитета. Тогда приведенныя мною цифры придется, быть можетъ, еще разъ удвоить. И значеніе ихъ, конечно, нисколько не можетъ умалить то соображеніе, что оплатить этотъ милліардный счетъ придется не всей странѣ, а только двадцати тремъ губерніямъ.

Весь вопросъ сейчасъ въ томъ, чѣмъ онѣ его оплатятъ? Гдѣ и какъ «ёнъ достанетъ?»

«Скотъ безъ цѣны: лошади продаются за 2—3 рубля, жеребята за нѣсколько гривенниковъ и тутъ же, на глазахъ своихъ бывшихъ хозяевъ, рѣжутся на шкуру. Не дай Богъ кому-либо видѣть такія картины»... «Близки осенніе холода, а теплая одежда заложена лавочникамъ и кулакамъ съ весны. Выкупить, конечно, нечѣмъ»... «Работъ, какъ всегда въ неурожайные годы, нѣтъ»... «Взрослый сильный народъ, бросая хозяйство, бѣжитъ на сторону, бѣжитъ въ города, въ Москву, забивъ свои избы, распихавъ по сосѣдямъ своихъ женъ, дѣтей, стариковъ. И не мало заколоченныхъ избъ виднѣется въ каждой деревнѣ».

Какъ бы то ни было, «ёнъ» проявляетъ всю свойственную ему изобрѣтательность.

Кто-то изъ дѣтей — разсказываетъ г-жа Авилова — бросилъ нашей собакѣ кусокъ хлѣба. Но въ это время входитъ во дворъ нищая, и собака, не съѣвъ хлѣба, съ лаемъ бросается къ ней. Нищей даютъ какую-то монету, но она не уходитъ. Она на что-то рѣшается и не можетъ рѣшиться.

— Родименькіе!—наконецъ, говоритъ она молящимъ голосомъ.—Вотъ хлѣбца-то кусочекъ... должно, брошенъ?.. Пожертвуйте... Дозвольте... Для дѣточекъ... для дѣточекъ!..

Такова дѣйствительная, а не мнимая «компенсація». Какъ просто и легко достигается эта самая «компенсація» на бумагѣ, но съ какимъ трудомъ, съ какими невыразимыми муками дается она въ жизни!

Милліардъ и брошенная собакамъ корка... Рѣзкое это сопоставленіе и даже нелѣпое. Но несомнѣнно, что таковъ именно основной смыслъ тѣхъ фактовъ, совокупность которыхъ называется голодомъ...

II.

Съ мѣсяца на мѣсяцъ я откладываю эту тему. Недоумѣваютъ товарищи, недоумѣваютъ, быть можетъ, и читатели. Не «Русскому Богатству», казалось бы, молчать о голодѣ...

И не мнѣ, теперешнему его обозрѣвателю... Восемь лѣтъ я работаю въ журналѣ и своимъ перомъ участвовалъ уже въ четырехъ голодныхъ кампаніяхъ. Тема для меня знакомая, особенно близкая и особенно сильно всегда волнующая. Но на этотъ разъ у меня нѣтъ желанія на нее отозваться. Еще ни разу я не чувствовалъ такъ остро своего писательскаго безсилія...

Припоминается первая голодная кампанія, въ которой мнѣ пришлось принять участіе. Это было въ 1897—8 году, въ министерство И. Л. Горемыкина, когда голодъ особенно усиленно отрицался. Я тогда былъ статистикомъ въ одной изъ пострадавшихъ губерній. Помню, какъ нервно работали мы, спѣша установить размѣры нужды. Недоборъ у крестьянъ по нашимъ даннымъ опредѣлился въ 13 слишкомъ милліоновъ рублей. Мы приняли въ разсчетъ всѣ заработки, какіе населенію могли быть доступны, и всю экономію, на какую оно было способно; оказалось, что и за всѣмъ тѣмъ ему не хватитъ 4 милліоновъ рублей. Два милліона изъ этой суммы еще могли быть покрыты распродажей менѣе необходимаго имущества, какое могло найтись у болѣе зажиточныхъ группъ, но два милліона падали на тѣхъ, кому продавать было нечего. Покрыть эти два милліона населеніе могло только «дальнѣйшимъ, крайне опаснымъ сокращеніемъ своего потребленія»...

Съ этими данными губернская управа и явилась въ губернское совѣщаніе. Но у губернатора имѣлись другія данныя, которыя доставили ему «ближе проникнувшіе нужду крестьянъ» земскіе начальники. Впрочемъ, не въ данныхъ, какъ оказалось потомъ, было дѣло. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ губернатора, что за недостаткомъ средствъ изъ имперскаго продовольственнаго капитала можетъ быть отпущено на нашу губернію не болѣе 300 тыс. руб. И данныя нужны были лишь за тѣмъ, чтобы легче было заставить совѣщаніе «проникнуть» въ опредѣленную такимъ путемъ нужду населенія. Достигнуть этого при хорошо подобранномъ составѣ совѣщанія было не трудно. Послѣ нѣкоторыхъ довольно беззастѣнч-

выхъ манипуляцій надъ цифрами уѣздныхъ земствъ, среди которыхъ оказались не сумѣвшія во время проникнуть въ тайны данной губернатору инструкціи, совѣщаніе опредѣлило размѣры нужды въ 306 тыс. руб. Оставалось только округлить эту цифру, что и было выполнено съ успѣхомъ...

Земская статистика была тогда еще новинкой въ губерніи. Этимъ, конечно, и объясняется, что она не была устранена своевременно. Собранныя статистиками данныя были всетаки оглашены въ совѣщаніи. Создалась неловкость, съ особою рѣзкостью бросавшаяся въ глаза на бумагѣ: съ одной стороны, таблицы, нормы, всякіе разсчеты, съ другой—одно лишь «проникновеніе». Долго губернаторская канцелярія составляла журналъ совѣщанія и много ею было написано... не о продовольственныхъ нуждахъ губерніи, а о безполезности и даже вредоносности земской статистики.

Съ тѣхъ уже поръ мнѣ знакомо чувство безсилія... Мы стали собирать корки. Нѣкоторые изъ статистиковъ сдѣлались посредниками между вольно-экономическимъ обществомъ и голодающими. Но въ этомъ не было уже увлеченія: все это было слишкомъ ничтожно, и, я думаю, напрасно такъ сильно безпокоилась по этому поводу мѣстная полиція. Оставалась, однако, еще одна инстанція—общественное мнѣніе. Когда жизнь со свойственною ей суровостью начала оправдывать наши разсчеты, въ газетахъ стали появляться корреспонденціи, основанныя на оффиціальныхъ документахъ. Новое безпокойство для мѣстной администраціи. Приказано было найти корреспондентовъ. Опредѣлить мѣсто, гдѣ засѣли газетчики, было не трудно, трудно было лишь назвать ихъ по имени. Какъ лицу, отвѣтственному за всю статистику, мнѣ было сдѣлано предупрежденіе, что въ случаѣ дальнѣйшихъ газетныхъ разоблаченій я долженъ буду прекратить службу въ губерніи. Съ своей стороны мнѣ оставалось предупредить управу, чтобы она тотчасъ же подумала о моемъ замѣстителѣ: чрезъ двѣ или три недѣли въ «Русскомъ Богатствѣ» появилась корреспонденція за моею подписью...

Общественное мнѣніе всетаки сослужило свою службу. Многіе еще, вѣроятно, помнятъ, какъ трудно ему было тогда высказаться. Только одна газета («С.-Петербургскія Вѣдомости») рѣшалась прямо говорить о голодной нуждѣ, другія же должны были ходить вокругъ да около. Противъ вольно-экономическаго

общества, поднявшаго шумъ по поводу голода, были пущены въ ходъ репрессіи. Даже въ высокихъ сферахъ разговоры на эту тему велись только шепотомъ. Къ этому времени относится, между прочимъ, столь же таинственная, сколь и высокая миссія г. Клопова. Напоръ общественнаго мнѣнія оказался, однако, достаточно сильнымъ, и къ веснѣ нужда была признана. Не прошли безслѣдно появившіяся въ это время газетныя корреспонденціи и для нашей губерніи. Отъ губернатора были затребованы объясненія, и въ концѣ концовъ ссуда для губерніи была болѣе чѣмъ удвоена. Правда, было уже поздно, и использовать ее въ полной мѣрѣ, кажется, было уже невозможно. Но всетаки... всетаки была какая-то сила, на которую можно было опереться въ борьбѣ съ голодомъ.

Недавно это было, но какимъ далекимъ и наивнымъ кажется это время. Подумайте только: боялись разговоровъ о голодѣ, стыдились народнаго рубища, считались съ силою мнѣнія...

Теперь уже нѣтъ ни этого стыда, ни этого страха. Всѣ язвы уже оголены, и если оффиціозы пытаются еще подчасъ навести лоскъ благополучія, то дѣлаютъ это только въ силу привычки. Тифъ, цынга... но развѣ эти картины могутъ смутить тѣхъ, кто видѣлъ кровь, трупы? Что касается словъ, то смѣшно даже подумать, что въ наши дни можно чего-нибудь добиться, напримѣръ, корреспонденціей. Слово «голодъ» теперь можно писать всѣми буквами, но никто отъ него не вздрогнетъ, никто не покраснѣетъ.

Не перо теперь нужно... Сила слова уже исчерпана. Настало время другихъ средствъ, сильнѣе дѣйствующихъ. Нужны эти средства и въ борьбѣ съ голодомъ.

III.

Борьба съ голодомъ... Это, конечно, анахронизмъ. Оборотъ рѣчи, которымъ мы по привычкѣ пользуемся, давно уже утратилъ свой смыслъ. Съ чѣмъ или кѣмъ въ самомъ дѣлѣ боролся хотя бы В. Г. Короленко въ 1891 году?—съ голодомъ или «лукояновцами»? Уже тогда борьба имѣла двойственный характеръ.

Съ теченіемъ же времени центръ тяжести все больше перемѣщался: борьба съ голодомъ все больше и больше уступала мѣсто борьбѣ за голодающихъ. Сошлюсь на только что приведен-

ную страничку изъ личныхъ воспоминаній. Наша борьба съ голодомъ силою вещей осѣклась въ самомъ началѣ, закончилась собираніемъ и разработкой ни на что не пригодившихся статистическихъ данныхъ. На столовыя и хлѣбопекарни у насъ увлеченія уже не хватило. Впрочемъ, и съ ними мы все равно далеко не уѣхали бы. Я уже упомянулъ, какъ зорко полиція слѣдила за тѣмъ, чтобы мы не вошли въ какія-либо сношенія съ голодающими.

Въ 1897—98 году эти попытки принять въ той или иной формѣ непосредственное участіе въ борьбѣ съ голодомъ были всетаки еще многочисленны. Потомъ и онѣ прекратились. Возможность пробраться къ голодающимъ, стать лицомъ къ лицу съ голодомъ, съ каждымъ годомъ становилась все болѣе и болѣе проблематичной. Въ 1901 году продовольственное дѣло было изъято изъ вѣдѣнія земства и въ немъ всецѣло воцарилось «проникновеніе». Въ томъ же 1901 году частная благотворительность отдана была подъ надзоръ полиціи.

Надѣюсь,—пишетъ теперь А. А. Стаховичъ,—что сумѣю оградить отъ притѣсненія администраціи лицъ, которыя пожелаютъ личнымъ трудомъ участвовать въ дѣлѣ помощи голодающимъ.

Нужно надѣяться,—говоритъ въ своемъ воззваніи епифанскій предводитель дворянства кн. Голицынъ,—что въ настоящее время частной благотворительности на мѣстахъ не будетъ ставиться формальныхъ препятствій; объ устраненіи ихъ ходатайствовало недавно епифанское земство...

Надѣюсь, нужно надѣяться... Но увѣренности нѣтъ даже у предводителей дворянства. Да и какая, въ самомъ дѣлѣ, въ наши дни можетъ быть увѣренность? Графъ Бобринскій изъ Богородицкаго уѣзда пишетъ воззванія, а противъ графини Бобринской, тоже принимающей участіе въ борьбѣ съ голодомъ, въ томъ же самомъ уѣздѣ организуется черная сотня.

... Нынѣшнимъ лѣтомъ,—разсказываетъ, между прочимъ, она—въ Тульскую губернію отправлено было до 14-ти отрядовъ сыщиковъ и при этомъ посланы тайные циркуляры прямо изъ Петербурга мелкимъ мѣстнымъ властямъ. Говорилось особенно о трехъ циркулярахъ. Въ одномъ предписывалось всѣмъ властямъ вплоть до урядника принимать мѣры противъ всѣхъ собраній, созываемыхъ на основаніи рескрипта 18 февраля; за превышеніе власти не полагается отвѣтственности, за нерѣшительность въ дѣйствіяхъ виновный исключается изъ службы безъ права пенсіи...

Другихъ циркуляровъ можно не излагать; довольно одного этого. Не трудно себѣ представить, что послѣдуетъ, если одинъ изъ «отрядовъ» или какая-либо «мелкая мѣстная власть» сочтутъ пріѣхавшихъ «на голодъ» за тѣхъ, противъ кого они должны принимать мѣры, не опасаясь никакой отвѣтственности. Что это вполнѣ возможно, едва ли нужно даже говорить. Если полиція не побоялась проявить «рѣшительность» по отношенію къ графинѣ, мѣстной землевладѣлицѣ, то съ какими-нибудь курсистками и подавно она церемониться не станетъ. Въ каждой столовой бываютъ вѣдь «собранія», а кто же тамъ разберетъ, на основаніи какого рескрипта ѣдятъ кашицу голодающіе.

Я не знаю, на кого надѣются г. Стаховичъ и кн. Голицынъ. Можетъ быть—на губернаторовъ. Какъ «ограждаютъ» губернаторы—это мы видѣли въ Балашовѣ. Да и что они могутъ сдѣлать, если бы даже желали? Вѣдь отряды и циркуляры, какъ удостовѣряетъ графиня Бобринская, посылаются «прямо изъ Петербурга»..

Ну, а тамъ всегда больше думали о крамолѣ, чѣмъ о голодѣ.

IV.

Борьба съ голодомъ, повторяю, это—анахронизмъ, и говорить о ней теперь можно только по недоразумѣнію. Въ дѣйствительности давно идетъ иная борьба, и въ нее ушли уже всѣ живыя силы.

Возгорѣлась она около голодающихъ. Начало переживаемаго нынѣ общественнаго подъема многіе относятъ именно къ 1891 году. Кровообращеніе въ обезсиленномъ и какъ бы омертвѣвшемъ общественномъ организмѣ возобновилось, можно думать, нѣсколько раньше *), но видимые признаки жизни общество обнаружило

*) Въ замѣткѣ „Изъ исторіи читателя“ („Жизнь“, 1899 г.) мною были приведены какъ-то статистическія данныя, заставляющія думать, что оживленіе въ читательской средѣ, послѣ рѣзкаго паденія въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, появилось и стало наростать уже съ конца этого десятилѣтія. Вообще статистика можетъ дать, какъ я думаю, не мало цѣнныхъ указаній относительно возникновенія и наростанія современнаго общественнаго движенія. Видимому теперь движенію массъ несомнѣнно предшествовало задолго ранѣе начавшееся молекулярное движеніе, и статистическія кривыя, какъ приходится теперь убѣждаться, отмѣчали подъемъ уже тогда, когда другихъ, доступныхъ наблюденію, признаковъ его еще не было.

только во время голода. Общественныя силы пробудились отъ летаргіи, и тогда же произошли первыя схватки съ «лукояновцами».

Въ начавшейся борьбѣ общество несло пораженіе за пораженіемъ, и едва ли не самыя тяжкія изъ нихъ имѣли мѣсто на продовольственной аренѣ. Въ 1901 году, какъ я уже упомянулъ, съ послѣдней общественныя силы были окончательно вытѣснены. «Бороться съ бѣдствіемъ при новомъ продовольственномъ уставѣ,— говоритъ предсѣдатель тульской губернской управы кн. Львовъ,— можно, только откинувъ всякіе счеты съ закономъ». Но не это сейчасъ мѣшаетъ обществу предпринять борьбу съ голодомъ.

Не смотря на пораженія, общественныя силы все время расли. Въ начавшемъ пробуждаться организмѣ все новыя и новыя частички приходили въ движеніе, и теперь уже всколыхнулась почти вся масса. Теперь общество, быть можетъ, и не испугалось бы «счетовъ съ закономъ». Не испугалось бы оно, вѣроятно, и неизбѣжной встрѣчи съ черной сотней. По крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ уже слышатся призывы и при томъ со стороны лицъ, еще недавно щеголявшихъ въ наглухо застегнутомъ мундирѣ лойяльности, да и сейчасъ далеко не совсѣмъ его сбросившихъ.

Русское общество—пишетъ, напримѣръ, проф. В. И. Вернадскій—можетъ завоевать себѣ новыя, исторически неизбѣжныя права и иное болѣе его достойное положеніе въ государствѣ не только путемъ пріобрѣтенія юридическаго акта, въ которомъ эти права и это положеніе опредѣлены,— оно можетъ добиваться ихъ путемъ фактическаго удовлетворенія своихъ нуждъ... Неурожай наступилъ. Въ борьбѣ съ нимъ русское общество немедленно должно осуществлять свободную общественную иниціативу и самодѣятельность, фактическій контроль и регулированіе дѣятельности правительственныхъ органовъ.

Силы, можетъ быть, и нашлись бы, и на нихъ, конечно, скорѣе можно было бы положиться, чѣмъ на ходатайства земствъ и даже личныя предстательства гг. предводителей передъ гг. губернаторами. Но ихъ трудно передвинуть на продовольственную арену. Почему трудно—это ясно изъ призыва г. Вернадскаго. Какую, въ самомъ дѣлѣ, «нужду» онъ считаетъ возможнымъ и необходимымъ «фактически удовлетворить?» Не голодающихъ накормить. Нѣтъ! эта нужда, хотя онъ и взялся о ней говорить, въ концѣ концовъ, незамѣтно, можетъ быть, для него самого,

исчезла и на ея мѣстѣ оказалась другая: «свободная общественная инициатива и самодѣятельность, фактическій контроль и регулированіе дѣятельности правительственныхъ учрежденій». Вмѣсто хлѣба, оказалась конституція.

Не въ качествѣ упрека г. Вернадскому я констатирую эту подмѣну. Не камнемъ онъ подмѣняетъ хлѣбъ, который нуженъ голодающимъ. Я знаю, какъ настоятельна выдвигаемая имъ нужда, какъ много шире она продовольственной нужды 23 губерній. Вопросъ идетъ о жизни цѣлаго народа. Но всетаки борьба, къ которой онъ зоветъ, не есть борьба съ голодомъ.

Между тѣмъ, къ этой подмѣнѣ склонно сейчасъ почти все русское общество. Борьба, начавшаяся когда-то около голодающихъ, постепенно вся перешла на другую арену. Хлѣбъ отодвинулся вдаль, и его въ глазахъ многихъ цѣликомъ заслонила свобода. Съ русскимъ обществомъ произошло въ сущности то же, что и съ русской бюрократіей. Привлечь сейчасъ его вниманіе къ голоду такъ же трудно, какъ и бюрократію заставить думать о чемъ-нибудь иномъ, кромѣ кармолы.

Противопоставлены двѣ силы, напряженная борьба идетъ по всей линіи, можетъ быть, близокъ Мукденъ русской бюрократіи. Привлечь въ эту минуту вниманіе къ голодающимъ не только трудно, прямо не мыслимо. Вѣдь это только среда, только фонъ картины.

И когда я всматриваюсь въ нее, мнѣ все время мерещатся китайцы. Кто, въ самомъ дѣлѣ, думалъ объ этихъ несчастныхъ, когда вокругъ нихъ ревѣли пушки и лопались шрапнели? Кто думалъ объ ихъ истоптанныхъ поляхъ и разрушенныхъ фанзахъ, объ ихъ боляхъ и мукахъ, объ ихъ раззореніи и ихъ голодѣ? Вниманіе всего міра было приковано къ русскимъ и японцамъ. Англичане и нѣмцы, французы и американцы выражали свое сочувствіе тѣмъ или другимъ изъ воюющихъ и оказывали болѣе или менѣе серьезную, болѣе или менѣе замаскированную помощь. Что касается матеріальныхъ знаковъ этого сочувствія, то въ этомъ отношеніи главную роль игралъ, конечно, разсчетъ, а не безкорыстное чувство. Но всетаки... Собирали деньги на раненыхъ, собирали ихъ на саблю Стесселю и кортикъ Оямѣ. Китайцамъ же никѣмъ не было оказано даже этой милостыни вниманія: къ нимъ не было послано ни одного врача, на помощь имъ не было собрано ни одного сан-

тима. Про самихъ воюющихъ, конечно, и говорить нечего. У каждаго изъ противниковъ были свои горя и заботы, свои герои и мученики. Ихъ вниманіе къ несчастіямъ китайцевъ было меньше нуля: оно было съ отрицательнымъ знакомъ.

И я думаю, что мнѣ не напрасно мерещатся китайцы. Въ положеніи голодающихъ есть нѣчто съ ними общее. Борьба, которою захвачено русское общество, конечно, не пройдетъ безслѣдно для дальнѣйшихъ голодовокъ. Можно даже сказать, что въ конечномъ счетѣ борьба ведется изъ-за голодающихъ. Но сейчасъ они въ этой борьбѣ чужіе, сторонніе люди. И пока они не входятъ въ составъ освободительной арміи, къ нимъ трудно привлечь вниманіе не только активныхъ участниковъ освободительнаго движенія, но даже зрителей.

Конечно, можно въ этомъ отношеніи строить самые фантастическіе планы, можно предпринимать самые экстравагантные акты. Дѣятели общеземской организаціи, напримѣръ, надумали объединить русскихъ и японцевъ въ цѣляхъ попеченія о внутреннихъ манзахъ. Въ цѣлесообразности объединенія подъ флагомъ «Краснаго Креста» ихъ убѣдили, какъ сообщаютъ газеты, очень важныя практическія соображенія...

«Помогайте, жертвуйте голодающимъ»—пишетъ г. Стаховичъ и печатаетъ свои воззванія въ «Новомъ Времени». Онъ, конечно, знаетъ, что въ томъ же самомъ «Новомъ Времени», изъ того же самаго Елецкаго уѣзда мѣсяцемъ раньше писалъ (да и послѣ, конечно, писать будетъ) г. Иванюшенковъ, который доказывалъ (и будетъ, конечно, доказывать), что насчетъ голода безпокоиться нечего. Въ виду этого, должно быть, г. Стаховичъ подписался подъ воззваніемъ «членомъ елецкой земской управы», хотя его имя и такъ, конечно, извѣстно, какъ участника общеземскихъ съѣздовъ. Г. Иванюшенковъ же это — маклеръ елецкой хлѣбной биржи и, какъ сообщали газеты, идейный вдохновитель мѣстной черной сотни. По крайней мѣрѣ, въ числѣ образчиковъ погромной литературы уже не разъ упоминались издаваемые имъ биржевые бюллетени...

Я не знаю, какія это важныя практическія соображенія убѣдили общеземскую управу... Не берусь я также судить, насколько основательны окажутся надежды, возлагаемыя г. Стаховичемъ на читателей газеты, которую заполняютъ столичные и провинціальные Иванюшенковы... Но я чувствую, какъ безсильно замираютъ

въ воздухѣ эти воззванія. Впрочемъ, не только эти. Безсильны сейчасъ и тѣ, которые сторонятся возмущающихъ общественную совѣсть «объединеній». Да, я чувствую, какъ замираютъ эти вопли, не вызывая подъема и не встрѣчая почти отклика.

Можно предвидѣть, что и самыя воззванія въ концѣ концовъ прекратятся. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, браться за перо, когда оно утратило свою силу въ борьбѣ съ голодомъ?!

V.

«Мы,—писалъ въ своемъ воззваніи богородицкій предводитель дворянства гр. Бобринскій,—люди, близко стоящіе къ народу, люди, которымъ онъ вѣритъ и отъ которыхъ ждетъ помощи,—мы должны говорить, мы должны громко призывать на помощь своимъ братьямъ». Спустя два—три мѣсяца послѣ этого телеграфное агентство сообщило, что наиболѣе вѣроятнымъ кандидатомъ въ Государственную Думу отъ Тульской губерніи считается организаторъ консервативной партіи гр. Бобринскій, за котораго, какъ предполагаютъ, будутъ голосовать крестьяне, благодарные за помощь, какую онъ оказываетъ имъ во время голода. Весною въ имѣніи этого гр. Бобринскаго былъ пожаръ довольно сомнительнаго свойства. «Прямыхъ уликъ — говорилъ одинъ изъ полицейскихъ чиновъ — нѣтъ, но поведеніе крестьянъ даетъ полное основаніе думать, что поджегъ произведенъ ими. Такъ говоритъ и самъ графъ, и служащіе на хуторѣ». Въ поведеніи крестьянъ, какъ оно со словъ графа описывалось корреспондентомъ, тогда вовсе не было замѣтно выдвигаемыхъ теперь на первый планъ вѣры, любви и надежды.

Не на личности графа желалъ бы я остановить вниманіе читателей. Передъ его душевными качествами, поскольку они выразились въ воззваніи, можно только преклониться. Онъ зоветъ на помощь «своимъ братьямъ», — недавнимъ, быть можетъ, поджигателямъ. Онъ поступаетъ воистину по-евангельски. Сказано бо есть: «заповѣдь новую даю вамъ — любите враговъ вашихъ, благославляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ...» Графъ и поступаетъ такъ, какъ требуетъ эта великая заповѣдь. Дѣло, повторяю, не въ немъ лично, и, если я буду упоминать его имя, то исключительно въ нарицательномъ смыслѣ,—съ одной стороны, какъ крупнаго помѣщика и сахарозаводчика, съ другой—

какъ виднаго благодѣтеля, и съ третьей, наконецъ, — какъ достаточно опредѣленнаго общественнаго дѣятеля.

Я продолжаю поиски, я ищу отвѣта на мучительный вопросъ, формулированный мною въ самомъ началѣ: какъ оплатить миллiардный счетъ, называемый голодомъ? Съ этою цѣлью я и взялъ воззваніе графа въ той стильной рамѣ, въ какую его вставила жизнь.

Предъ лицомъ бѣдствія — обыкновенно слышимъ мы — необходимо прекратить всѣ политическіе и соціальные счеты, нужно помнить только, что люди — братья. Высокій образецъ такого поведенія и даетъ намъ гр. Бобринскій. Тѣми же, вѣроятно, соображеніями руководился и г. Стаховичъ, обращаясь со своимъ воззваніемъ къ «братьямъ» нововременцамъ. Сторонники такого метода борьбы съ голодомъ вообще еще очень многочисленны въ русскомъ обществѣ. Голодъ для нихъ, это—только бѣдствіе, только несчастье; самое большее, на что могутъ разсчитывать голодающіе, съ этой точки зрѣнія, сводится къ милосердію; самое большее, чего можно требовать у общества—впрочемъ, мягче: чего можно просить, вымаливать,—это состраданіе.

И какъ много искренняго чувства подчасъ вкладывается въ эти мольбы, въ эти воззванія! какая сильная вѣра звучитъ въ нихъ!

Идешь по деревнѣ—пишетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г-жа Авилова—и думаешь о томъ, что ее ожидаетъ. И чѣмъ ужаснѣе и мучительнѣе подробности, тѣмъ больше въ душѣ наростаетъ увѣренность, что такой бѣдѣ надо и можно помочь. Надо и можно, потому что иначе—слишкомъ ужасно!.. Если бы слова могли передавать впечатлѣнія, то и не было бы ужасовъ бѣдствій, такъ какъ состраданіе поспѣшило бы устранить ихъ... Необходимо возможно громче говорить, и просить, и молить: Да обратите же вниманіе! Услышьте! Увидьте! Вы, сильные тѣмъ, что васъ такъ много, вы однимъ легкимъ, но дружнымъ усиліемъ, какъ волшебнымъ словомъ, можете отогнать наступающій кошмаръ. Вы—сытые и обезпеченные. Вы—далекіе, но отзывчивые и сострадательные. И вы, которые знаете, что значитъ страданіе, нужда, утрата дѣтей. Вы можете помочь, если не откажетесь послать каждый, что можетъ, и это не будетъ стоить вамъ никакихъ жертвъ, а только милости и вниманія. Вамъ стоитъ захотѣть, и не будутъ бить ребенка за то, что онъ кричитъ отъ голода; не будутъ морить близкихъ и любимыхъ людей только за то, что они слабы или стары... Конечно, то, что я написала, такъ слабо и блѣдно сравнительно съ дѣйствительностью. Пусть же сама говоритъ за себя та мать, которая выпрашивала кусокъ хлѣба, брошенный собакѣ: «Вотъ хлѣбца-то кусочекъ, должно, брошенъ... Пожертвуйте... Дозвольте... Для дѣточекъ! Для дѣточекъ!»

Но у меня нѣтъ этой вѣры въ «милость и вниманіе»... И я не знаю такихъ словъ, которыя могли бы отогнать наступающій кошмаръ. Я знаю другое: проповѣдь любви и милосердія стара, какъ стара сама «новая заповѣдь», даже много старше. Много было проповѣдниковъ и много было у нихъ прозелитовъ. Своимъ словомъ они покорили уже полъ міра,—но не прекратили ужасовъ бѣдствій ни на одной еще пяди покоренной ими земли. Вѣдь эта мать, за которую прячется въ концѣ концовъ г-жа Авилова, на нашей памяти пятый уже разъ («пятая голодовка»—пишетъ предсѣдатель тульской губернской управы) бродитъ подъ окнами тульскихъ помѣщиковъ, выпрашивая милость и вниманіе и высматривая брошенныя собакамъ корки. Пятый уже разъ графъ Бобринскій изъ Тульской губерніи громко зоветъ братьевъ на помощь своимъ братьямъ. Но кошмаръ все тутъ, онъ давитъ все сильнѣе и все еще нѣтъ людей, которые «дружнымъ усиліемъ, какъ волшебнымъ словомъ», могутъ отогнать его. Могутъ, но не слышатъ? или не желаютъ? Нѣтъ! очевидно, состраданіе ихъ не выдвинетъ.

Не трудно, конечно, понять, почему такъ живуча эта вѣра въ силу любви и милосердія, почему у нея такъ много адептовъ. Съ нею такъ просто жить на свѣтѣ: она мирится со всякимъ общественнымъ строемъ, и ее можно примирить со всякой соціальной позиціей. Посмотрите, напримѣръ, какъ просто гр. Бобринскій рѣшаетъ вопросы.

Правительство—пишетъ онъ—знаетъ о нуждѣ; мы ему сказали. Теперь пусть знаютъ русскіе люди, и я вѣрю, что общество поможетъ.

«Мы сказали»—наши общественныя обязанности, стало быть, выполнены. Теперь у графа Бобринскаго остаются только личныя дѣла: во-первыхъ, варить сахаръ и кормить имъ англійскихъ свиней, получая отъ этой операціи изрядные дивиденды; во-вторыхъ,—продать хлѣбъ, который онъ, не утруждая рукъ своихъ, собралъ въ житницы свои; и, въ-третьихъ,—организовать консервативную партію, которая окажетъ въ нынѣшнюю трудную минуту поддержку правительству, хотя бы послѣднее ни гроша не дало голодающимъ, и грудью встанетъ на защиту общественнаго строя, хотя онъ не предотвратилъ и не предотвратитъ голодовокъ. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что евангельская заповѣдь гр. Бобринскимъ будетъ выполнена.

И голодающіе получатъ то, что имъ полагается по евангелію. Сказано бо есть: «Былъ также нѣкоторый нищій, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его» *). Голодающіе и получатъ эти крошки, какъ они получали ихъ во всѣ прежнія голодовки. Настоящую же компенсацію они найдутъ на томъ свѣтѣ, въ лонѣ Авраама...

Нѣтъ! я не вѣрю въ силу любви и милосердія, какъ въ средство борьбы съ голодомъ. Я знаю, что голодъ—не несчастіе, не бѣдствіе только. Голодъ, это—преступленіе. Знаю я и то, кто—преступники. Да и кто же этого не знаетъ? Кто не знаетъ про милліарды, которые были отправлены на Дальній Востокъ, и про милліоны, которые подъ видомъ домашнихъ вещей перевозились потомъ оттуда? Вѣдь одного милліарда было бы достаточно, чтобы предотвратить голодъ, и одна накладная на «домашнія вещи» могла бы дать больше, чѣмъ сотня самыхъ прочувствованныхъ воззваній. Кто не знаетъ, далѣе, какую роль «биржевые маклеры» играли въ экономическихъ судьбахъ Россіи? И сейчасъ играютъ, въ моментъ голода. Не Иванюшенковыхъ я имѣю въ виду, хотя и они, конечно, заработаютъ малую толику на голодныхъ цѣнахъ. Мы знаемъ маклеровъ покрупнѣе, которые ворочали милліардами. И сейчасъ ворочаютъ, ублажая, напримѣръ, разыгравшіеся аппетиты нефтепромышленниковъ. Ну, а сахарозаводчики? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, англійскія свиньи создавали ихъ жирные дивиденды? Вѣдь даже неучившіеся въ семинаріяхъ знаютъ, что свиньи не способны создавать цѣнности. Кто, далѣе, не знаетъ, что помѣщики начали собирать «голодную ренту» раньше, чѣмъ появились на русской сценѣ многомилліонныя массы голодающихъ?.. И сейчасъ, во время голода, подъ аккомпаниментъ прочувствованныхъ воззваній, они не прочь, гдѣ это возможно, извлечь лишній рубль изъ своей «вѣрной статьи дохода». «Заработковъ въ нашей мѣстности,—пишутъ изъ Богородицкаго уѣзда,—почти нѣтъ, а если какіе и есть въ ближайшихъ имѣніяхъ гр. Бобринскихъ и др., то на эти заработки едва въ состояніи прокормиться и одѣться одинъ работающій, и это при нетребовательности нашего крестьянина... Помѣщики, пользуясь безысходной нуждой мужика, сбавили и безъ того ничтожную плату

*) Евангеліе отъ Луки, гл. 16, ст. 20—21.

за трудъ». Пензенскіе помѣщики, пользуясь все тою же безысходною нуждою, спѣшатъ нажить на хлѣбѣ и берутъ за него съ голодающихъ такую цѣну, которую даже въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ могутъ объяснить только «волчьимъ аппетитомъ». Трудно даже перечислить, какъ много мы знаемъ вообще и о данномъ голодѣ въ частности.

И странно мнѣ было въ воззваніи комитета объединившихся для борьбы съ голодомъ 16 обществъ и союзовъ прочитать такія строки:

Одновременно съ оказаніемъ помощи комитетъ имѣетъ въ виду использовать настоящую продовольственную кампанію для изученія причинъ не прекращающихся въ послѣднее десятилѣтіе сплошныхъ неурожаевъ и массовыхъ голодовокъ въ Россіи, собирая для этой цѣли чрезъ завѣдующихъ столовыми, яслями, пунктами и др. лицъ необходимыя свѣдѣнія...

Господа! зачѣмъ эта фальшь? Неужели же вы до сихъ поръ не знаете, отчего бываетъ голодъ на свѣтѣ? И неужели вы въ серьезъ будете изучать его причины въ ясляхъ и столовыхъ? Не обмолвка ли эта?—такая же, какъ и «десятилѣтіе», о которомъ вы упоминаете, хотя, конечно, хорошо знаете, что массовыя голодовки начались съ 1891 года. За пятнадцать лѣтъ, казалось бы, пора узнать и понять, отчего онѣ происходятъ. И если уже звать людей «на голодъ», если обѣщать имъ какія-либо другія функціи, кромѣ кормешки, то, конечно, не «собираніе свѣдѣній». Собирали уже довольно! Пора русской интеллигенціи — даже въ широкихъ ея объединеніяхъ—понять, что спасать душу, занимаясь статистикой и молча разоблачая, какъ выразился Г. И. Успенскій *) «плутоватыя цифры», позволительно было только въ годы безвременья.

Теперь новое евангеліе нужно намъ. «Не миръ, а мечъ—говорилъ Спаситель,—принесъ я міру». Не миръ, а мечъ должна русская интеллигенція нести народу.

Милости и вниманія просили уже довольно! Я понимаю, конечно, г-жу Авилову. Когда видишь вблизи всѣ ужасы бѣдствія, то такъ естественъ этотъ вопль о помощи, и такъ понятна эта вѣра въ состраданіе. Если бы я былъ на ея мѣстѣ, то тоже, быть можетъ, взывалъ бы къ любви и милосердію. Но въ качествѣ публициста я не могу сказать своимъ читателямъ:

---

*) „Чуткое сердце", т. III, стр. 430—431.

— Бросьте голодающимъ корку — вотъ и все, что отъ васъ требуется въ борьбѣ съ голодомъ...

VI.

Читателямъ трудно представить, съ какой болью, съ какою мукой я пишу эти страницы. Компенсація вѣдь нужна. Если не будетъ хлѣба, то голодающіе оплатятъ предъявленный имъ счетъ своею жизнью. Въ 1891—1892 гг. статистика насчитала 650 тысячъ лишнихъ смертей въ Россіи. Этого количества жизней хватило бы на нѣсколько кровопролитнѣйшихъ войнъ, а ихъ взяла одна голодная кампанія. Нынѣшній неурожай по общимъ отзывамъ интенсивнѣе неурожая 1891 г., и голодъ въ охваченныхъ имъ мѣстностяхъ предвидится еще ужаснѣе. Я знаю, какъ дорога сейчасъ тамъ каждая корка. И вотъ я готовъ «просить и молить». Если у васъ нѣтъ большаго для голодающихъ, то бросьте имъ хотя бы корку. Если у васъ нѣтъ болѣе прямого пути, то передайте вашъ рубль графу Бобринскому. Не смущайтесь тѣмъ, что онъ явится, быть можетъ, крестьянскимъ представителемъ. Представителя можно перемѣнить, но тѣхъ, кто умеръ, возвратить невозможно. Умрутъ же дѣти, главнымъ образомъ дѣти. Умрутъ—и не будутъ они жить въ свободной Россіи.

Не за тѣмъ я пишу, чтобы опустилась рука, протянувшаяся съ подаяніемъ. Нѣтъ! въ такомъ случаѣ я не сталъ бы писать. Я предпочелъ бы наединѣ съ собой пережить муку безсилія. И если я пишу, то только потому, что у меня не изсякла еще вѣра въ возможность иныхъ, болѣе сильныхъ методовъ борьбы съ голодомъ.

Я еще вѣрю, что хотя часть общественныхъ силъ направится въ эту сторону. Не диверсію, предложенную г. Вернадскимъ, имѣю я въ виду. Какой тамъ, въ самомъ дѣлѣ, «фактическій контроль» и какое тамъ «регулированіе дѣятельности правительственныхъ органовъ!» Не за «отрядами» же, о которыхъ пишетъ гр. Бобринская, наблюдать и не ихъ же дѣятельность регулировать! Все это только половесность, представляющаяся достаточно серьезнымъ дѣломъ лишь изъ профессорскаго кабинета.

Нѣтъ! я имѣю въ виду другое. Не единою свободою жива русская интеллигенція. Въ ея средѣ, какъ я думаю, найдутся силы, которыя сумѣютъ сочетать свободу съ хлѣбомъ и при томъ не въ

туманной только дали, но и сейчасъ, — съ тѣмъ насущнымъ хлѣбомъ, который нуженъ голодающимъ.

О голодѣ, какъ я уже упомянулъ, мнѣ приходится писать не первый разъ.

Самъ мужикъ въ голодныхъ кампаніяхъ,—писалъ, между прочимъ, я въ 1900 г.,—неизмѣнно играетъ пассивную роль. Для всѣхъ, это—объектъ для экспериментовъ или попеченій, а не живая личность, сильнѣе, чѣмъ кто-либо другой, заинтересованная въ собственномъ благополучіи. Никому и въ голову не приходитъ самого мужика привлечь къ борьбѣ съ невзгодами, въ немъ самомъ найти опору для лучшаго будущаго. Его стараются спасти, какъ спасаютъ утопающаго, не за руку, а за волосы, какъ бы опасаясь, чтобы онъ не помѣшалъ собственному спасенію *)...

Уже тогда я вѣрилъ въ возможность «одухотворить активныя силы массъ» и считалъ необходимымъ самого мужика призвать къ борьбѣ съ голодомъ. И чѣмъ больше послѣ того я вглядывался въ русскую дѣйствительность, тѣмъ яснѣе для меня становилось, что это не только главный, но и единственно возможный путь, что въ этомъ не только главная, но и единственная задача интеллигенціи. Все сильнѣе и сильнѣе меня охватывало желаніе обратиться къ самому мужику. «Вставай, братъ голодный!» И я думаю, что для этого у меня нашлись бы достаточно сильныя слова, и что я не чувствовалъ бы такъ остро своего писательскаго безсилія.

Сейчасъ у меня въ этомъ направленіи сконцентрировались всѣ надежды. Впрочемъ, это уже не надежды, это увѣренность, ибо я воочію вижу «вещей обличеніе невидимыхъ».

Около мѣсяца тому назадъ въ совѣщаніи нефтепромышленниковъ министръ финансовъ заявилъ, что на голодающихъ отпущено уже 25 милліоновъ. Въ пострадавшихъ уѣздахъ насчитывается 20 милліоновъ человѣкъ. Выходитъ, такимъ образомъ, по 1 р. 25 коп. на каждаго,—и на обсѣмененіе, и на продовольствіе, и на кормъ скоту, и на топливо. Но вѣдь и этого могло не быть. Въ канцеляріяхъ, несомнѣнно, существовали предположенія обойтись на этотъ разъ совсѣмъ безъ ссудъ. Въ Моршанскѣ (это было въ іюлѣ)

председатель собранія, а также одинъ изъ гласныхъ, земскій начальникъ, заявили собранію, что ими получено увѣдомленіе отъ губернатора, которымъ они предупреждены, что имперскій капиталъ изсякъ и что вообще

*) „На очередныя темы". Спб. 1904 г. „Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи", стр. 344.

на казенныя средства для продовольствія населенія разсчитывать не слѣдуетъ...

Продовольственная кампанія началась съ обычныхъ ссылокъ на недостатокъ рессурсовъ, съ обычнаго желанія не дать или дать возможно меньше. И къ этому, казалось бы, была полная возможность. Оправданіе подсказывала сама жизнь: продовольственный капиталъ изсякъ, другіе рессурсы поглощены войной. При томъ: «недоборъ въ однихъ районахъ компенсируется вѣдь излишками сбора въ другихъ»...

Общественнаго давленія, всегда имѣвшаго очень большое значеніе въ этомъ отношеніи, на этотъ разъ почти не было, — и не только потому, что общественное вниманіе было отвлечено въ другую сторону, но и потому, что общество какъ бы заранѣе примирилось со скудостью правительственныхъ ассигнованій и безъ возраженій принимало только что приведенные резоны канцелярій. Возьмемъ уже цитированныя воззванія:

На помощь отъ казны, — читаемъ въ воззваніи кн. Голицына, — разсчитывать трудно.

Правительственная помощь,—пишетъ гр. Бобринскій,—несомнѣнно будетъ, но можно ли разсчитывать, что она будетъ достаточна? Вѣдь средствъ у казны теперь мало...

Правительству,—говоритъ г. Стаховичъ,—придется помогать неселенію пережить голодъ съ опустѣвшимъ государственнымъ, казначействомъ, тотчасъ послѣ раззорительной войны, обошедшейся намъ, кажется, свыше 1,300 милліоновъ...

Съ трепетомъ,—пишетъ кн. Е. Г. Львовъ,—ожидаемъ мы будущаго, зная скудость средствъ, поглощаемыхъ войной, предвидя всю трудность добыванія, ихъ запоздалость и недостаточность...

Государственныя средства отвлечены войной, а имперскій продовольственный капиталъ всецѣло истраченъ,—говоритъ г. Вернадскій, перечисляя условія, могущія неурожай превратить въ голодъ.

Ослаблены,—читаемъ мы въ воззваніи комитета объединенныхъ обществъ и союзовъ, — способы къ удовлетворенію продовольственной нужды, какъ со стороны правительства, въ виду наличности финансовыхъ затрудненій, такъ и со стороны земства...

Такимъ образомъ, всѣ согласны, что на казну разсчитывать нечего, и это обстоятельство всѣ принимаютъ, какъ нѣчто неизбѣжное и чуть ли не должное.

Все, такимъ образомъ, благопріятствовало сбереженію казенныхъ рессурсовъ. Государственное казначейство, казалось бы

могло считать себя гарантированнымъ отъ всякихъ покушеній со стороны непрошенныхъ заступниковъ голодающихъ. Тѣмъ не менѣе 25 милліоновъ уже отпущены, и несомнѣнно, что на этомъ дѣло не остановится. Очевидно, нашлась всетаки какая-то сила, которая открыла двери государственнаго казначейства.

Какая это сила,—догадаться не трудно. Во всѣхъ сужденіяхъ по продовольственному вопросу, въ воззваніяхъ и ходатайствахъ упорно звучитъ неслыханная до сего времени нота. «Люди, близко стоящіе къ деревнѣ и сельско-хозяйственному дѣлу, — писалъ уже въ іюлѣ мокшанскій корреспондентъ «Руси», — не могутъ не глядѣть съ тревогой въ глаза ближайшему будущему. Крайне нервное и приподнятое настроеніе деревни обѣщаетъ мало хорошаго, и потому простое благоразуміе требуетъ, чтобы послѣдствія неурожая были теперь же сколь возможно ослаблены... Положеніе серьезно и медлить, повторяемъ, опасно». Не менѣе рѣшительно подчеркиваетъ это обстоятельство въ своей статьѣ и г. Вернадскій.

Настроеніе народныхъ массъ,—говоритъ онъ,—повышено, и онѣ не будутъ переносить такъ безропотно и покорно страданіе и раззореніе, какъ это было раньше, и въ то же время онѣ не имѣютъ никакихъ легальныхъ средствъ воздѣйствія на правительство и общество. Къ тому же правительственная машина дезорганизована несравненно сильнѣе, чѣмъ въ 1892 г. Теперь нельзя допустить безъ крайней опасности для государства перехода неурожая въ голодъ.

Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ объ «опасности». Изъ этого дѣлались и дѣлаются, конечно, разные выводы. Одни, какъ г. Вернадскій, напримѣръ, призываютъ общество спасать «государство». Другіе, конечно, надѣются спасти еще «машину», и нѣкоторые земскіе начальники представили даже цѣлые планы спасенія, поставивъ себя въ центрѣ спасательныхъ отрядовъ. Нашлись, съ другой стороны, цѣлые уѣздные съѣзды, которые по такому случаю обнаружили склонность къ самоупраздненію и предложили возвратить продовольственное дѣло земствамъ...

То, чего не могли бы сдѣлать всѣ ужасы бѣдствія, всѣ вопли и муки, то сдѣлала «опасность», т. е. повышенное настроеніе народныхъ массъ, активное состояніе деревни. Опасеніе, что голодающіе не будутъ безропотно и покорно переносить страданіе и раззореніе, и оказалось, нужно думать, тѣмъ волшебнымъ ключомъ, который отперъ двери государственнаго казначейства и при томъ такъ легко, что какъ будто онѣ сами пріоткрылись.

Есть основаніе думать, что «опасность» сыграетъ крупную роль не только въ центральныхъ канцеляріяхъ, но—что, быть можетъ, еще важнѣе — и тамъ на мѣстахъ, въ жизни. Выше я упомянулъ объ обычныхъ, имѣющихъ мѣсто и въ настоящемъ году, попыткахъ эксплуатировать безысходную нужду голодающаго населенія. Можно, однако, надѣяться, что онѣ будутъ на этотъ разъ и менѣе многочисленны, и менѣе беззастѣнчивы. Многіе и многіе, вѣроятно, призадумаются прежде, чѣмъ выжать послѣднюю каплю пота или вырвать послѣднюю копѣйку у голодающаго. Въ извѣстныхъ органахъ печати уже приходится встрѣчать ламентаціи объ излишней «уступчивости» и въ связи съ этимъ объ «ослабленіи закона и власти».

Народъ замѣчаетъ,—пишетъ корреспондентъ „Новаго Времени“ изъ Симбирской губерніи,—что съ нимъ избѣгаютъ какихъ-либо недоразумѣній, стараются даже съ нимъ ладить. А народъ совсѣмъ не привыкъ къ тому, чтобы съ нимъ считались. Мелкія потравы и порубки многими владѣльцами какъ бы не замѣчаются, а какъ умѣетъ „ладить“ начальство—примѣръ на лицо. Еще весной въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ удѣльнаго вѣдомства крестьяне начали безъ разрѣшенія пасти скотъ. Тогда имъ предложены были безплатные билеты на право пастбища, очевидно, съ той цѣлью, чтобы въ глазахъ крестьянъ оформить это дѣло. Кто взялъ, а кто и отказался отъ этой части, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „скотина и безъ билета проходитъ“. Съ такой неопровержимой логикой начальство, конечно, согласилось. Все совершающееся крестьяне объясняютъ себѣ ослабленіемъ закона и власти.

Подтянуть опять деревню едва ли, однако, удастся. Начальству такъ или иначе придется примириться съ «неопровержимой логикой» жизни и волей-неволей оно «привыкнетъ» ладить съ народомъ. Должно оно будетъ «поладить» и съ голодающими... И — кто знаетъ! — быть можетъ, двери государственнаго казначейства откроются еще на распашку. Да и со стола графа Бобринскаго голодающимъ, быть можетъ, достанутся не однѣ только крохи...

Нѣтъ! не безнадежно я смотрю на борьбу съ голодомъ. Главная сила, о которой я такъ мечталъ, появилась, наконецъ, на продовольственной аренѣ. Мужикъ еще не сказалъ своего слова по вопросу о голодѣ, но своимъ возбужденнымъ видомъ онъ оказалъ уже вліяніе на ходъ продовольственной операціи. Если его молчаливая фигура производитъ такое впечатлѣніе, то тѣмъ большую мощь будетъ имѣть его слово. И я вѣрю въ силу этого слова, потому что, въ случаѣ надобности, не перомъ только оно можетъ

быть поддержано. То, чего не могли и не могутъ сдѣлать мольбы, быть можетъ, еще сдѣлаютъ требованія.

«Требованіе» — слово новое въ русской землѣ и для массъ заключается въ немъ цѣлое откровеніе. Это, можно сказать, введеніе въ евангеліе. «Покайтеся»! — такъ начинали свою проповѣдь апостолы личнаго возрожденія. «Требуйте»! — начинаютъ свою рѣчь провозвѣстники соціальнаго преобразованія.

И едва ли гдѣ это слово такъ нужно, едва ли гдѣ оно такъ умѣстно и едва ли гдѣ оно можетъ быть такъ властно, какъ въ деревнѣ, охваченной голодомъ...

— Требуйте!—вотъ что нужно сказать сейчасъ голодающимъ.— Если же и требованій вашихъ не послушаютъ, то становитесь сами на мѣсто тѣхъ, которые должны вести борьбу съ голодомъ...

XXII. На маленькой станціи.

Октябрь.

Съ первымъ почтовымъ поѣздомъ я долженъ отправить свою статью. Но я не знаю, когда пойдетъ этотъ первый поѣздъ...

Я живу при маленькой станціи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги. Немногіе, вѣроятно, читатели знаютъ, какимъ образомъ я здѣсь очутился. Между тѣмъ, это обстоятельство имѣетъ связь съ историческимъ днемъ 9 января. Фонтаномъ брызнула тогда кровь и сплошь залила она одну изъ страницъ русской исторіи. Но были и всякія другія брызги. Въ качествѣ одной изъ такихъ не совсѣмъ еще высохшихъ брызгъ январскихъ дней я и пребываю на дачѣ.

Не разъ уже я испытывалъ за эти мѣсяцы неудобства своего пребыванія на отлетѣ. Приходилось жить отраженными впечатлѣніями: газетными свѣдѣніями и рѣдкими встрѣчами. Непосредственнаго ощущенія жизни не было. Едва ли нужно говорить, что это значитъ для писателя, въ особенности въ моемъ положеніи, въ положеніи лица, обязаннаго отзываться на самыя животрепещущія темы, — и при томъ въ такое время, когда событія несутся вихремъ, вопросы встаютъ оптомъ. Вѣдь это почти то же, что слѣдить за преніями въ бурномъ и многолюдномъ собраніи все время черезъ переводчиковъ.

Сейчасъ же мое положеніе — исключительное по своей нелѣпости. Забастовка порвала послѣднія нити, связывавшія меня съ внѣшнимъ міромъ. Вотъ уже шесть дней, какъ нѣтъ ни газетъ, ни писемъ... Происходитъ, несомнѣнно, что-то крупное и до извѣстной степени, быть можетъ, рѣшающее. Я не могу ни о чемъ другомъ думать, ни на чемъ другомъ сосредоточиться. И писать я долженъ непремѣнно объ этомъ, въ равной мѣрѣ захватившемъ и меня, и читателей. Но нельзя же писать о неизвѣстности. Между тѣмъ, статью я долженъ отправить съ первымъ поѣздомъ.

Конечно, и другихъ темъ много. Предо мною лежатъ матеріалы, подобранные по цѣлому ряду вопросовъ. Среди нихъ, несомнѣнно, окажутся потомъ такіе, которые можно будетъ поставить въ непосредственную связь съ тѣмъ, что происходитъ. Но трудно что-нибудь выбрать, когда не знаешь, куда уклонится мысль читателей. Впрочемъ, писать все равно не мыслимо. Измѣнится вѣдь настроеніе, измѣнятся точки зрѣнія, измѣнятся предѣлы обсужденія... И я съ тревогой жду перваго поѣзда. Откуда онъ покажется? придетъ ли онъ съ сѣвера и сразу подавитъ меня массой впечатлѣній? или, надвинувшись съ юга, захватитъ меня съ не дописанной страницей?

Я просилъ редакцію телеграфировать «важнѣйшія событія». 14-го октября я получилъ вѣсточку. Вотъ эта телеграмма «отъ собственнаго корреспондента» (со служебной отмѣткой: «передается въ обходъ, за прекращеніемъ дѣйствія»):

«Бастуютъ всѣ дороги кромѣ Финляндской приказчики конки Харьковъ Екатеринославъ серьезныя событія здѣсь пока и только столкновеній нѣтъ ожидаютъ важныхъ актовъ».

Отсутствіе знаковъ препинанія, какъ всегда, родитъ недоумѣнія. Гдѣ бастуютъ приказчики и конки? въ Петербургѣ или въ Екатеринославѣ и Харьковѣ? И, главное: гдѣ серьезныя событія? «здѣсь» или въ Харьковѣ и Екатеринославѣ? «Серьезныя событія»—выразиться конкретнѣе, очевидно, не рѣшились, и я безропотно мирюсь съ этимъ: «Столкновеній нѣтъ»—хоть маленькое успокоеніе: возможность мирнаго исхода, стало быть, еще не утеряна...

«Пока и только»... Но вѣдь послѣ того идутъ четвертыя сутки. Телеграммъ я больше не жду. Уже приведенная телеграмма на нашей полузабастовавшей станціи породила осложненія. «Зачѣмъ принялъ?»—негодовали на телеграфиста...

Сама станція живетъ слухами, неизвѣстно откуда берущимися. Какъ и всегда, по мѣрѣ наростанія неизвѣстности, они становятся все грандіознѣе, все невѣроятнѣе. «Въ Петербургѣ 60.000 убитыхъ». «Разграбленъ арсеналъ, дворецъ разрушенъ до основанія». «Обуховскій заводъ обращенъ въ крѣпость и рабочіе стрѣляютъ оттуда изъ пушекъ»... Болѣе вѣроятнымъ представляется слухъ о Двинскѣ. Онъ не выходитъ изъ предѣловъ обыденныхъ за послѣдній годъ возможностей, и при томъ, передавая его, ссылаются на то, что кто-то былъ въ Псковѣ и кто-то разговаривалъ оттуда по телефону съ Двинскомъ: «убито 15 желѣзнодорожныхъ служащихъ и 30 евреевъ»..

Въ Псковѣ—сходки, сначала самовольныя, потомъ съ разрѣшенія. «Не ходите только въ городъ»...

— Я самъ пріѣду къ вамъ,—говорилъ губернаторъ,—только не пускайте постороннихъ. Развѣ вы не знаете, что за человѣкъ Н.? а онъ говоритъ у васъ рѣчи и вы слушаете...

Это уже совсѣмъ конкретные факты. Н. тутъ всѣ знаютъ—онъ жилъ въ нынѣшнемъ году здѣсь на дачѣ. Не знаетъ только машинистъ, застрявшій здѣсь со своимъ паровозомъ.

— Писатель, человѣкъ съ головой...—поясняетъ ему разсказчикъ.—Только вотъ умнымъ людямъ ходу то у насъ нѣтъ...

Какъ, однако, мѣняются люди и отношенія! Мѣсяцъ тому назадъ этому самому разсказчику, казалось, не было никакого дѣла ни до головы Н., ни до того, имѣютъ или нѣтъ у насъ ходъ умные люди. Теперь Н. сдѣлался близкимъ человѣкомъ, а вопросъ объ умныхъ людяхъ вызываетъ оживленныя реплики въ собравшейся около разсказчика кучкѣ...

Вообще нашу станцію трудно даже узнать: люди какъ будто переродились. Новые интересы, новые вопросы, новыя даже слова... Общественное движеніе, бывшее до сихъ поръ чѣмъ-то чуждымъ и непонятнымъ, стало своимъ, кровнымъ. Эту «кровность» вы прямо чувствуете. Съ кѣмъ изъ низшихъ служащихъ ни встрѣтишься, обязательно разговоръ о двѣнадцати-рублевомъ жалованьѣ:

— Посудите сами: какъ тутъ жить... Мука, вонъ она — пять рублей мѣшокъ... Опять же сапоги... А тутъ вычеты, штрафы... За то, за это—иной разъ все отымутъ...

И мнѣ, дачнику, понятно, что жить дѣйствительно невозможно. Двѣнадцати-рублевое жалованье, урѣзываемое еще штрафами и вы-

четами, обобщаетъ для меня цѣлый рядъ картинъ, которыхъ не мало уже пришлось насмотрѣться около будокъ...

Въ этихъ будкахъ такъ много ребятишекъ... Мы пріѣхали сюда въ самомъ началѣ марта, и одно изъ первыхъ впечатлѣній, помню, намъ доставили именно ребятишки, высыпавшіе на проталину. Вонъ и Ванюшка — немного намъ уже знакомый. Въ прошломъ году я еще спрашивалъ, сколько ему лѣтъ, и онъ не могъ отвѣтить: «мамка, говоритъ, забыла». Онъ въ какомъ-то отрепьѣ, безъ рубашки, босикомъ... Всю зиму у него не было сапогъ, развѣ когда стащитъ маткины башмаки. Но это удавалось рѣдко, такъ какъ матка ходитъ по людямъ стирать и при томъ свои башмаки охраняетъ тщательно. Ванюшка въ восторгѣ отъ солнца, хоть немного пригрѣвшаго насыпь... Но какой онъ хилый, изможденный... Да и не мудрено: зимою всѣ ребята въ семьѣ переболѣли скарлатиной... За лѣто,—на солнцѣ, около ягодъ и около дачниковъ, — Ванюшка оправился и прямо расцвѣлъ. Въ немъ появилась даже какая-то самоувѣренность, и онъ заставилъ, наконецъ, родителей припомнить, который онъ годъ существуетъ на свѣтѣ; оказалось: девятый. Теперь онъ донашиваетъ кое-какіе доставшіеся на его долю обноски, но на зиму, несомнѣнно, останется опять безъ сапогъ. Мука вѣдь пять рублей, а ихъ въ семьѣ семеро. Едва ли и отцу на сапоги хватитъ...

Недавно отца Ванюшки перевели отсюда за 5 верстъ. На слѣдующій день Ванюшка опять былъ уже въ нашемъ домѣ. — Ну что?—спрашиваемъ. Оказывается, что въ новой будкѣ живетъ еще семья: тѣхъ восьмеро, да этихъ семеро. Читателю извѣстны, конечно, хотя приблизительно, размѣры желѣзнодорожной будки, и, я думаю, онъ не удивится, что даже Ванюшкѣ новая жизнь показалась не вмоготу. Какъ трудно ему будетъ дождаться весенняго солнца и лѣтнихъ ягодъ!

Я взялъ одного Ванюшку, но ихъ множество. Я взялъ одну будку и при томъ ближайшую къ станціи. Какъ живутъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни стирки, ни дачниковъ,—трудно себѣ и представить.

Жить невозможно... Это—общій выводъ,—общій, ибо вопросы обсуждаются сейчасъ всѣми. Появилась невиданная до сего общительность. Станція обратилась въ своего рода клубъ, гдѣ обсуждаютъ положеніе, обмѣниваются свѣдѣніями и догадками.

Мимо насъ нѣтъ-нѣтъ, да и протащится какой-нибудь поѣздъ

самаго прихотливаго состава. То два паровоза тащатъ одинъ вагонъ, то одинъ паровозъ тянетъ два поѣзда. Перемѣшаны спальные вагоны, классные, товарные. Это — хитростью и силой очищаютъ станціи Островъ и Псковъ, гдѣ всѣ пути были загромождены поѣздами. Всѣ такіе поѣзда набиты застрявшими въ дорогѣ пассажирами, и прибытіе каждаго изъ нихъ вызываетъ у насъ сенсацію. На время остановки станція обращается въ клубъ съ гостями, при чемъ пассажиры проявляютъ не меньшую общительность, чѣмъ постоянные члены клуба. Въ общемъ пассажиры, очевидно, примирились со своею участью и относятся къ забастовкѣ терпимо и даже сочувственно. Правда, въ первомъ классѣ каждый разъ предполагаются ѣдущими одинъ или нѣсколько сердитыхъ генераловъ, очень недовольныхъ всѣми этими остановками, но они у насъ на платформу, конечно, не выходятъ...

Поѣздной прислуги мало и доставать ее, очевидно, не легко. Одному машинисту поручили доставить по домамъ забастовавшія кондукторскія бригады, но, когда онъ прибылъ въ Псковъ, то его окружили вооруженные солдаты и не пустили съ паровоза. Къ послѣднему прицѣпили загромождавшій дорогу поѣздъ—и вотъ локомотивъ задомъ тащитъ его къ Петербургу. Четыре версты поѣздъ сопровождали солдаты. Машинистъ разсказываетъ эту исторію, обливаясь слезами: «Что скажутъ теперь товарищи!» Кочегара на этотъ паровозъ наняли уже здѣсь, кажется, какіе-то пассажиры. По слухамъ, часть прослѣдовавшихъ поѣздовъ остановилась на полъ-дорогѣ.

— Двѣсти рублей давали, чтобы я велъ поѣздъ дальше,—разсказываетъ одинъ изъ возвращающихся машинистовъ.—Ну, да я не польстился...

Путь, однако, очевидно, прочищенъ. 16-го вечеромъ мимо насъ прошли два поѣзда съ солдатами желѣзнодорожнаго баталіона... Въ этомъ чувствуется угроза. Вспоминаются нѣсколько воинскихъ поѣздовъ, уже въ первый день забастовки спѣшно прослѣдовавшихъ на сѣверъ. «Стрѣлять не будемъ»—увѣряли тогда солдаты, отвѣчая на обращенные къ нимъ упреки. Но мы знаемъ, какъ мало еще на это надежды... Мысль опять съ тревогой устремляется вдаль, стремится проникнуть за узкіе предѣлы, ограниченные станціей и нѣсколькими будками... И вновь она безсильно останавливается передъ завѣсой неизвѣстности...

Но вотъ и поѣздъ... Раньше, впрочемъ, пришла дрезина—возвратился изъ Пскова машинистъ нашей водокачки. «Объявлена конституція»—пронеслось по всему нашему поселенію. Быстро всѣ собираются къ станціи, поздравляютъ другъ друга, поздравляютъ желѣзнодорожниковъ. Тѣ чувствуютъ себя героями. Разсказать толкомъ машинистъ, однако, не можетъ.

— Равноправность, стало быть... На счетъ земли тоже... Хотѣлъ купить манифестъ, да не успѣлъ—все расхватали...

Приходится ждать поѣзда, къ счастію—не долго: онъ уже вышелъ изъ Пскова. Пока же идутъ разговоры о томъ, какъ «это» устроено за границей: выборы, отвѣтственность министровъ, гивильный листъ... Припоминаютъ предъявленныя въ разныхъ мѣстахъ требованія...

— Требуютъ вотъ то же, чтобы жандармовъ не было...

Стоящій тутъ же жандармъ, виновато улыбаясь, подается назадъ. Но настроеніе слишкомъ хорошее, обижать его не хочется.

— Это не про этихъ жандармовъ, это про политическихъ...

— Нашъ жандармъ — смирный. Онъ тоже, вонъ, бастовать хотѣлъ...

— Мы ужъ послѣдними забастуемъ,—пробуетъ отшутиться все еще смущенный представитель жандармской власти.

— Да вамъ и бастовать нечего — вы прибавку уже получили. Вѣдь получили?!—слышится уже злобная нотка.

— Поѣздъ!..

Всѣ быстро высыпаютъ на платформу. На этотъ разъ никого не интересуетъ, издалека ли и далеко ли идетъ поѣздъ. Всѣ озабочены тѣмъ, чтобы достать манифестъ. Вотъ онъ!

— Читайте!..

— Идемъ на станцію!..

— Нѣтъ! здѣсь, чтобы всѣ слышали...

— Подождите, пока отойдетъ поѣздъ... Да сами-то не заглядывайте...—Начальникъ станціи спѣшитъ дать третій звонокъ. Тѣснѣе смыкается кучка. Вотъ она конституція-то!

Конституціи, однако, не оказывается. Ясное представленіе о ней имѣютъ немногіе, но всѣ чувствуютъ, что это—не то. Начинаемъ вчитываться. Повелѣно даровать «незыблемыя основы гражданской свободы»... «Даровать»... Почему не даны сразу? Опять оттяжка, опять обѣщанія...

— Можетъ быть, уже даны,—дѣлаетъ кто-то предположеніе.— Написать вѣдь не долго...

Написать дѣйствительно не долго, но почему же не написано прямо въ манифестѣ? И кто же поручится, что бюрократія не станетъ писать по прежнему? Но мы всетаки стараемся найти утѣшеніе: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы ничего, кромѣ этого манифеста, не знаемъ. Между тѣмъ, можетъ быть, и другіе акты уже изданы...

«Привлечь теперь же къ участію въ Думѣ въ мѣрѣ возможности»... Но мы недоумѣваемъ, какъ можно пристегнуть къ Думѣ хотя бы насъ—вотъ эту разночинную кучку, собравшуюся на платформѣ маленькой станціи. И что же, въ концѣ концовъ, изъ этихъ пристегиваній получится?

— Ну, а какъ же насчетъ прибавки? — робко спрашиваетъ одинъ изъ стрѣлочниковъ.

— Это не въ манифестѣ, это въ приказѣ по линіи будетъ... Черезъ собственное, стало быть, начальство...

Объясненіе самое естественное, но всѣ мы чувствуемъ, какъ проблематична эта надежда. Все дѣло вѣдь въ «правительствѣ». Что разумѣетъ въ этомъ случаѣ манифестъ—мы не знаемъ, и самое большое, что мы можемъ предположить, — это кабинетъ министровъ во главѣ съ графомъ Витте. Ну, а С. Ю. Витте желѣзнодорожники знаютъ...

— Два раза при немъ представленія насчетъ прибавки посылались. И начальникъ дороги, и министръ, бывало, подпишутъ, а какъ дойдетъ до него, такъ и застрянетъ.

Финансовый геній еще ни разу не могъ найти денегъ, чтобы улучшить положеніе стрѣлочниковъ... Бѣдный Ванюшка! еще долго тебѣ, должно быть, безъ сапогъ ходить придется...

— Кабы дѣло вѣрное, подождать бы можно...

Но у насъ нѣтъ вѣры въ графа Витте и въ конституцію, которая имъ будетъ «дарована». Настроеніе все падаетъ...

Но оно уже не можетъ упасть до прежней точки, — до безразличнаго отношенія даже къ собственному существованію. Великія событія переродили и насъ здѣсь, на маленькой станціи...

XXIII. Временное правительство приказчика русскаго самодержавія.

Октябрь — ноябрь.

Съ первымъ поѣздомъ, на который «вступили» забастовщики, я былъ уже въ Петербургѣ. Петербургскую газету я досталъ еще въ Гатчинѣ и первое, что мною въ ней было прочитано,—это телеграмма изъ Томска. Ужасъ — таково было чувство, охватившее меня, лишь только я переступилъ гранъ окутывавшей насъ на маленькой станціи неизвѣстности. Я не знаю и не берусь судить, какая смерть мучительнѣе: отъ огня или отъ голода, отъ вражескаго ядра на вершинѣ сопки или отъ истощенія въ какихъ-либо зарослях у ея подошвы. Но эта картина заживо сжигаемыхъ и безжалостно добиваемыхъ людей—многихъ сотенъ людей—парализовала мысль и остановила сердце. Какъ кошмаръ какой...

И этотъ черносотенный кошмаръ придавилъ сейчасъ всю Россію. Движеніе замерло: нѣтъ ни митинговъ, ни манифестацій... Самые активные слои не рѣшаются сейчасъ на подобное оказательство. Съ улицъ исчезли даже студенческія фуражки... Въ сторону черной сотни обращены сейчасъ всѣ мысли, около нея концентрируются всѣ чувства, на нее расходуется вся воля. Разверните газету—и вы увидите, что вся она наполнена черной сотней; зайдите въ любое собраніе—и вы услышите, что каждое изъ нихъ озабочено ею; начните дружескую бесѣду — и черезъ нѣсколько минутъ вы заговорите о томъ же предметѣ...

Этотъ гипнозъ, конечно, ослабѣетъ, оцѣпѣненіе исчезнетъ, движеніе вновь начнетъ наростать съ неудержимой силой... И вновь оно встрѣтится съ черной сотней...

«Это—писалъ я въ апрѣлѣ—не новый врагъ, а старый, лишь спрятавшійся за спину хулигана». Теперь онъ даже не прятался: его агенты публично цѣловались съ погромщиками, шли во главѣ черносотенной арміи. Его имя мы теперь можемъ написать всѣми буквами. Этотъ врагъ—русское правительство. Теперь имъ будетъ «объединенное» правительство. Многимъ, конечно, трудно представить себѣ гр. Витте, такъ любящаго щеголять своимъ культурнымъ обхожденіемъ, въ роли командира черносотенной арміи. Но

эта метаморфоза въ сущности уже совершилась, и удивляться ей нечего.

Гр. Витте, это—чиновникъ, честолюбивый чиновникъ, и только. Много лѣтъ онъ мечталъ о премьерствѣ. Уже въ 1898—1899 годахъ въ петербургскихъ кружкахъ не мало говорили объ этихъ его планахъ. Упоенному финансовыми успѣхами министру уже тогда оставалось только увѣнчать свою карьеру. Къ этому времени относится и его выходъ въ сферу общихъ вопросовъ внутренней политики,—его знаменитая полемика съ г. Горемыкинымъ, обогатившая насъ не менѣе знаменитымъ сочиненіемъ: «Самодержавіе и земство». Чтобы осуществить свою мечту, г. Витте изъявлялъ тогда готовность окончательно стереть съ лица русской земли самоуправленіе. Да и чѣмъ другимъ онъ могъ выслужиться въ то время — въ эпоху наиболѣе полнаго, быть можетъ, торжества реакціи?

Выслужиться, однако, не удалось: мѣсто Горемыкина занялъ Сипягинъ, который и самъ былъ не прочь сдѣлаться главою самодержавнаго правительства. Борьба была перенесена на другую почву, на почву личнаго угожденія. Какую-то роль играло даже кулинарное искусство. Многіе еще, конечно, помнятъ имѣвшую также связь съ мечтою о премьерствѣ исторію съ министерскимъ домомъ, въ которомъ была приготовлена, какъ тогда утверждали, даже зала для засѣданій совѣта министровъ. Г. Витте не осилилъ своего конкуррента, но и себя не далъ осилить. Въ исторію съ домомъ, обошедшуюся казначейству въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, вмѣшался государственный контроль и покойному Сипягину пришлось пожертвовать однимъ изъ Треповыхъ.

При В. К. Плеве, сдѣлавшемся фактическимъ диктаторомъ, честолюбивая мечта должна была угаснуть. С. Ю. Витте пришлось думать не объ увѣнчаніи, а о спасеніи своей карьеры. Всѣ еще помнятъ, конечно, съ какимъ спѣхомъ прокатилъ онъ въ 1902 г. съ Дальняго Востока въ Ливадію, отказавшись отъ предполагавшейся поѣздки въ Японію. Говорятъ, что эта поѣздка могла бы имѣть тогда крупное политическое значеніе и, быть можетъ, предовратила бы конфликтъ, разразившійся войною. Но что за дѣло г. Витте было до политики, когда нужно было думать о карьерѣ? Сохранить власть оказалось, однако, уже невозможнымъ, и кандидатъ въ премьеры удовлетворился почетомъ: вмѣсто предсѣдателя

кабинета, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета министровъ...

Завѣтная мечта ожила, однако, при кн. Святополкѣ-Мирскомъ, а при г. Булыгинѣ и гласно заявила о своемъ существованіи. Весной въ нѣсколькихъ газетахъ сразу появились, несомнѣнно инспирированныя, статьи, имѣвшія своей задачей не только выдвинуть кандидатуру гр. Витте, но и найти для нея поддержку въ общественномъ мнѣніи.

Мысль о кабинетѣ и премьерствѣ,—писалъ я, разоблачая, насколько это было тогда возможно, честолюбивые замыслы,—у С. Ю. Витте далеко не новая, и это не случайность, что только теперь она отличалась въ форму проекта... Необходимое для этого „волеизъявленіе" само по себѣ зародиться не можетъ... Неизбѣжны новыя событія. Развитіе послѣднихъ опредѣлитъ и то, кто будетъ рѣшать дѣла особой государственной важности: совѣтъ ли министровъ, комитетъ или какое иное учрежденіе, а также и то, будемъ ли мы въ концѣ концовъ имѣть отвѣтственный кабинетъ или неотвѣтственный...

Нужныхъ событій теперь г. Витте дождался, и желанное «волеизъявленіе», наконецъ, состоялось. Зародившаяся въ моментъ торжества реакціи мечта осуществилась съ первой побѣдой революціи. Тогда г. Витте изъявлялъ готовность стереть самоуправленіе, теперь онъ будетъ вводить конституцію. Мы можемъ поздравить его съ успѣхомъ...

Но до самой революціи графу Витте, конечно, нѣтъ никакого дѣла. Карьера и сейчасъ всецѣло заслоняетъ для него политику. Это—не государственный дѣятель, опредѣленно знающій, чего онъ хочетъ; это—чиновникъ, желающій во что бы то ни стало удержаться. Сначала казалось, что онъ будетъ балансировать между революціей и реакціей. Перечитайте его докладъ, перечитайте первыя—безцвѣтныя и двусмысленныя—правительственныя сообщенія, которыми гр. Витте разсчитывалъ, повидимому, успокоить страну,—и вы наглядно убѣдитесь, какъ у него велика была готовность угодить и вашимъ, и нашимъ. Но это продолжалось не долго, ибо служить двумъ господамъ не возможно. Хотя революція и наградила графа Витте премьерствомъ, но гарантировать его ему рѣшительно отказалась. Впрочемъ, и самъ онъ, какъ я думаю, все время полагался не столько на революцію, сколько на черную сотню.

Да, на черную сотню... Вы думаете онъ распустилъ стотысяч-

ную армію сыщиковъ? Нѣтъ! не распустилъ и не распуститъ: они вѣдь и ему самому пригодятся. Онъ, можетъ быть, удалитъ нѣсколькихъ губернаторовъ-погромщиковъ, но системы не нарушилъ и не нарушитъ. «Правительство категорически объявляетъ, — читаемъ мы въ одномъ изъ правительственныхъ сообщеній,—что со стороны центральныхъ учрежденій всѣ распоряженія клонились къ одной цѣли—поддержанію спокойствія и порядка». И гр. Витте предлагаетъ революціи удовлетвориться отдѣльными «полицейскими чинами», на счетъ которыхъ ему «представлены будутъ достовѣрныя свѣдѣнія».

Графъ Витте дѣлаетъ видъ, какъ будто ему совершенно неизвѣстно, что инструкціи этимъ чинамъ и сами чины посылались «прямо изъ Петербурга». Оставимъ, впрочемъ, тайные циркуляры и таинственные отряды. Возьмемъ то, что и графу Витте извѣстно,— то, что объявлялось во всеобщее свѣдѣніе. Чтобы показать, какъ централизировано черносотенное движеніе, достаточно напомнить одинъ рядъ изъ такого рода публикацій. Въ теченіе цѣлаго года въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» печатались изъявленія монаршей признательности за готовность расправиться съ крамольниками. Мы не знаемъ, какое центральное учрежденіе вѣдало этимъ дѣломъ, но, я думаю, и графу Витте не трудно было бы понять, къ чему «клонились» эти публикаціи. Систематически поощряемыя изъявленія «дикаго патріотизма»—я пользуюсь терминологіей саратовскаго губернатора—неизбѣжно должны были, конечно, перейти въ его «дикія проявленія»...

Въ чьихъ рукахъ, въ какомъ «центральномъ учрежденіи» сосредоточены всѣ нити черносотенной агитаціи, повторяю, мы не знаемъ, да это и не важно. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что очень многія изъ нихъ проходили черезъ товарища министра, завѣдывавшаго полиціей. Тѣ же «отряды» и «циркуляры» посылались, если не по его иниціативѣ, то при его дѣятельномъ содѣйствіи. Этимъ, конечно, и объясняется главнымъ образомъ та ненависть, какую русское общество питало къ генералу Трепову, и та настойчивость, съ какою оно добивалось его удаленія. Между тѣмъ гр. Витте всѣми силами старался выгородить его, какъ опору, даже единственную опору... либеральныхъ начинаній. Генералъ Треповъ, наконецъ, удаленъ, но удаленъ вѣдь только символически. Къ верховной власти онъ даже приближенъ. При скромной долж-

ности товарища министра г. Треповъ умѣлъ исполнять функціи диктатора, и мы еще не знаемъ, какую роль онъ будетъ играть въ качествѣ дворцоваго коменданта. Несомнѣнно лишь одно, что гр. Витте не желалъ и не пожелаетъ лишиться его поддержки...

Генералъ Треповъ удаленъ... И черезъ день послѣ этого печатается благодарность торговцамъ Сѣнного рынка, являющагося, какъ извѣстно, въ Петербургѣ центромъ черносотенной агитаціи и ареной черносотенныхъ подвиговъ. Понимаютъ ли совѣтники конституціоннаго монарха, къ чему «клонитъ» эта благодарность, что значитъ она въ настоящее время и какое дѣйствіе она могла имѣть въ эту минуту — наканунѣ ожидавшагося погрома? Почему же они не удержали монарха отъ этого акта? Зачѣмъ они публиковали о немъ во всеобщее свѣдѣніе?

И это отнюдь не единственный случай. 27 октября въ оффиціальномъ органѣ появляется телеграмма «членовъ кишиневскаго благороднаго собранія», излагающая обстоятельства кишиневскаго погрома въ духѣ мѣстныхъ погромщиковъ. «На Соборной площади во время чтенія евангелія—говорится, между прочимъ, въ этой телеграммѣ—были произведены выстрѣлы и залпы евреями въ молящихся, что прервало молебствіе и, переполнивъ чашу терпѣнія и возмутивъ окончательно патріотическія и религіозныя чувства христіанскаго народа, вызвало еврейскій погромъ»... По чьему распоряженію напечатана эта телеграмма, явно задающаяся цѣлью вызвать озлобленіе противъ евреевъ, задѣвъ самыя чувствительныя струны народной души? Кто открылъ страницы оффиціальнаго изданія для черносотенныхъ прокламацій г. Синадино и прочихъ кишиневскихъ подстрекателей?

31 октября въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» печатается удостоенный «сердечной благодарности» адресъ аткарскихъ дворянъ слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Самодержавнѣйшій Великій Государь. Неслыханныя злодѣянія и дерзновенныя попытки сокрушить установленный вѣками государственный строй повергаютъ вѣрное Тебѣ аткарское дворянство въ полное отчаяніе. Съ каждымъ днемъ смута все усиливается; въ довершеніе всего 13 сентября въ Москвѣ на съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей положено начало распаденія Россіи: осмѣлились представить проектъ раздѣленія ея на автономныя части. Пораженные до глубины души этой измѣной Тебѣ и Отечеству, мы, вѣрные Твои подданные, припадаемъ къ стопамъ Твоимъ, умоляя спасти насъ и несчастную Россію единымъ мощнымъ сло-

вомъ. Ты, Великій Государь, можешь удержать ее на краю бездны, куда ввергаетъ ее крамола".

Что означаетъ эта публикація? Что означаетъ это самодержавіе, упраздненное 17 октября и двѣ недѣли спустя возводимое въ превосходную степень? Не значитъ ли это, что «Правительственный Вѣстникъ» желаетъ аннулировать значеніе актовъ 17 октября? Что означаетъ это обвиненіе въ измѣнѣ, предъявляемое къ цѣлому съѣзду земскихъ и городскихъ дѣятелей? Не въ правѣ ли мы сказать, что «Правительственный Вѣстникъ» при гр. Витте столь же ревностно занимается провокаціей, какъ онъ занимался ею при Плеве и Треповѣ?

Дѣло, конечно, не въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», а во всемъ «объединенномъ» правительствѣ. Его сообщенія уже утратили вялый и двусмысленный характеръ и пріобрѣли достаточную яркость и выразительность. Правительственное сообщеніе отъ 30 октября обнаруживаетъ рѣшительное желаніе свести на нѣтъ успѣхи революціи. «Пока въ Привислинскомъ краѣ—читаемъ въ немъ—не уляжется вновь вспыхнувшая смута, пока часть населенія, примкнувшая къ политическимъ агитаторамъ, не придетъ въ себя отъ овладѣвшаго имъ увлеченія, до тѣхъ поръ ни одно изъ благъ, вытекающихъ изъ Высочайшихъ манифестовъ 6 августа и 17 октября сего года, не сдѣлается достояніемъ края». Такъ осуществляется возвѣщенная 17 октября въ цѣляхъ успокоенія страны «прямая и искренняя» программа «практическаго водворенія въ жизнь главныхъ стимуловъ гражданской свободы». Я водворю свободу—писалъ 17 октября гр. Витте—и смута прекратится; пусть прекратится смута—пишетъ онъ теперь—и тогда я водворю свободу. «Прямота и искренность»—необычайныя; неизвѣстно только, когда они были проявлены: 17 или 31 октября. Это будетъ почище даже пресловутой «благожелательности» В. К. Плеве.

Но гр. Витте превзошелъ покойнаго не только въ этомъ направленіи. Правительственное сообщеніе по польскому вопросу представляетъ такой шедевръ провокаціи, до какого не поднимались ни Плеве, ни Треповъ. Чтобы погасить революцію, правительство рѣшило залить ее кровью. Съ Польшею расправятся доблестныя войска, а внутреннихъ враговъ усмиритъ невѣжественная масса. «Полякъ взбунтовался»—сдѣлается теперь лозунгомъ черносотеннаго движенія. До сихъ поръ революціонеровъ убивали и сжигали,

какъ безбожниковъ; теперь ихъ будутъ бить и жечь, какъ измѣнниковъ...

Гр. Витте когда-то назвалъ себя «приказчикомъ своего государя»; другіе называютъ его «послѣднимъ козыремъ русскаго самодержавія». Такова, я думаю, его провиденціальная миссія. Въ качествѣ министра финансовъ онъ раззорилъ Россію; въ качествѣ премьера онъ зальетъ ее кровью. И все изъ-за того только, чтобы спасти и увѣнчать свою карьеру...

Дѣло не въ немъ лично, а въ самодержавіи,—упраздненномъ, но не сдавшемся. Вся власть и послѣ 17 октября осталась въ рукахъ слугъ и приверженцевъ стараго режима. Спасая ее, они дошли уже до изступленія и, конечно, не остановятся ни передъ какими ужасами. Вырвать у нихъ власть — и составляетъ задачу революціи. Послѣднія двѣ недѣли съ особою наглядностью показали, что дѣло не въ бумажныхъ правахъ, не въ хартіяхъ и манифестахъ, а во власти, которую нужно передать народу. Единственная для этого форма—и мы до конца будемъ на ней настаивать, это—учредительное собраніе. Конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ понимаютъ русскіе либералы: соберутся-де выборные люди (лишь бы были выбраны!) и выработаютъ «основной законъ россійской имперіи». Мало выработать конституцію; необходимо еще ввести ее, и для этого необходимо, чтобы учредительное собраніе обладало всею полнотою власти. Само собой понятно, что нынѣшнее правительство, хотя оно и согласилось какъ будто бы на созывъ учредительнаго собранія, добровольно своею властью не поступится. До учредительнаго собранія она у него должна быть кѣмъ-то отнята...

Смѣшно, конечно, даже думать, что дѣловое министерство графа Витте,—этого приказчика русскаго самодержавія,—можетъ выполнить функціи временнаго правительства. Вопросъ о власти и, стало быть, объ учредительномъ собраніи еще не рѣшенъ, и весьма возможно, что его придется рѣшать силою.

XXIV. Передъ лицомъ соціальной революціи.

Ноябрь.

Ужасная вспышка черносотеннаго движенія, какъ ни парадоксально покажется это на первый взглядъ, больше, можетъ быть, чѣмъ что-либо другое, подвинуло насъ на этомъ именно пути къ разрѣшенію вопроса объ учредительномъ собраніи. Легко, конечно, проповѣдывать вооруженное возстаніе. Но этотъ лозунгъ, съ которымъ особенно сильно шумѣла въ послѣдній мѣсяцъ соціалъ-демократія, самъ по себѣ ни на шагъ не подвинулъ бы русской революціи. Не проповѣдь соціалъ-демократовъ, а дѣйствія черной сотни заставили народъ вооружаться и открыли къ этому хоть какую-нибудь фактическую возможность. Объ оружіи революціонныя организаціи толкуютъ вѣдь давно, но фактически дѣло сводилось къ ничтожному количеству револьверовъ, постоянно отбиравшихся при обыскахъ. Доставать оружіе было неимовѣрно трудно, хранить—рискованно. Да и стимуловъ къ вооруженію, — тѣхъ непосредственныхъ стимуловъ, которыми живетъ масса,—не было. Первый толчокъ въ этомъ направленіи дала прошлою зимою черная сотня: вмѣстѣ съ избіеніями учащейся молодежи, револьверы появились у публики. И та же черная сотня сдѣлала теперь это явленіе массовымъ. Въ составѣ дружинъ, милиціи и т. п. теперь вооружены уже многія тысячи. Еще больше, быть можетъ, равсѣяно оружія среди тѣхъ, которые запаслись имъ исключительно ради собственной самозащиты. Необходимость защищать свою жизнь и свое имущество оказалась столь настоятельной, что подъ ея напоромъ сразу должны были рухнуть такъ долго созидавшіяся русскимъ правительствомъ преграды. Даже въ Петербургѣ и Москвѣ револьверъ можно пріобрѣсти теперь въ первомъ оружейномъ магазинѣ, и развѣ для очистки совѣсти васъ спросятъ объ «удостовѣреніи».

Было бы, однако, не благоразумно возлагать всѣ надежды на оружіе и рискованно направлять только въ эту сторону всѣ усилія. При данномъ соотношеніи силъ едва ли возможно сколько-нибудь успѣшное состязаніе между финскими ножами и шашками, между револьверами и пулеметами. Одна изъ главныхъ задачъ заключается въ томъ, чтобы измѣнить соотношеніе силъ революціи и

реакціи. Не слѣдуетъ забывать, что главное оружіе первой — не револьверъ, а идея. И я думаю, что еще много имъ можно и нужно сдѣлать.

Составъ непріятельской арміи очень разнообразенъ: мы въ ней видимъ и профессіональнаго вора, и честолюбиваго премьера, и безпорядочную толпу, и дисциплинированное войско. Нельзя, конечно, и думать, что всю ее можно побѣдить только идеей. Со многими ея элементами неизбѣжна борьба на жизнь и на смерть, борьба оружіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можно сдѣлать словомъ, даже свободнымъ словомъ, если въ кабинетъ писателя врывается казачій офицеръ и грозитъ револьверомъ, замахивается шашкой? Такіе случаи уже были, и, несомнѣнно, что они будутъ встрѣчаться еще чаще. Настала пора, когда приходится даже писать съ револьверомъ...

Но у стараго режима имѣются приверженцы не только по призванію, но и по недоразумѣнію. Вѣдь главная опора самодержавія это—невѣжество массы, и его необходимо, насколько это возможно, разсѣять. Необходимо дезорганизовать непріятельскія силы и перетянуть къ себѣ тѣ, которыя по праву принадлежатъ революціи.

То же черносотенное движеніе въ значительной его части основано на недоразумѣніи. На ряду съ переодѣтыми городовыми, кулаками и сыщиками, въ немъ участвуютъ наиболѣе обездоленные и наиболѣе угнетенные слои россійскаго населенія. Можно думать, что уже теперь въ немъ преобладаютъ революціонныя силы. Наглядно это сказалось въ Кронштадтѣ, гдѣ мятежъ слился съ погромомъ. Въ этомъ сліяніи заключается, быть можетъ, главная угроза для революціи. Было бы ужасно, если бы все движеніе пошло путемъ грабежей и погромовъ. Между тѣмъ, эту опасность нельзя считать устраненной даже въ городахъ, гдѣ многіе изъ шествующихъ за краснымъ флагомъ, на другой день, быть можетъ, участвуютъ въ погромахъ. Культурное состоянія массы слишкомъ низко, чтобы она могла разобраться въ сложныхъ планахъ и въ то же врямя экономическое положеніе ея слишкомъ невыносимо, чтобы она могла осуществлять ихъ съ необходимой выдержкой. Нечего поэтому удивляться, что ее такъ же легко и, быть можетъ, много даже легче склонить къ грабежу, чѣмъ къ учредительному собранію.

Въ городахъ, и особенно въ большихъ городахъ, сознательная

мысль сдѣлала, конечно, уже большіе успѣхи, и можно надѣяться, что черносотенный погромъ не перетянетъ въ нихъ революцію, хотя и здѣсь — повторяю — эту опасность нельзя считать вполнѣ устраненною. Несравненно хуже обстоитъ дѣло въ деревнѣ: факты показываютъ, что громадную массу крестьянства такъ же легко бросить въ еврейскій погромъ, какъ и на грабежъ помѣщичьей усадьбы.

Но въ томъ же направленіи, въ какомъ находится угроза революціи, лежатъ и главныя ея надежды. Эту самую массу, которую стремятся во что бы то ни стало взбудоражить дошедшіе до изступленія агенты самодержавія, революція еще можетъ перетянуть на свою сторону. И это она можетъ сдѣлать только идеей. Само собою понятно, что такой идеи нѣтъ у либераловъ, ее могутъ дать только соціалистическія партіи.

Впрочемъ, едва ли ее могутъ дать и соціалъ-демократы. Когда-то заядлые «экономисты», они всецѣло увлеклись теперь политикой. Они имѣютъ сейчасъ только одинъ лозунгъ для движенія — «демократическая республика». Легко понять, что для голодающихъ это — пустой звукъ, способный обратиться подъ вліяніемъ внѣшняго внушенія въ жупелъ. Для массы нуженъ хлѣбъ, насущный хлѣбъ, и этотъ хлѣбъ необходимо самымъ наглядным для нея образомъ сочетать съ волей. Экономика все время должна идти въ уровень съ политикой. Къ этому и стремится другая соціалистическая партія.

Пора понять, что въ Россіи происходитъ не политическая только, но и соціальная революція, и если надъ ней не взовьется красный флагъ, то она совершится съ чернымъ.

Отдѣльныя вспышки—писалъ я въ апрѣлѣ—уже начали сливаться въ общій пожаръ, грозящій охватить всю Россію,—и города и деревню, и центръ и окраины. Съ каждымъ днемъ движеніе пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе стихійный характеръ. И нѣтъ ничего мудренаго, что этотъ огонь выжжетъ въ концѣ концовъ не только сорныя, но и цѣлебныя травы. Можетъ быть, будетъ выжжена въ большей или меньшей своей части и русская интеллигенція. Не за Бѣлинскаго и Михайловскаго она отвѣтитъ, не за мучениковъ своихъ и героевъ, не за идеи свои и идеалы. Она отвѣтитъ за имущіе классы, среди которыхъ выросла, за сословныя привилегіи, которыми такъ долго пользовалась, и за классовую эксплуатацію, въ которой, не смотря на всѣ идеи и идеалы, принимала дѣятельное участіе. Все усиливающееся и не находящее себѣ исхода движеніе можетъ принять въ концѣ концовъ такіе размѣры и отлиться въ такія формы, что таже участь постигнетъ и многія другія

пріобрѣтенія культуры. Можно опасаться, что оно разразится въ концѣ концовъ катастрофой. Массы могутъ не разсмотрѣть, что на сломъ подлежатъ лишь перегородки и своды; подъ ихъ стихійнымъ напоромъ могутъ рухнуть и стѣны самаго зданія.

Этотъ характеръ движенія теперь еще очевиднѣе. Нельзя и думать, что оно можетъ протечь въ руслѣ политической революціи, что его можно цѣликомъ направить противъ «приказнаго строя», о чемъ мечтаютъ либералы, или противъ монархіи, на что разсчитываютъ соціалъ-демократы. Уже началось возстаніе рабовъ противъ господъ, голодныхъ противъ сытыхъ, эксплуатируемыхъ противъ эксплуататоровъ. Въ значительной своей части оно носитъ стихійный, неорганизованный характеръ, но и все оно можетъ отлиться въ черносотенную форму. Интеллигенцію буквально уже выжигаютъ, выжигаютъ и другія пріобрѣтенія культуры. Противостать этой силѣ, хотя бы и съ самымъ усовершенствованнымъ револьверомъ, немыслимо. Необходимо перетянуть ее къ себѣ, иначе она перетянетъ и перегнетъ всю революцію. И этого можно достигнуть только идеей.

Интеллигенція должна — писалъ я — «поднявъ возможно выше свѣточъ истины и идеала, которымъ владѣетъ, броситься въ эти до нельзя взволнованныя безсвязныя толпы... Только такимъ путемъ можно прекратить жестокія сцены»... Но этимъ свѣточемъ не можетъ быть идеалъ только свободы, хотя бы вы подняли его до демократической республики. Нужна соціальная идея, близкая и понятная массамъ. И я думаю, что такою идеею можетъ быть и должна быть: «земля».

Даже въ городѣ она производитъ обаятельное впечатлѣніе. Хотя и смутно, но массы сознаютъ необходимость очень широкихъ соціальныхъ преобразованій, необходимость прочной соціальной опоры, чтобы онѣ могли разсчитывать на лучшее будущее. Мнѣ какъ-то пришлось толковать съ кучкой черносотенцевъ. Рѣзко и возбужденно они критиковали манифестъ 17 октября: «Какая намъ отъ него польза!» Для ихъ мысли было непосильно преодолѣть рядъ силлогизмовъ, которые связываютъ хлѣбъ съ волей. Вопросъ о землѣ сразу преобразилъ эту возбужденную кучку. Всѣ ясно сознавали его громадное значеніе, всѣ чувствовали его кровную близость. Да и какъ же могло быть иначе: вѣдь эти самые, наименѣе сознательные, элементы города тѣснѣе всего связаны съ деревней.

И я не сомнѣваюсь, что передъ знаменемъ: «земля и воля» быстро начнетъ таять черная сотня, быстро начнутъ рѣдѣть ея ряды, и передъ нами скоро останутся только агенты изступленнаго самодержавія и представители самаго наглаго кулачества. Еще большее обаяніе это знамя будетъ имѣть и въ дѣйствительности имѣетъ въ деревнѣ. Въ сущности, оно одно только и можетъ предотвратить угрозу, какую таятъ въ себѣ для освободительнаго движенія и для всей культуры крестьянскія массы. Спѣшите же поднять это знамя,—иначе верхъ возьметъ анархія. Поднимайте его выше,—иначе явится какой-нибудь авантюристъ, который со знаменемъ «царь и земля» поведетъ народъ черезъ пугачевщину къ диктатурѣ.

У меня нѣтъ надежды, чтобы съ этимъ знаменемъ можно было удержать движеніе въ правомѣрныхъ, спокойныхъ формахъ. Вопросъ о землѣ должно рѣшить, конечно, учредительное собраніе. Съ нимъ, однако, запоздали, и крестьянскую массу теперь уже не мыслимо удержать на выжидательной позиціи. Въ нѣсколькихъ уже губерніяхъ началось крестьянское возстаніе, а къ веснѣ, по отзывамъ близко соприкасающихся съ деревней людей, оно охватитъ почти всю Россію. Правительство надѣется совладать съ нимъ генералами въ бѣлыхъ шапкахъ и пулеметами. Но русская интеллигенція не можетъ и не должна брать на себя задачу задержать стихію. Она не можетъ и не должна говорить: «подождите». По меньшей мѣрѣ, это безцѣльно. Разъ стихійное движеніе началось, остановить его нельзя, и вся задача интеллигенціи должна заключаться въ томъ, чтобы внести въ него сознательную мысль и организующую силу. И я думаю, что по отношенію къ деревнѣ сейчасъ представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ лозунгъ:

— Не грабьте, не жгите, не раззоряйте... Берите во временное управленіе.

Въ борьбѣ за хлѣбъ нужно спѣшить соорганизовать народную волю. Иначе народъ останется и безъ земли, и безъ воли.

XXV. Скорбные манифесты и неслыханная смута.

Ноябрь *).

Второй скорбный манифестъ... «Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей,—читали мы 17 октября,—великою и тяжкою скорбью преисполняютъ серце Наше»... «Скорбь» правительства оказалась тогда связанной — такова ужъ логика вещей — съ «милостями» народу, съ такими милостями, какихъ ни разу онъ не получалъ по случаю «радостныхъ событій». «Глубокою скорбью,—читаемъ мы теперь, — наполняетъ сердце Наше смута, перешедшая въ селенія нѣкоторыхъ уѣздовъ, гдѣ крестьяне чинятъ насиліе въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ»... И эта скорбь опять оказалась связанной съ «милостями», съ такими милостями, какихъ тщетно цѣлые десятки лѣтъ ждали крестьяне. «Насилія и преступленія, — говорится въ манифестѣ 3 ноября,—не улучшатъ положенія крестьянъ»... Но мы обязаны смотрѣть прямо въ глаза дѣйствительности и съ болью въ сердцѣ должны признать, что только смута, только преступленія и насилія заставили правительство признать хотя нѣкоторыя нужды народа.

Цѣлую сотню лѣтъ—сначала въ лицѣ героевъ и мучениковъ, потомъ въ лицѣ почти всего общества и народа — страна рвалась къ свободѣ. Тщетны, однако, были всѣ усилія и жертвы, всѣ мольбы и требованія,—только «неслыханная смута» заставила правительство признать—признать, но не удовлетворить еще—основные постулаты гражданской свободы.

Съ момента освобожденія была извѣстна непосильность лежащаго на крестьянахъ податного бремени; пятнадцать уже лѣтъ, какъ въ деревнѣ начался хроническій голодъ; попеченіе о ней во всѣхъ правительственныхъ актахъ всегда ставилось «превыше всѣхъ другихъ заботъ нашего времени», — но все было напрасно. Только «смута, перешедшая въ селенія», заставило правительство сложить съ крестьянъ подати. Становится прямо страшно, когда подумаешь, сколько еще преступленій и насилій будетъ совершено, какая еще неслыханная смута понадобится, чтобы заставить правительство признать и удовлетворить хотя бы только главныя и самыя неотложныя нужды народа...

*) Было напечатано въ „Сынъ Отечества" отъ 8 ноября.

Повторяемъ: мы обязаны смотрѣть прямо въ глаза дѣйствительности. Мы должны признать, что не правительство, а «смута» сложила съ крестьянъ выкупные платежи, и сложила ихъ раньше, чѣмъ появилось объ этомъ извѣстіе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Въ цѣломъ рядѣ мѣстностей крестьяне отказались уже вносить подати, во многихъ губерніяхъ они находятся въ открытомъ возстаніи... Выколачивать оклады и недоимки сдѣлалось все равно уже невозможнымъ, оставалось только признать это правительственнымъ актомъ.

Да, революція сложила съ крестьянъ подати; бюрократія же только испортила и испортитъ эту милость, такъ же, какъ она испортила и портитъ «милости», дарованныя 17 октября. Вмѣсто того, чтобы сложить сразу всѣ оклады и недоимки, она примѣнила свой канцелярскій рецептъ: «въ разсрочку»... Хотя на годъ, хоть на половину ей хочется отсрочить неизбѣжное. Въ церквахъ будутъ читать всемилостивѣйшій манифестъ, а на улицѣ въ то же самое время будутъ продавать за недоимки послѣднюю корову. Что кромѣ новой смуты можетъ это породить въ голодающей деревнѣ?

Да и какое реальное значеніе можетъ имѣть эта «милость», реализуемая бюрократіей? Что значатъ 80 милліоновъ выкупныхъ платежей, если съ того же самаго народа ежегодно взимается тысяча милліоновъ въ видѣ косвенныхъ налоговъ? Кто поручится, что правительство, возвѣщающее «милость» крестьянину, не постарается немедленно найти въ другомъ его карманѣ компенсацію? Вѣдь надо же содержать оставляемую для борьбы съ народомъ на военномъ положеніи армію. Вѣдь надо же откуда-нибудь взять деньги, чтобы оплачивать многотысячными выдачами столь частые въ наше смутное время переѣзды государственныхъ сановниковъ съ частныхъ квартиръ на казенныя и съ казенныхъ на частныя. Вѣдь надо же поправить разстроенное здоровье генерала Стесселя, что, какъ слышно, предполагается сдѣлать не судомъ надъ нимъ, а новою многотысячною субсидіею... Какимъ образомъ будетъ сбалансирована государственная роспись на 1906 годъ? Не при помощи ли все той же раззорившей народъ финансовой системы?

Что означаетъ, повторяемъ, эта «милость» менѣе, чѣмъ въ рубль по разсчету на крестьянскую душу, когда въ крестьянскомъ бюджетѣ для сносной жизни не хватаетъ, какъ извѣстно, цѣлой сотни рублей на на душу?.. Земля нужна крестьянамъ. Но правительство все еще не

хочетъ признать этой главной и основной нужды не только крестьянства, но и всего народа. Въ этомъ направленіи «на пользу крестьянъ» правительство не могло придумать ничего новаго. Опять на сценѣ фигурируетъ крестьянскій банкъ. Но роль его благодѣтельнаго учрежденія въ народно-хозяйственной жизни достаточно уже выяснена. Расширивъ площадь крестьянскаго землевладѣнія что-то около 0,05 десятины на душу, онъ поднялъ стоимость помѣщичьей земли на нѣсколько милліардовъ. И не трудно предвидѣть, что получится съ расширеніемъ его дѣятельности, что получится отъ новыхъ льготъ заемщикамъ, доходящихъ на этотъ разъ до бездоплатныхъ ссудъ, выдаваемыхъ съ разрѣшенія министерства финансовъ. Большую «пользу» получатъ помѣщики. Крестьяне же, если воспользуются новыми льготами и ссудами, окажутся въ концѣ концовъ обложенными такими «выкупными платежами», передъ которыми нынѣ сложенные покажутся жалкими грошами.

Но они не воспользуются. Земля нужна народу... И не крестьянскій банкъ, конечно, успокоитъ «смуту, перешедшую въ селенія». Не успокоятъ ее и пулеметы, данные генералъ-адъютантамъ вмѣстѣ съ «манифестомъ». Смута, очевидно, сдѣлается еще болѣе «неслыханной» и будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока не появится манифестъ еще болѣе «скорбный»...

XXVI. Безъ будущаго.

Декабрь.

Безъ будущаго... Этими двумя словами, думается мнѣ, лучше всего можно охарактеризовать переживаемый нами психологическій моментъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто можетъ предугадать, что будетъ— я уже не говорю: черезъ годъ — что будетъ, скажемъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю и даже черезъ день? Самыя крупныя событія надвигаются совершенно неожиданно, и даже самый гадательный прогнозъ при данныхъ условіяхъ представляется совершенно не возможнымъ.

Говоря о гр. Витте мѣсяцъ тому назадъ, я, между прочимъ, писалъ:

Въ качествѣ министра финансовъ онъ раззорилъ Россію, въ качествѣ премьера онъ зальетъ ее кровью. И все изъ-за того только чтобы спасти и увѣнчать свою карьеру...

Но, по совѣсти говоря, я никакъ не предвидѣлъ, что это случится такъ скоро и произойдетъ въ такихъ формахъ и размѣрахъ. Въ качествѣ публициста, за дѣятельностью С. Ю. Витте я уже давно слѣжу, но я и предугадать не могъ, что онъ такъ охотно и такъ откровенно будетъ купаться въ крови... и все изъ-за того только, чтобы спасти и увѣнчать свою карьеру. Впрочемъ онъ, и самъ, вѣроятно, не предвидитъ, сколь не проченъ этотъ пьедесталъ изъ труповъ ..

Возьму другой примѣръ. Начиная декабрьскую забастовку въ Москвѣ, революціонныя организаціи, какъ говорятъ, совершенно не думали связывать ее съ вооруженнымъ возстаніемъ. Забастовка предполагалась мирная, къ возстанію же думали только звать и готовиться. Черезъ три дня послѣднее было, однако, уже въ полномъ разгарѣ. Послѣ стрѣльбы изъ орудій по митингу въ д. Фидлера, спѣшно собравшійся въ ту же ночь революціонный комитетъ призналъ необходимымъ строить баррикады. Но когда его эмиссары явились съ этимъ приказомъ, то нашли на улицахъ баррикады уже строющимися... Такимъ образомъ, за нѣсколько дней и даже за нѣсколько часовъ нельзя было предусмотрѣть даже такого выходящаго изъ ряда событія, какъ московское возстаніе. Столь близкимъ его не считали даже тѣ, которые къ нему готовились...

Событія надвигаются и развертываются уже совершенно стихійно,—внѣ чьего-либо предвидѣнія и внѣ чьей-либо воли. Трудно при такихъ условіяхъ ставить какія-бы то ни было—тѣмъ болѣе сложныя — задачи и строить какія-бы то ни было — тѣмъ болѣе хитроумные—планы.

Еще недавно были хоть какія-нибудь точки опоры, можно было дѣлать хоть какіе-либо разсчеты. Правда, событія и тогда уже развивались стихійно, и, какъ показала жизнь, очень многіе изъ этихъ разсчетовъ вилами на водѣ были писаны. Но всетаки... всетаки предвидѣлись опредѣленные факты и можно было рисовать—каждому, конечно, по его вкусу—опредѣленныя перспективы.

Сначала ждали Булыгинской думы, потомъ на горизонтѣ показались выборы. Увлеченные игрой, «шахматисты», какъ я ихъ назвалъ, заблаговременно — за пять мѣсяцевъ впередъ! — обдумывали свои ходы. Войти ли въ думу или только дойти до ея порога? Тщательно взвѣшивали они шансы той и другой тактики,

съ увлеченіемъ развивали въ пользу каждой изъ нихъ аргументы. Неизбѣжность въ положеніи о государственной думѣ «измѣненій, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному», хотя и сознавалась ими, но мыслилась какъ что-то отдаленное и во всякомъ случаѣ болѣе далекое, чѣмъ ихъ собственный ходъ «внутрь» или «до порога»...

Правда, эти измѣненія—писалъ я—отложены до того времени, когда „жизнь сама укажетъ", но уже теперь несомнѣнно, что жизнь начнетъ дѣлать свои указанія скоро, даже немедленно... Событія развиваются съ такою быстротою, а „потребности времени" выяснились уже съ такою остротою и очевидностью, что даже пятимѣсячный срокъ представляется слишкомъ длиннымъ для неизбѣжнаго „согласованія".

Но эта слабая (болѣе сильной по цензурнымъ условіямъ она и не могла быть) нотка скептицизма, взятая нашимъ журналомъ, прозвучала тогда, какъ, вѣроятно, помнятъ читатели, рѣзкимъ диссонансомъ. «Шахматисты» — а въ шахматную игру была втянута тогда почти вся легальная печать—цѣликомъ были увлечены предстоявшей избирательной кампаніей. Впрочемъ и всѣмъ пришлось тогда опредѣлить свое,—положительное или отрицательное—отношеніе къ выборамъ. Всѣ жили будущимъ...

Прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ — и будущее исчезло. Приходится жить безъ будущаго. У активныхъ участниковъ разыгрывающейся драмы есть, покрайней мѣрѣ, хоть лозунги. Къ вооруженному возстанію «готовятся» революціонныя организаціи. Правительство тоже опредѣленно настроено. «Оно не допуститъ—читаемъ мы въ послѣднемъ его сообщеніи—мятежа и смуты, и будетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ устранять всякія революціонныя приготовленія, а въ случаѣ мятежа раздавитъ его въ зародышѣ всѣми имѣющимися у него средствами». Но у той и другой стороны это только настроеніе, а не опредѣленные планы.

Революціонеры именно «готовятся», — другими словами, предвидятъ неизбѣжность массового вооруженнаго столкновенія. Но это не значитъ, конечно, что они сознательно выбрали изъ всѣхъ другихъ эту именно форму борьбы, и что у нихъ имѣется опредѣленный планъ возстанія. Въ дѣйствительности такого плана, конечно, нѣтъ и быть не можетъ. Въ томъ или иномъ пунктѣ, — какъ это и случилось въ Москвѣ,—возстаніе можетъ вспыхнуть неожиданно даже для революціонныхъ организацій. Съ другой стороны, какія

бы то ни было «приготовленія» не въ состояніи предрѣшить его, если нѣтъ въ наличности другихъ условій, и прежде всего необходимаго для этого настроенія.

Черезчуръ часто и не всегда обуманно провозглашаемый лозунгъ можетъ быть, конечно, воспринятъ нѣкоторыми въ иномъ смыслѣ, чѣмъ какой онъ имѣетъ въ дѣйствительности. Было бы, однако, слишкомъ прискорбно, если бы возстаніе мыслилось кѣмъ не только какъ печальная возможность, но и какъ роковая необходимость. Было бы опасно, если бы эту необходимость признавалось желательнымъ, во что бы то ни стало, ускорить. Не говоря о прочемъ, исключительное вниманіе, удѣляемое той или иной тактической формулѣ, можетъ лишь ослабить тактику въ ея цѣломъ. Лишь общее направленіе послѣдней должно опредѣляться принципіальными и, стало быть, до извѣстной степени апріорными соображеніями; но въ своихъ конкретныхъ формахъ она, во всякомъ случаѣ, должна быть достаточно гибкой, чтобы не быть тѣми или иными условіями совершенно прегражденной и достаточно развѣтвленной, чтобы не быть при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ сразу надломленной. Опасность исключительнаго предпочтенія тѣхъ или иныхъ формъ борьбы доказывать едва ли нужно. Слишкомъ тяжелые уроки даны уже въ этомъ отношеніи и исторіей, и современной жизнью. Напомню хотя бы народовольчество, которое едва ли бы такъ скоро въ свое время могло быть надломлено, если бы оно не отдало почти всѣ свои боевыя силы одной лишь формѣ — террору. Съ другой стороны укажу на недавнее, только что нами пережитое увлеченіе, благодаря которому сильный революціонный рессурсъ неожиданно скоро оказался исчерпаннымъ.

Успѣхъ великой октябрьской забастовки имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что многіе начали смотрѣть на эту форму борьбы, какъ на нѣкое универсальное средство. Начались даже разговоры, что найдена новая «безкровная» форма революціи. Люди какъ бы забыли о той крови, о громадномъ количествѣ крови, какая до октября была уже пролита, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы вовсе не предвидѣли столь же кровавыхъ, даже болѣе ужасныхъ жертвъ, какихъ еще потребуетъ свобода. Увлеченіе сказалось и въ другомъ направленіи—въ переоцѣнкѣ той роли, какая принадлежала и принадлежитъ пролетаріату въ общемъ революціонномъ движеніи. Онъ,

и одинъ только онъ завоевалъ или, какъ выражались нѣкоторые, «подарилъ» Россіи свободу. На эту тему произносились безчисленныя рѣчи, на этотъ мотивъ слагались самые льстивые гимны. Даже Минскій и Бальмонтъ сдѣлались по этому случаю соціалъ-демократами.

Какъ живая, въ моихъ глазахъ стоитъ такая сценка. Одинъ изъ такого рода соціалъ-демократовъ, переряженный въ пролетарія, явился какъ-то на интеллигентскій митингъ и заявилъ:

— На что вы годитесь, буржуи?! Двугривенный, который вы заплатили извозчику, чтобы пріѣхать сюда, вотъ и все, что вы способны принести на алтарь свободы...

Чтобы яснѣе были размѣры увлеченія, сказавшагося въ этой выходкѣ, не лишне будетъ прибавить, что изъ числа присутствовавшихъ половина, быть можетъ, уже побывала въ тюрьмахъ и ссылкѣ. Н. Ѳ. Анненскому, предсѣдательствовавшему на этомъ митингѣ, пришлось напомнить, что русская интеллигенція расплачивалась за свои идеалы не только двугривенными, но и жизнью, что она не только ѣздила на извозчикахъ, но и вздергивалась на висѣлицы. Приходилось напоминать даже такія вещи...

Вся исторія какъ бы была забыта, вся перспектива движенія какъ бы извратилась. Забыта была роль, сыгранная «студентомъ», ничтожнымъ казалось впечатлѣніе, уже произведенное на правительство деревней. Все сводилось къ пролетаріату... Впрочемъ, и самое понятіе о пролетаріатѣ расплылось. Забастовка слишкомъ еще свѣжа была въ памяти, и всеобщая поддержка, обусловившая ея силу, не могла быть безусловно отрицаема. Къ пролетаріямъ пришлось относить врача и учителя, инженера и телеграфиста, начальника станціи и даже чиновника. Конечно, это былъ уже не тотъ пролетаріатъ, съ которымъ оперировали во времена оны «марксисты». Это уже почти весь трудящійся «народъ», на который всегда возлагали свои надежды соціалъ-народники.

Пишу я это, конечно, не затѣмъ, чтобы умалить значеніе рабочаго класса въ революціонномъ движеніи. Его заслуги громадны. Но было бы опасно, какъ я думаю, черезчуръ переоцѣнивать его силы и на него одного взваливать всю тяжесть революціи. Къ этимъ силамъ нужно относиться бережно, иначе онѣ легко могутъ быть надорваны. Въ извѣстной мѣрѣ это уже и случилось.

Я имѣю въ виду всеобщія забастовки, предпринятыя одна за

другой подъ давленіемъ, главнымъ образомъ, соціалъ-демократическихъ организацій. Пускаемыя въ ходъ слишкомъ часто, онѣ начали срываться. Чрезмѣрно эксплуатируя эту форму борьбы, революціонная тактика сама себя обезсилила. То же можетъ случиться и съ вооруженнымъ возстаніемъ...

Правительство торжествуетъ сейчасъ побѣду. Возстаніе, заявляетъ оно, задавлено. Но каждому наблюдателю ясно, что это Пиррова побѣда. Одержало ее, въ сущности, не правительство, а революція. Да, въ формѣ подавленнаго возстанія послѣдняя одержала такую нравственную побѣду, на какую еще вчера никто не смѣлъ разсчитывать.

Господствовало вѣдь убѣжденіе, что въ нынѣшнее время уличная борьба съ регулярными войсками совершенно невозможна. Признаюсь, что я самъ выражалъ сомнѣніе въ «возможности сколько-нибудь успѣшнаго состязанія между финскими ножами и шашками, между револьверами и пулеметами».

„Составъ непріятельской арміи—писалъ я—очень разнообразенъ... Нельзя конечно, и думать, что всю ее можно побѣдить только идеей. Со многими ея элементами неизбѣжна борьба на жизнь и на смерть, борьба оружіемъ“... Но,—полагалъ я,—сейчасъ „одна изъ главныхъ задачъ заключается въ томъ, чтобы измѣнить соотношеніе силъ революціи и реакціи“...

И я никакъ не думалъ, что это соотношеніе силъ уже таково, что возможно хотя бы какое-нибудь вооруженное между ними состязаніе.

Соотношеніе измѣняется, однако, очень быстро. Въ моментъ начала московскаго возстанія въ боевыя дружины, какъ говорятъ, было сорганизовано всего лишь 800 человѣкъ. Спустя три дня газетные стратеги опредѣляли численность повстанцевъ уже въ 60.000. На эти опредѣленія полагаться, конечно, нельзя. Несомнѣнно, однако, что тактика правительства уже во время возстанія революціонизировала и вооружила многихъ москвичей, которыхъ не успѣла революціонизировать вся предыдущая его политика и не вооружила выпущенная имъ въ октябрѣ на московскія улицы черная сотня. Силы революціи наростали въ процессѣ самого возстанія, и, при томъ, быть можетъ, несравнено быстрѣе, чѣмъ въ періодъ «приготовленій».

Во всякомъ случаѣ, изъ трехъ военныхъ округовъ пришлось стягивать войска, чтобы задавить московскую революцію. Болѣе

недѣли продолжался бой на московскихъ улицахъ. Революціонерамъ удалось построить столь прочныя баррикады, что разбить ихъ было трудно даже изъ усовершенствованныхъ орудій. Въ исторію уличной борьбы, которая считалась уже анахронизмомъ, неожиданно была вписана новая и, при томъ, быть можетъ невиданная еще по своимъ размѣрамъ страница.

Подавленное возстаніе, повторяю, это самая крупная, быть можетъ, изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ побѣдъ революціи. Во всякомъ случаѣ, приглядываясь къ произведенному имъ впечатлѣнію, я вижу, что духъ революціи отнюдь не упалъ: напротивъ, ея надежды еще окрылились.

Въ этомъ мы можемъ видѣть залогъ ея грядущаго торжества. Но въ этомъ же таится и серьезная для нея опасность. Приходится опасаться новаго увлеченія. Нужно придвидѣть, что новая форма борьбы сразу станетъ популярной, и можно бояться, что революціонеры начнутъ черезчуръ поспѣшно переходить на ту почву, на которую ихъ толкаетъ правительство. Другими словами: можно бояться, что возстаніемъ начнутъ пользоваться такъ же не осторожно и такъ же исключительно, какъ начали было пользоваться забастовкой. Между тѣмъ, вѣдь это крайнее изъ средствъ, какимъ располагаетъ революція, и едва ли нужно говорить, какія могутъ быть послѣдствія, если оно начнетъ срываться. Нужна, конечно, рѣшительная тактика, но въ своихъ формахъ она должна быть достаточно разнообразна и ни въ одной изъ нихъ не должна быть перегружена. Иначе все движеніе можетъ надломиться...

Между тѣмъ, эта опасность тѣмъ больше, что событія, какъ я уже говорилъ, развиваются совершенно стихійно. Никакого плана общаго возстанія нѣтъ, да и быть его сейчасъ не можетъ. Ни одна революціонная организація, я увѣренъ, не въ силахъ опредѣлить его время и размѣры, предусмотрѣть его результаты и даже съ увѣренностью сказать, что оно непремѣнно будетъ, и что именно имъ и ничѣмъ инымъ рѣшатся судьбы русской революціи. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, мы безсильны заглянуть въ будущее.

Правительство, несомнѣнно, тоже живетъ и дѣйствуетъ безъ всякаго плана. Увѣренности, что оно «не допуститъ», и даже, что оно «раздавитъ»—въ дѣйствительности у него, конечно, нѣтъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть увѣренность? Допустимъ, что

семеновцы пройдутъ по казанской дорогѣ до Рязани, приколятъ и пристрѣлятъ всѣхъ, кого требуется и даже кого не требуется. Ну, а дальше? Какой, въ самомъ дѣлѣ, планъ можетъ быть у правительства?

Я только что видѣлъ врача, пріѣхавшаго изъ Красноярска. За Сызранью вся желѣзная дорога оказывается въ рукахъ рабочихъ комитетовъ. Въ распоряженіи красноярскаго комитета состоитъ даже желѣзнодорожный баталіонъ, дѣйствующій подъ краснымъ знаменемъ. Поскольку же хозяевами дороги не являются комитеты, постольку на ней хозяйничаютъ возвращающіеся изъ Манчжуріи голодные, полуодѣтые и полупьяные солдаты. Правительства на Сибирской магистрали нѣтъ. По сторонамъ дороги, въ городахъ еще правятъ губернаторы. Но насколько прочно ихъ положеніе, сказать трудно. Въ Читѣ губернаторъ и другія власти одно время сидѣли арестованными, и командующій тыломъ Манчжурской арміи особой прокламаціей грозилъ, что онъ предприметъ походъ въ Забайкалье въ цѣляхъ ихъ освобожденія. Но, при извѣстной уже способности Манчжурской арміи къ завоеваніямъ, дорога съ той стороны едва ли можетъ быть завоевана. Какимъ же образомъ правительство разсчитываетъ отнять ее у революціи и даже, можетъ быть, у наложившей уже на нее свою лапу анархіи? Или доблестные семеновцы продлятъ свою карательную экспедицію и пойдутъ дальше, за Рязань и за Сызрань? Не притомятся ли, однако, и они прикалывать и пристрѣливать? За Ураломъ вѣдь лежитъ необъятная страна, которая могла быть завоевана лишь вѣками.

На югѣ дѣла, повидимому, идутъ успѣшнѣе, и Екатерининская дорога, можетъ быть, будетъ завоевана такъ же быстро, какъ и Казанская до Рязани. Но что правительство намѣрено сдѣлать съ Кавказомъ? Уже двѣ недѣли оттуда нѣтъ извѣстій. Послѣднее сообщеніе, какое дошло до публики, это была телеграмма намѣстника о томъ, что онъ сдалъ Тифлисъ соціалъ-демократамъ. «Новое Время» немедленно и энергично потребовало, чтобы городъ былъ взятъ обратно, и чтобы вообще порядокъ на Кавказѣ былъ возстановленъ. Но единственное средство, какое оно могло предложить, это— перемѣнить намѣстника. Намѣстникъ, однако, остается пока прежній. Отобрать одинъ городъ, не трудно, но вообще съ Кавказомъ справиться будетъ, конечно, несравненно труднѣе, чѣмъ даже съ

необъятной Сибирью. Завоеваніе его длилось вѣдь тысячелѣтіе, замиряли его цѣлое столѣтіе, — и всетаки ничего изъ этого не получилось.

Завоеваніе Лифляндіи и Курляндіи уже началось, но возстаніе въ Литвѣ и Польшѣ только еще готовится... Между тѣмъ, близится весна, а вмѣстѣ съ нею, быть можетъ, и аграрная революція...

«Раздавить» нужно будетъ всю Россію. Готовность сдѣлать это у правительства, конечно, есть. Но готовность—вѣдь это настроеніе. Что касается общаго плана, то его, конечно, у правительства нѣтъ и быть не можетъ. Какъ и всѣ другіе, оно живетъ со дня на день, безъ будущаго...

Но у правительства и революціонеровъ есть, по крайней мѣрѣ, лозунги. Они «готовятся», ихъ арміи сражаются. Сегодняшній день у нихъ всетаки занятъ. Среднимъ же партіямъ даже лозунги приходится придумывать.

Въ такомъ положеніи оказалась, напримѣръ, конституціонно-демократическая партія. Изъ числа дѣйствующихъ силъ жизнью она уже выброшена. Совершенно явственно это обозначилось еще въ октябрѣ. Земцы—эти главные кадры конституціонно-демократической арміи—обнаружили полную неспособность къ какимъ либо актамъ. Они хотѣли продолжать переговоры, но даже Витте отвергъ ихъ посредничество. Единственная роль, какая осталась для конституціоналистовъ-демократовъ, это подавать реплики направо и налѣво: и революціонерами мы де недовольны, и правительства мы не одобряемъ. Но эти реплики мало кто слушаетъ, мало кто ими интересуется. И никакого дѣйствія на борющіяся силы онѣ, конечно, не оказываютъ. Партія играетъ роль зрителя, безсильнаго оказать какое-либо вліяніе на исходъ разыгрывающейся передъ нимъ драмы.

Я имѣю въ виду партію въ ея цѣломъ, а не отдѣльные — въ общемъ, какъ извѣстно, довольно пестрые—ея элементы. Возвратившіеся со съѣзда земцы, быть можетъ, и нашли себѣ дѣло. Возможно и даже вѣроятно, что они приняли дѣятельное участіе въ организаціи за земскій счетъ тѣхъ «охранъ», которыя должны предупреждать и подавлять крестьянскія волненія. Тамъ на мѣстахъ ограничиваться только репликами довольно трудно... Съ другой стороны, среди членовъ конституціонно-демократической партіи, и въ

особенности среди «третьяго элемента», имѣются лица, которыя принимаютъ участіе въ организаціи всероссійскаго крестьянскаго союза. Въ газеты уже проникали извѣстія, какъ земцы встревожены этой растущей не по днямъ, а по часамъ и далеко не склонной удовлетвориться конституціонно-демократическими «прирѣзками» организаціи. Кое-гдѣ на этой почвѣ началась и борьба уже между ними и «третьимъ элементомъ». Вполнѣ возможно, далѣе, что въ «лѣвомъ крылѣ» партіи найдутся элементы, склонные къ еще болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, участвующіе въ «приготовленіяхъ» и, быть можетъ, даже сражающіеся на баррикадахъ. Живымъ людямъ, повторяю, оставаться въ роли зрителей и ограничиваться только шиканьемъ въ наши дни трудно. Внутри партіи, быть можетъ, уже назрѣваетъ драма: жизнь властно толкаетъ однихъ—въ ряды черной сотни, другихъ—подъ красное знамя. И только, быть можетъ, «профессора»—составляющіе, какъ извѣстно, очень видный элементъ «партіи высшаго порядка» *)—могутъ, не смотря ни на что, со спокойною душою разводить розовую водичку.

Но партія въ цѣломъ, повторяю, при данныхъ условіяхъ оказалась совершенно не дѣеспособной, и лидеры ея очутились въ до-нельзя затруднительномъ положеніи. Дѣла нѣтъ, лозунговъ нѣтъ... Ихъ надо выдумать, – иначе вся партія разсыпется. И П. Н. Милюковъ, со свойственною ему находчивостью, дѣло выдумалъ. Будемъ— пишетъ онъ въ «Народной Свободѣ»—дѣлать выборы. Впрочемъ, онъ не только дѣло, онъ и борьбу выдумалъ. Съ правительствомъ бороться по нынѣшнимъ временамъ, конечно, затруднительно, съ революціонерами вступать въ схватку зазорно. Въ такомъ случаѣ «Народная Свобода» начнетъ полемику съ «Молвою» («Русью»). И борьба началась...

Г. Суворинъ-сынъ тоже давно желаетъ дѣлать исторію. Если не ошибаюсь, уже 7 августа онъ началъ избирательную кампанію и опубликовалъ списокъ кандидатовъ въ Государственную Думу, которыхъ онъ намѣренъ поддерживать. Кандидаты были все изъ

*) Таковой, по мнѣнію „Права“ (см. № 50), является конституціонно-демократическая партія. „Въ смыслѣ развитія личности“—поясняетъ намъ эту классификацію проф. Зѣлинскій. Ну, конечно! Вѣдь она состоитъ, какъ объяснилъ въ „Народной Свободѣ“ г. Протопоповъ, сплошь изъ профессоровъ и земцевъ.

той же земской среды, въ которой пользуется такимъ обаяніемъ конституціонно-демократическая партія. Уже тогда П. Н. Милюковъ оказался, съ одной стороны, какъ бы въ союзѣ, а съ другой—какъ бы въ конкурренціи съ г. Суворинымъ. Теперь диффференцировка совершилась...

Выборы по положенію 6 августа сорвались, и г. Суворинъ, — по природѣ своей къ спросу довольно чуткій,—отъ веденія новой избирательной кампаніи отказался. Какъ тогда первымъ онъ ее началъ, такъ теперь первымъ онъ заявилъ, что никакіе выборы при данныхъ условіяхъ невозможны. Онъ выдумалъ другое: «рабочую палату»—«временную палату выборныхъ отъ земствъ, городовъ съ представителями отъ союзовъ и рабочихъ» — и «политически-честнаго человѣка, который практически и немедленно осуществилъ бы въ администраціи пріемы управленія конституціоннаго министра». Эти требованія онъ и печатаетъ изо-дня въ день на видномъ мѣстѣ жирнымъ шрифтомъ въ своей газетѣ подъ заголовкомъ: «наше мнѣніе».

П. Н. Милюковъ придумывалъ много дольше, но новаго выдумать оказался не въ состояніи и остался при старомъ: «будемъ дѣлать выборы». Для проведенія въ жизнь этого лозунга «Народная Свобода» прибѣгла къ тому же средству, что и «Молва». На видномъ мѣстѣ изо дня въ день мы читаемъ: «Граждане, готовьтесь къ выборамъ въ Государственную Думу! Записывайтесь въ избирательные списки! Устраивайте избирательныя собранія! Распространяйте программу конституціонно-демократической партіи!» И надо сказать правду, — по части шрифта «Народная Свобода» превзошла суворинскую газету: онъ въ ней и жирнѣе, и крупнѣе.

Но отъ этого самый лозунгъ не становится, конечно, осуществимѣе. Легко, въ самомъ дѣлѣ, сказать: «будемъ дѣлать выборы!» Легко сказать: «устраивайте собранія!» Но какъ ихъ устраивать, если по митингамъ стрѣляютъ изъ орудій. «Распространяйте программу конституціонно-демократической партіи!» Это сдѣлать, конечно, легче. Но вотъ маленькій эпизодъ, случившійся съ корреспондентомъ «Народной Свободы» и, повидимому, членомъ конституціонно-демократической партіи. Отправился онъ въ Москву въ качествѣ спеціальнаго корреспондента.

18 декабря—разсказываетъ онъ—я рѣшилъ проникнуть по Пресне до

Прохоровской мануфактуры, чтобы взглянуть на картину разрушенія и опредѣлить приблизительно размѣры убытковъ, причиненныхъ стрѣльбой

На Бронной солдаты меня не пропускаютъ. Путь на Прѣсню свободенъ лишь черезъ Девятинскій переулокъ. Подъѣзжаю.

Кордонъ солдатъ гвардейскаго семеновскаго полка останавливаетъ меня.

— Куда ѣдешь?

— Можно проѣхать на Прѣсню?

— Можно, но тебя надо обыскать. Семеновцы увлекаются дѣломъ обыска и начинаютъ даже рыться въ моемъ бумажникѣ.

Замѣчаю имъ, что ихъ дѣло смотрѣть, нѣтъ ли при мнѣ оружія.

— Молчать!—крикнулъ мнѣ повелительно солдатъ.

Между бумагами находятъ программу конституціонно-демократической партіи; солдатъ по слогамъ начинаетъ разбирать. Ко... кон... ти... ціоная... демократичи...

Стоящіе кругомъ солдаты переполошились.

— Братцы, демократъ, не пускай его. Держи,—раздались голоса.

Меня схватили.

Послѣ долгихъ издѣвательствъ, сопровождаемыхъ ударами ружейнаго приклада, меня, наконецъ, повели, согласно моему требованію, къ офицеру.

. . . . . .

Солдатъ передалъ офицеру всѣ документы, мой бумажникъ и т. д.

Офицеръ взялъ конвертъ, лежащій сверху, и прочелъ: редакція „Биржевыхъ Вѣдомостей". Въ конвертѣ было удостовѣреніе за подписью г. Милюкова, что я состою корреспондентомъ газеты „Народная Свобода", и посланъ въ Москву, чтобы дать отчетъ о тамошнихъ событіяхъ.

Началось новое издѣвательство, конечно, болѣе утонченное. Офицеръ совѣтовался съ солдатами, что со мною сдѣлать. Я начиналъ чувствовать серьезность своего положенія и ни откуда не видѣлъ помощи. Я былъ одинъ на одинъ съ солдатами.

— Господинъ офицеръ,—взмолился я въ послѣдній разъ,—прошу васъ, отпустите меня.

— Хорошо,—отвѣтилъ офицеръ.—Бѣги, вотъ переулокъ. Бѣги, пока солдаты не разозлились; бѣги, не останавливайся и не оглядывайся.

Мнѣ велѣли бѣжать не въ сторону Девятинскаго переулка, откуда я пришелъ и гдѣ меня ожидалъ мой извозчикъ. Мнѣ предлагали бѣжать, не оглядываясь, въ діаметрально-противуположную сторону, бѣжать прямо вдоль длиннаго безлюднаго переулка.

Но, очевидно, что стоило бы мнѣ броситься бѣжать отъ солдатъ, не оглядываясь и не останавливаясь, и меня бы моментально разстрѣляли.

Я отказался отъ такого удовольствія.

«Будемъ дѣлать выборы!...» Не придется ли, однако, «отказаться отъ такого удовольствія?» Какіе, въ самомъ дѣлѣ, возможны выборы среди баррикадъ, подъ грохотъ орудій и трескотню пулеметовъ, когда кругомъ пристрѣливаютъ и прикалываютъ и вдоба-

вокъ еще, при содѣйствіи свояка г. Дурново, вѣшать будутъ? Во всякомъ случаѣ, не конституціонно-демократическая партія при такихъ условіяхъ «сдѣлаетъ» выборы. Если они будутъ сдѣланы, то, конечно, тѣми, въ чьихъ рукахъ имѣется оружіе.

Безъ будущаго... Да! ставить сейчасъ какія-либо отдаленныя задачи и строить какіе-либо общіе планы, не мыслимо. Революція идетъ, какъ и должна идти, стихійно. Приходится жить со дня на день, дѣлать только сегодняшнее дѣло, къ будущему же только «готовиться». Дальше лежитъ полоса неизвѣстности, — полоса, несомнѣнно, крупныхъ событій и тяжкихъ потрясеній, великихъ дѣяній и невыносимыхъ страданій, но какихъ — никто предусмотрѣть не въ силахъ. Какъ въ темную ночь живемъ мы.

Но за этой темной, многострадальной ночью, — мы увѣрены— наступитъ свѣтлое, радостное утро. И въ этомъ смыслѣ у насъ есть, конечно, будущее. Я имѣю въ виду русскій народъ и потому могу сказать: великое будущее.

Оглавленіе.

	стр.
I. Война и отечество.	5— 19
II. Канунъ рожденія русской демократіи.	19— 27
III. Шагъ на мѣстѣ.	27— 37
IV. Хромота на оба колѣна и лѣкарство С. Ю. Витте.	37— 43
V. Бакинская трагедія и борьба съ крамолой. . . .	44— 51
VI. Народъ и интеллигенція.	51— 57
VII. О томъ, какъ ѣдетъ Улита.	57— 61
VIII. Растерявшіеся націоналисты.	61— 69
IX. Дворянская декларація и г. Шиповъ въ качествѣ ея обоснователя.	70— 80
X. Почему намъ нужно „послѣднее слово“. . . .	80— 88
XI. О расположившихся на средней позиціи. . . .	81— 96
XII. Почему нужно непремѣнно всеобщее и непремѣнно прямое голосованіе.	96—105
XIII. Источникъ либеральной народобоязни. . . .	105—112
XIV. Соціальная проблема въ ея отношеніяхъ къ политической.	112—117
XV. Ворона все мокнетъ.	117—122
XVI. Лебедь, щука и волъ	122—131
XVII. „Пріобрѣтенная позиція“.	131—141
XVIII Уличная борьба и игра въ шахматы.	141—145
XIX. Сомнительная автономія.	145—156
XX. Памяти парламентера.	156—160
XXI. О голодѣ и писательскомъ безсиліи.	160—181